

LE DÉMOCRATE - SOCIALISTE .

Revue trimestrielle

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕГДѢ СТРАНѢ
СОЕДИНЯЙТЕСЬ !

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

N.º 1

ТРЕХМЕСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“

1890

П 12150.

Russischer Leseverein

93

LE

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

**трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.**

**ФЕВРАЛЬ
книга первая.**

ЛОНДОНЪ

Типографія "Соціаль-Демократа"

1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эви , переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ . Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса	41
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ.	108

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(Статья первая).

„Наша съ тобою жизнь принадлежит исторіи, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и буду зъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ тѣхъ, кто жилъ съ нами.“

(Изъ письма Чернышевскаго къ жонѣ, писаннаго въ Петропавловской крѣпости 5 октября 1862 г.)

Семнадцатаго октября 1889 года скончался Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Наши „легальныя“ изданія проводили его въ могилу лишь краткими и сухими некрологами. Этими некрологами и окончилась литературныя поминки по писателѣ, дѣятельность котораго составила эпоху въ исторіи нашей литературы. Сказавъ о немъ два-три слова робкимъ и завѣвающимся голосомъ, наша „независимая печать—объ „охранительной“ мы здѣсь не говоримъ—повидимому совершенно забыла немъ, какъ будто бы она торопилась перейти къ болѣе интереснымъ темамъ. Со стороны, напримѣръ иностранцу, знающему русскій языкъ и знакомому съ русской литературой, это, на наѣврное, показалось бы очень страннымъ. Правда, теперь, Господу споспѣшествующу, у насъ уже нѣтъ ни одного журнала, который могъ бы назваться вполнѣ симпатизирующимъ стремленіямъ и взглядамъ покойнаго Чернышевскаго. Русская мысль ушла такъ далеко впередъ по сравненію съ концомъ пятидесятихъ и началомъ шестидесятихъ годовъ, мы стали теперь такими трезвыми, умѣренными и благоразумными, что знаменитый авторъ романа „Что дѣлать?“ можетъ казаться намъ не болѣе, какъ даровитымъ, но слишкомъ уже непрактичнымъ и отчасти даже нѣсколько опаснымъ мечтателемъ. Мы уже знаемъ теперь, что *дѣлать* нужно совсѣмъ не то, что хотѣлъ дѣлать Чернышевскій. Онъ разсуждалъ на социалистическія темы, а мы думаемъ, что достаточно отстоять земское самораззореніе и спасти отъ зубовъ кулака хвостикъ сельской общины. Такъ умиротворились мы,

умудренные опытомъ. Но этого мало. Главное то, что теперь мы *дѣлаемъ* (когда *дѣлаемъ*) совсѣмъ не такъ, какъ *дѣлалъ* Чернышевскій. Мы поспѣшаемъ съ медленностью, а онъ какъ будто и не слышалъ объ этомъ мудромъ правилѣ. Онъ дѣлалъ иногда такіе неосторожные шаги, позволялъ себѣ такіа необдуманно-смѣлыя выраженія, отъ одного воспоминанія о которыхъ теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ, можетъ заболѣть лихорадкой пной трезвый, благоразумный, либеральный или умѣренно радикальный „имярекъ“. Все это такъ, все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но вѣдь не нужно вполнѣ раздѣлять взгляды и стремленія писателя для того, чтобы посвятить оцѣнкѣ его дѣятельности нѣсколько печатныхъ листовъ въ журнальной книжкѣ. Для этого достаточно знать, что онъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, игралъ въ свое время замѣтную роль въ литературѣ. Какой же либеральный „имярекъ“ можетъ одобрить взгляды Каткова? А между тѣмъ, мало-ли кричали о немъ послѣ его смерти? Или, можетъ быть, дѣятельность Миханла Никифоровича Каткова заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ дѣятельность Николая Гавриловича Чернышевскаго? Едва-ли мы дошли до такой степени благоразумія, чтобы думать подобныя вещи.

Дѣло объясняется гораздо проще. Николай Гавриловичъ Чернышевскій былъ жертвой самыхъ злыхъ, самыхъ беспощадныхъ преслѣдованій со стороны правительства. Говоря о *жертвѣ*, наша „независимая“ печать, при всемъ испытанномъ благоразуміи своемъ, не можетъ не высказать нѣсколькихъ горькихъ истинъ *палачамъ*. А такъ какъ цензурная ферула находится въ рукахъ именно этихъ палачей, то неудивительно, что наши періодическія издаія сочли за лучшее совершенно обойти щекотливую тему. „Съ сильнымъ не борись“ — говоритъ наша народная мудрость, и въ это: ѣ случаѣ съ нею совершенно сходится мудрость русской печати.

А, право, нельзя не пожалѣть объ этомъ совпаденіи двухъ мудростей. Поучительно было бы сравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, и воочію, на разборѣ сочиненій Чернышевскаго, показать читателю, какъ далеки мы теперь отъ лжеученій этого социалиста и революціонера. Убѣдившись въ этомъ, читатель лишній разъ поблагодарилъ бы небо за быстрое развитіе русской общественной мысли.

Насъ, пишущихъ за границей, цензурная ферула трогаетъ лишь косвенно, черезъ посредство разныхъ дипломатическихъ „давленій“. При томъ же мы оттого и пишемъ за границей, что не успѣли еще проникнуться достаточной степенью благоразумія и до сихъ поръ думаемъ, что не мѣшаетъ иногда вступить въ борьбу съ сильнымъ и напомнить палачамъ объ ихъ жертвахъ. Вотъ почему мы сочли своею обязанностью въ первой же книжкѣ нашего журнала сдѣлать по возможности полную и безпристрастную оцѣнку литературной дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго.

Какъ ни пріятно было для насъ исполненіе этой обязанности, но оно въ тоже время было не легко. Мы уже не говоримъ о недостаточности нашихъ силъ для такого важнаго дѣла. Это разумѣется само собою. Но кромѣ того, мы просимъ читателя помнить, что до на-

стоящаго времени не существуетъ еще полнаго собранія сочиненій Чернышевскаго. Изданныя за границей (г. Эпидинумъ и отчасти г. Жемановымъ) статьи его далеко не составляютъ и половины всего имъ написаннаго. Поэтому мы вынуждены были обратиться къ первоначальному источнику т. е. къ журналу „Современникъ“, въ которомъ главнымъ образомъ писалъ Николай Гавриловичъ. Всѣмъ извѣстно, легко-ли доставать старые русскіе журналы за границей. Мы только отчасти могли справиться съ этой трудностью. Мы не могли достать „Современникъ“ за нѣкоторые изъ тѣхъ годовъ, къ которымъ относится сотрудничество въ немъ Чернышевскаго. При чтеніи же тѣхъ книжекъ его, которыя удалось достать намъ, мы встрѣтили новое затрудненіе. Очень многія статьи Чернышевскаго, — именно, всѣ статьи въ отдѣлахъ „новыхъ книгъ“, „политики“ и „литературы“ (русской и иностранной) — печатались безъ подписи. Намъ пришлось, поэтому, съ работой крптика соединить работу библіографа и перечитывать неподписанныя статьи съ тѣмъ, чтобы, по языку и приемамъ изложенія, опредѣлить вѣроятность ихъ принадлежности Н. Г. Чернышевскому. Понятно, что здѣсь возможны были сомнѣнія и даже ошибки. Какъ ни своеобразна литературная манера Чернышевскаго и какъ ни легко узнать его слогъ всякому, кто прочелъ со вниманіемъ хоть немногія изъ его произведеній, но всетаки относительно нѣкоторыхъ статей мы такъ и не могли рѣшить, принадлежать-ли онѣ ему, или кому нибудь другому. Вообще говоря, мы избѣгали ссылокъ на подобныя сомнительныя статьи. Только въ одномъ случаѣ, на который будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, мы рѣшились отступить отъ этого правила, сославшись на статью, можетъ быть, даже вѣроятно не принадлежащую нашему автору, но чрезвычайно важную для оцѣнки взглядовъ кружка „Современника“ на социальный вопросъ. Всѣ же остальные изъ цитируемыхъ нами статей несомнѣнно написаны Чернышевскимъ, и въ этомъ легко убѣдится всякій, кто потрудится прочесть ихъ:

Послѣ этой необходимой, но мало интересной оговорки, мы могли бы, кажется, перейти къ дѣлу. Но намъ, какъ на грѣхъ, подвергается на языкъ новая оговорка. Мы хотимъ извиниться передъ читателемъ въ томъ, что нашъ критическій очеркъ начнется довольно длинной выпиской. Кто не знаетъ, что подобныя введенія и некрасивы и педантичны? Но мы миримся съ этимъ обстоятельствомъ, потому что наша выписка хорошо пояснитъ наше отношеніе къ дѣлу. Когда пріятное идетъ въ разрѣзъ съ полезнымъ, то часто поневолѣ жертвуешь полезному пріятнымъ. Впрочемъ, выписка эта берется нами изъ хорошаго источника, изъ того самаго автора, о которомъ пойдетъ у насъ рѣчь, и именно изъ его *„Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“*.

„Если у каждаго изъ насъ — говоритъ онъ въ этихъ очеркахъ, переходя къ критикѣ гоголевскаго времени — если у каждаго изъ насъ есть предметы столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя холодность и спокойствіе, старается избѣгать выраженій, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что, при соблюденіи всей воз-

можной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча, — если говоримъ мы, у каждаго изъ насъ, есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика гоголевскаго періода занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ Гоголемъ... Потому-то будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе; въ настоящемъ случаѣ намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто, не выражающее всей полноты чувства“. Мы относимся къ геніальному критику гоголевскаго періода, В. Г. Бѣлинскому, съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ и съ такою же горячею любовью, какую питалъ къ нему авторъ цитируемыхъ очерковъ. Въ этомъ отношеніи мы ничего не можемъ ни убавить изъ сдѣланной выписки, ни прибавить къ ней. Но мы замѣтимъ, что въ настоящее время для всякаго русскаго соціалиста предметомъ такой же горячей любви и такого же глубокаго уваженія является самъ Н. Г. Чернышевскій. Вотъ почему мы послѣдуемъ его собственному примѣру и, говоря о немъ, постараемся остаться какъ можно болѣе холодными и спокойными, такъ какъ, дѣйствительно, „есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто не выражающее всей полноты чувства.“

I

Мы не имѣемъ въ виду писать біографію Н. Г. Чернышевскаго. Для этого нѣтъ еще достаточныхъ матеріаловъ. О жизни его мы имѣемъ до сихъ поръ лишь очень скудныя свѣдѣнія. То немного, что мы знаемъ о немъ съ этой стороны, содержится въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ заграничному изданію его сочиненій (см. брошюру „Лессингъ“ и второе изданіе романа „Что дѣлать?“) Очеркъ этотъ очень кратокъ. Но въ немъ есть кое-какія хронологическія данныя, а что еще важнѣе, — въ немъ напечатаны документы, относящіеся къ суду надъ Чернышевскимъ. Разумѣется, мы воспользуемся этими данными, дополняя ихъ нѣкоторыми фактами, заимствованными изъ собственныхъ сочиненій нашего автора. Но всего этого слишкомъ и слишкомъ мало, и потому нельзя не пожелать, чтобы лица, больше насъ знающія о Чернышевскомъ, поскорѣе напечатали свои воспоминанія о немъ, а также и имѣющіяся въ ихъ распоряженіи письма его и бумаги. Этимъ они оказали бы большую услугу и публикѣ и литературѣ.

Но въ ожиданіи этого приходится довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя у насъ уже есть. А они сводятся вотъ къ чему. Николай Гавриловичъ былъ сынъ священника саратовскаго собора и родился въ 1829 году. Учился онъ сначала въ саратовской семинаріи, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ въ 1850 году курсъ филологическаго факультета. Нѣкоторое время послѣ этого онъ былъ преподавателемъ во второмъ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ перевелся учителемъ гимназій въ Сара-

товъ. Тамъ, въ своемъ родномъ городѣ, онъ скоро женился, если не ошибаемся, на сестрѣ очень извѣстнаго теперь ученаго писателя Пыпина. Но молодому Чернышевскому очевидно трудно было дышать затхлымъ воздухомъ провинціи, и вотъ уже въ 1853 году мы опять видимъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ снова находитъ себѣ уроки во второмъ кадетскомъ корпусѣ, а также занимается переводами и разборомъ новыхъ книгъ для „Отечественныхъ Записокъ.“ издававшихся тогда Краевскимъ и Дудышкинымъ. Мы едва-ли ошибемся, предположивъ, что нашему автору пришлось испытать много нужды и лишеній въ этотъ переходный періодъ его жизни. Онъ былъ тогда простымъ литературнымъ чернорабочимъ, а извѣстно, что черный трудъ далеко незавидно оплачивается въ нашей литературѣ. Другихъ же источниковъ существованія у Чернышевскаго никогда не было. Но онъ былъ молодъ, здоровъ и не боялся никакого труда, никакихъ усилій. Кромѣ литературныхъ работъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, онъ занимался также своей магистерской диссертацией, объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности.“ Самый выборъ темы для диссертации достаточно показываетъ, какія задачи ставилъ себѣ онъ въ своей будущей дѣятельности. Со своимъ образованіемъ, способностями, безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и замѣчательнымъ даромъ общепонятнаго изложенія самыхъ сухихъ и трудныхъ предметовъ, онъ могъ бы рассчитывать на блестящую ученую карьеру. Ему стоило только захотѣть — и профессорская кафедра, навѣрное, была бы за нимъ обезпечена. Но ему хотѣлось другого. Его привлекала дѣятельность критика и публициста. Какъ ни строга была русская цензура, но у всѣхъ въ памяти былъ примѣръ Бѣлинскаго, который, не смотря на цензурныя рогатки, не только съумѣлъ пустить въ литературное обращеніе множество самыхъ важныхъ истинъ, но и поставилъ нашу критику на совершенно новую теоретическую основу. Мы уже знаемъ, какъ горячо любилъ и какъ глубоко уважалъ Чернышевскій этого писателя. Не удивительно, что ему хотѣлось идти по слѣдамъ Бѣлинскаго, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности продолжать его дѣло. Притомъ карьера императора Николая видимо близилась къ концу, несостоятельность его системы становилась очевидной для всѣхъ, такъ что при новомъ царствованіи можно было рассчитывать на нѣкоторую политическую оттепель и на нѣкоторое смягченіе нравовъ

Богомольной старой дуры,
Нашей чопорной цензуры,

какъ величалъ ее Пушкинъ. Начинающіе писатели могли, такимъ образомъ, не безъ основанія рассчитывать на нѣсколько лучшее будущее. Наконецъ, у Николая Гавриловича были очень своеобразные взгляды на задачи людей, желающихъ посвятить свои труды благу Россіи. Въ силу этихъ взглядовъ онъ и не могъ придавать большого значенія чисто ученой дѣятельности своихъ соотечественниковъ. Въ цитированныхъ уже нами „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“ онъ очень опредѣленно высказывается на этотъ счетъ. „Многіе изъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, — говорятъ онъ — имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому

искусству, а не какимъ нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины. Бэконъ, Декартъ, Галилей, Лейбницъ, Ньютонъ, Гумбольдтъ и Либихъ, Кювье и Фаредъ, трудились и трудятся, думая о пользахъ науки вообще, а не о томъ, что именно въ данное время нужно для блага известной страны, бывшей ихъ родиною... Они, какъ дѣтели умственнаго міра, — космополиты.“ Но не въ такомъ положеніи находятся, по его мнѣнію, дѣтели умственнаго міра въ Россіи. Имъ еще нельзя быть космополитами, т. е. нельзя думать объ интересахъ чистой науки или чистаго искусства. Въ этомъ смыслѣ, по условіямъ ихъ страны, имъ приходится быть „патріотами.“ т. е. думать прежде всего о специальныхъ нуждахъ своей родины. Идеаломъ „патріота“ въ этомъ смыслѣ является для Чернышевскаго Петръ Великій, человекъ, задавшійся цѣлью перенести въ Россію всѣ блага европейской цивилизаціи. Онъ думалъ, что и въ его время цѣль эта далеко еще не исполнѣ была достигнута. „До сихъ поръ для русскаго человѣка единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки — содѣйствіе распространенію ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу, — содѣйствіе, по мѣрѣ силъ дальнѣйшему развитію того, что на то Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины“*). Чернышевскій именно и хотѣлъ посвятить свои силы распространенію на своей родинѣ высокихъ идей правды, искусства, науки. Какъ понималъ онъ ихъ, — это, собственно говоря, можно было бы показать при разборѣ его сочиненій. Но прежде, чѣмъ перейти къ такому разбору, намъ хотѣлось бы охарактеризовать его общую точку зрѣнія и показать отношеніе его къ его литературнымъ предшественникамъ. Сдѣлавъ это, мы уже безъ большаго труда, сможемъ оцѣнить тотъ или другой изъ его отдѣльныхъ взглядовъ. И намъ тѣмъ удобнѣе сдѣлать это теперь, что у насъ идетъ пока рѣчь именно о томъ періодѣ его жизни, когда онъ, еще не принимая особенно дѣятельнаго участія въ литературѣ, занимался выработкой своихъ взглядовъ, усвоеніемъ и анализомъ „высокихъ идей правды, искусства, науки.“

Изъ всѣхъ своихъ литературныхъ предшественниковъ Чернышевскій съ наибольшимъ уваженіемъ относился къ В. Г. Бѣлинскому и его кружку. Можно было бы думать, поэтому, что онъ воспитался именно на сочиненіяхъ Бѣлинскаго и его кружка, что онъ изъ этого источника почерпнулъ свое пониманіе идей правды, науки и искусства. Это, однако, не совсѣмъ такъ. Хотя въ своихъ сочиненіяхъ Чернышевскій вовсе не касается исторіи своего умственнаго развитія, но есть у него одна маленькая замѣтка о Добролюбовѣ, могущая пролить на нее нѣкоторый свѣтъ. Мы имѣемъ въ виду письмо, на-

*) См. *Современникъ*, 1856 г. книгу 4, отдѣлъ критики, стр. 29-31.

писанное имъ послѣ смерти Добролюбова въ отвѣтъ на статью нѣкоего г. З - на и напечатанное въ февральской книжкѣ „Современника“ за 1862 годъ. Въ своей статьѣ г. З - нъ сказалъ, между прочимъ, что покойный Добролюбовъ былъ ученикомъ Чернышевскаго и находился подъ сильнѣйшимъ его вліяніемъ. Чернышевскій горячо и даже очень раздражительно отрицаетъ это, говоря, что Добролюбовъ совершенно самостоятельно пришелъ къ своимъ взглядамъ и былъ гораздо выше его какъ по своимъ умственнымъ силамъ, такъ и по литературному таланту. Намъ не нужно рѣшать теперь, насколько совпадало съ дѣйствительностью это скромное заявленіе. Изъ всего письма Чернышевскаго насъ интересуетъ теперь лишь слѣдующее мѣсто. Напомнивъ о томъ, что Добролюбовъ зналъ нѣмецкій и французскій языки и могъ, такимъ образомъ, въ подлинникъ ознакомиться съ наиболѣе замѣчательными литературными произведеніями Франціи и Германіи, Чернышевскій говоритъ: „если же даровитый русскій человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, написанныя по русски могутъ ему правиться, могутъ восхищать его, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія“ *). Это совершенно справедливо. Но вѣдь Чернышевскій также зналъ иностранные языки, также читалъ въ рѣшительные для его развитія годы книги нашихъ общихъ великихъ западныхъ учителей. Поэтому позволительно думать, что и его могли только восхищать нѣкоторыя, писанныя по русски статьи и книги, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для него онѣ не были первоначальнымъ источникомъ его понятій и знаній. Спрашивается теперь, каковъ же именно былъ этотъ первоначальный источникъ? Въ какихъ именно литературахъ и въ какихъ отрасляхъ этихъ литературъ слѣдуетъ намъ искать его?

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ для нашихъ молодыхъ людей въ рѣшительные годы ихъ развитія, однимъ изъ важнѣйшихъ пособій являлась, между прочимъ, нѣмецкая философія. Въ послѣдующія десятилѣтія это было уже иначе. Въ пятидесятыхъ годахъ къ нѣмецкой философіи у насъ были, какъ кажется, просто равнодушны. Въ шестидесятыхъ — къ ней стали относиться съ враждой и презрѣніемъ. Нѣмецкая философія была объявлена „метафизикой“, на которую „мыслящимъ реалистамъ“ не стоить тратить времени. Между западно-европейскими философами признаны были заслуживающими снисхожденія только позитивисты. Война противъ нѣмецкой философіи ведена была у насъ такъ удачно, что наши „мыслящіе реалисты“ могутъ гордиться своей побѣдой надъ „метафизикой“; они съ справедливой гордостью могутъ сказать, что не имѣютъ онѣмецкой философіи рѣшительно никакого понятія. Но ни Чернышевскій, ни его ближайшіе друзья не принадлежали въ числу этихъ побѣдоносныхъ реалистовъ. Они интересовались нѣмецкой философией и

*) Въ изъявленіе признательности, письмо къ г. З-ну, „Современникъ“, февраль 1861 года.

внимательно изучали ее историю. Ее развитие и тогдашнее состояние несомненно повлияло на них очень сильно, как повлияло оно и на друзей Бэлинского. Но кѣмъ же изъ нѣмецкихъ философовъ могъ увлекаться Чернышевскій?

Конечно не Фихте, не Шеллингомъ и не Гегелемъ. Ими могъ увлекаться въ свое время Бэлинскій, но уже и для него системы этихъ философовъ, во вторую половину его критической дѣятельности, представляли собою, какъ говорятъ нѣмцы, *ein überwundener Standpunkt*. Тѣмъ болѣе можно сказать это о Чернышевскомъ. Въ то время, къ которому относятся рѣшительные годы его развитія, философія уже навсегда распростилась со всѣми разновидностями идеализма. Но если это было такъ, то какой же изъ нѣмецкихъ философовъ могъ имѣть на него наибольшее вліяніе? Поищемъ намека на отвѣтъ опять таки въ его собственныхъ сочиненіяхъ. Въ своихъ „Полемическихъ красотахъ“, написанныхъ въ отвѣтъ „Русскому Вѣстнику“ и „Отечественнымъ Запискамъ“, сильно нападавшимъ на все его направленіе вообще и на его статью „Антропологическій принципъ въ философіи“, Чернышевскій категорически говоритъ, что онъ придерживается одной философской системы, „составляющей самое послѣднее звѣно въ ряду философскихъ системъ“ и „вышедшей изъ гегелевской системы, точно также, какъ гегелевская вышла изъ шеллинговой.“ Люди, знакомые съ исторіей философіи уже отсюда видятъ, о какой системѣ говоритъ онъ. Тѣмъ же, которымъ дѣло неясно, мы приведемъ еще нѣсколько строкъ. „Вамъ вѣроятно хотѣлось бы узнать, кто же такой этотъ учитель, о которомъ я говорю? — спрашиваетъ Чернышевскій Дудышкина въ той же статьѣ. Чтобы облегчить вамъ поиски, я пожалуй скажу вамъ, что онъ — не русскій, не французъ, не англичанинъ; — не Бюхнеръ, не Максъ Штирнеръ, не Бруно Бауеръ, не Молешоттъ, не Фохтъ, — кто же онъ такой? Вы начинаете догадываться...“ И дѣйствительно, нельзя не догадаться: Чернышевскій говоритъ о Фейербахѣ. На Фейербаха указываетъ самое названіе единственной философской статьи, написанной Чернышевскимъ: объ *антропологической* точкѣ зрѣнія въ философіи заговорилъ впервые именно Фейербахъ. Мы могли бы привести изъ статей Чернышевскаго много доказательствъ того глубочайшаго уваженія, съ которымъ онъ относился къ Фейербаху. Для него Фейербахъ не ниже Гегеля, а этимъ сказано очень много, потому что Чернышевскій считалъ Гегеля однимъ изъ геніальнѣйшихъ мыслителей. Итакъ, философская точка зрѣнія нашего автора найдена. Какъ послѣдователь Фейербаха, Чернышевскій былъ матеріалистомъ. „Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами — писалъ онъ въ названной выше уже статьѣ объ „антропологическомъ принципѣ въ философіи“ — служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями фізіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, фізіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую

натуру, то эта другая натура непременно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой природы въ немъ нѣтъ. Это не нуждается въ толкованіяхъ.

II

Но не мѣшаетъ указать то мѣсто, которое принадлежитъ въ исторіи философіи учителю нашего автора. Ученіе Фейербаха вышло изъ ученія Гегеля. Но Гегель былъ идеалистомъ, Фейербахъ — рѣшительнымъ матеріалистомъ. Главная заслуга Фейербаха въ томъ и заключается, что въ его лицѣ философія навсегда покончила съ идеализмомъ. Однако здѣсь слѣдуетъ оговориться. Матеріалисты были и раньше Фейербаха. Чтобы не далеко ходить за примѣрами, укажемъ хоть на французскихъ матеріалистовъ конца прошлаго вѣка. „*Système de la Nature*“ — совершенно матеріалистическая книга. Но можно-ли сказать, что Фейербахъ просто на просто возвратилъ философію ко взглядамъ барона Гольбаха и его друзей? Это было бы несправедливо. Новѣйшій матеріализмъ весьма значительно отличается отъ матеріализма конца прошлаго вѣка; различіе это заключается главнымъ образомъ въ самомъ *методѣ мышленія*. Современный матеріализмъ — конечно, въ лучшихъ, развитыхъ своихъ представителяхъ — держится особаго метода мышленія, который называется *діалектическимъ*, и который французскимъ матеріалистамъ прошлаго вѣка былъ гораздо менѣе свойственъ, чѣмъ, на примѣръ, Фейербаху Руссо. Намъ нѣтъ надобности объяснять читателю, въ чемъ заключаются особенности современнаго діалектическаго метода мышленія, такъ какъ это уже сдѣлано лицомъ, гораздо болѣе насъ компетентнымъ. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ Фридрихъ Энгельсъ, человѣкъ, который своими трудами много способствовалъ дальнѣйшему систематическому развитію взглядовъ Фейербаха. „Для метафизика вещи и ихъ уметвенные образы, т. е. понятія, суть отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ на всегда данные предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Онъ мыслить законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукавого. Для него вещь существуетъ или не существуетъ; для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и одновременно чѣмъ нибудь другимъ; положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга, причина и слѣдствіе также совершенно противоположны другъ другу“. Не такъ мыслить діалектикъ. Онъ беретъ вещи и понятія, т. е. уметвенныя отраженія вещей, „въ ихъ взаимной связи, въ ихъ сдѣленіи, въ ихъ движеніи, въ ихъ возникновеніи и исчезновеніи“. Поэтому въ его глазахъ всѣ явленія и всѣ понятія приобрѣтаютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ глазахъ метафизика. Онъ не скажетъ, какъ это всегда съ твердостью, недопускающею возраженій го-

ворить метафизикъ, что предметъ существуетъ или не существуетъ въ каждое данное время. Въ обыденной жизни метафизикъ, конечно, правъ, но при болѣе внимательномъ, научномъ изслѣдованіи онъ совершенно сбивается съ толку и тогда начинается торжество діалектика. „Напримѣръ, мы въ обыденной жизни можемъ съ увѣренностью сказать, существуетъ данное животное, или нѣтъ, но при болѣе точномъ изслѣдованіи мы убѣждаемся, что это иногда въ высшей степени запутанный вопросъ, что прекрасно извѣстно юристамъ, такъ какъ они тщетно пытались открыть рациональную границу, за которой умерщвление ребенка во чревѣ матери можно считать убійствомъ. Также невозможно опредѣлить моментъ смерти, такъ какъ фізіологія показываетъ, что смерть есть не внезапный, мгновенный актъ, а очень медленно совершающееся явленіе“. Далѣе, для діалектика очевидно, что предметъ вполне можетъ быть самимъ собою и одновременно чѣмъ нибудь другимъ, такъ какъ предметы непрерывно измѣняются, а измѣненіе именно и есть тотъ процессъ, въ силу котораго предметъ перестаетъ быть самимъ собою и становится чѣмъ то другимъ. „Всякое органическое существо въ каждое данное мгновеніе есть то же и не то же: въ каждое данное мгновеніе оно перерабатываетъ получаемую извнѣ матерію и выдѣляетъ изъ себя другую, однѣ кѣлѣточки его организма умираютъ, а другія нарождаются, такъ что, спустя извѣстный промежутокъ времени, матерія даннаго организма вполне обновляется, замѣняется другимъ составомъ атомовъ; вотъ почему всякое органическое существо всегда то же и, однако, не то же“. Совершенно подобнымъ образомъ для діалектика понятіе о положительномъ и отрицательномъ, о причинѣ и слѣдствіи, имѣютъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ для метафизика. „При болѣе точномъ изслѣдованіи мы находимъ, что оба полюса какой нибудь противоположности, положительный и отрицательный, столь же неразрывны одинъ отъ другого, какъ и взаимно-противоположны, и что они, не смотря на всю свою противоположность, проникаютъ другъ друга. Точно также мы можемъ увидѣть, что причина и слѣдствіе суть представленія, имѣющія значеніе, какъ таковыя, лишь въ примѣненіи къ отдѣльному случаю, но какъ только этотъ случай мы станемъ разсматривать въ его общей связи съ цѣлымъ міромъ, то убѣждаемся, что причина и слѣдствіе совпадаютъ, что ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодѣйствія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь для насъ — слѣдствіе, то тамъ или тогда будетъ причиной, и наоборотъ“.

Если мы, послѣ всего сказаннаго, взглянемъ на методъ, котораго держались французскіе матеріалисты конца прошлаго вѣка (а нужно помнить, что методъ составляетъ душу всякой философской системы), то тотчасъ увидимъ, какъ мало общаго имѣли они съ новѣйшими матеріалистами. Въ противоположность этимъ послѣднимъ изъ придется назвать *метафизиками*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть читатель просмотритъ, напримѣръ, названную выше книгу „*Système de la Nature*“ и обратитъ вниманіе, какъ обращаются Гольбахъ и его друзья съ вопросами, ими же самими выдвинутыми въ борьбѣ съ про-

тивниками, но не рѣшенные ни ими, ни современной имъ наукой. Вопросы эти касаются главнѣйшихъ предметовъ человѣческаго знанія: развитія мірозданія, происхожденія человѣка и его различныхъ понятій, наконецъ, взаимныхъ отношеній людей въ обществѣ. Въ настоящее время наука — естествознаніе и исторія — рѣшаютъ всѣ эти вопросы посредствомъ ученія объ *эволюціи*, т. е. въ сущности посредствомъ того же діалектическаго метода, о которомъ говорятъ современные матеріалисты, но о которомъ часто не имѣютъ яснаго понятія даже самые выдающіеся ученые, обизанные ему наиболѣе блестящими своими открытіями. Гольбахъ и его друзья какъ будто задались цѣлью совершенно исключить понятіе объ эволюціи изъ всѣхъ своихъ разсужденій. Они разсматриваютъ предметы именно внѣ ихъ взаимной связи, одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Рѣчь ихъ именно состоитъ изъ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то кажется имъ отъ лукаваго. Поэтому имъ не только не удалось рѣшить многихъ изъ ими же поставленныхъ вопросовъ, но въ дѣйствительности они не всегда остаются вѣрными даже своей матеріалистической точкѣ зрѣнія, часто покидая еѣ для совершенно идеалистическихъ разсужденій. Во всемъ, что касается взаимныхъ отношеній людей и исторіи человѣческой мысли, они — чисты и притомъ чуждые научныхъ понятій идеалисты. Въ ихъ глазахъ исторія человѣчества есть не болѣе какъ исторія ошибокъ честныхъ простаковъ и козней корыстолюбивыхъ злодѣевъ. Человѣчество страдало и бѣдствовало, потому что было глупо и необразовано; но въ восемнадцатомъ столѣтіи взошло, наконецъ, солнце разума, и человѣчество станетъ теперь просвѣщеннымъ, а слѣдовательно и счастливымъ, — вотъ къ чему сводится вся ихъ философія исторіи. Но въ подобной философіи отсутствуетъ самое элементарное условіе научности: *понятіе о законсообразности*. Человѣчество страдало отъ своего необразованія и перестанетъ страдать, благодаря просвѣщенію, принесенному восемнадцатымъ вѣкомъ... Это очень хорошо, но спрашивается, чѣмъ же обуславливалась неразвитость человѣчества въ предшествующіе вѣка и откуда взялось просвѣщеніе въ восемнадцатомъ вѣкѣ? Вѣдь не съ неба же оно упало. Въ качествѣ матеріалистовъ мы уже не признаемъ врожденныхъ идей и говоримъ, что понятія человѣка представляютъ не болѣе, какъ умственные отраженія окружающихъ его предметовъ и происходящихъ передъ нимъ явленій. Но разъ мы держимся этого взгляда, то должны уже твердо держаться его и не забывать о немъ тотчасъ же, какъ только рѣчь пойдетъ объ исторіи человѣческой мысли. Въ этой исторіи мы такъ же мало можемъ говорить о случайности, какъ и о божественномъ провидѣніи. Это совершенно ненаучныя и совершенно недостойныя матеріалистовъ понятія. Для матеріалиста исторія человѣческой мысли есть такой же законсообразный и необходимый процессъ, какъ и развитіе солнечной системы. Потрудитесь же объяснить ходъ и условія этого процесса, потому что вѣдь ссылаться въ исторіи мысли на неразвитость мысли значитъ уподобиться тому доктору, который говорилъ: „ваша дочь сдѣлалась больна по той причинѣ, что заболѣла“. Но если вы взглянетъ на исторію человѣческой мысли какъ на законсообразный и необходимый процессъ, то успѣхи

ея не будутъ уже представляться вамъ первой и главнѣйшей причиною общественнаго развитія. Вамъ поневолю придется припомнить тогда діалектическое ученіе о причинѣ и слѣдствіи, и вы скажете себѣ: да, дѣйствительно, причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами; то, что теперь или здѣсь слѣдствіе, тамъ или тогда объявится причиной и наоборотъ. Успѣхи человѣческой мысли несомнѣнно и рѣшительно вліяютъ на общественныя отношенія людей, но въ то же время они сами зависятъ отъ этихъ отношеній, идя семимильными шагами при одномъ устройствѣ общества и часто на долго, если не навсегда, останавливаясь при — другомъ. И притомъ тѣ или другія общественныя отношенія возникаютъ вовсе не потому, что кажутся членамъ даннаго общества наиболѣе разумными и справедливыми. Напротивъ, увѣренность людей въ справедливости и разумности ихъ общественныя отношенія очень часто является простымъ слѣдствіемъ того обстоятельства, что они привыкли къ этимъ отношеніямъ, воспитались и выросли подъ ихъ вліяніемъ. Какимъ же образомъ возникаютъ и развиваются данныя общественныя отношенія? Возникновеніе, развитіе и исчезновеніе ихъ въ исторіи представляетъ собою по большей части безсознательный процессъ группировки людей въ ихъ борьбѣ за существованіе. Измѣняются условія борьбы людей за существованіе — измѣняются и ихъ общественная группировка, принимаютъ новый видъ ихъ общественныя отношенія, хотя очень часто люди совсѣмъ не замѣчаютъ подобнаго измѣненія, или замѣчаютъ его только отчасти, или, наконецъ, придумываютъ для него самыя несостоятельныя объясненія, на примѣръ, ссылаются на божественныя заповѣди, на естественный порядокъ вещей и тому подобное. Гегель справедливо замѣтилъ, что въ исторіи общественныхъ отношеній „сова Минервы начинаетъ летать только въ полночь“, т. е., что люди начинаютъ вдумываться въ данный общественный порядокъ только тогда, когда онъ уже отжилъ свой вѣкъ и становится при новыхъ историческихъ условіяхъ негоднымъ и вреднымъ. Люди стремятся тогда установить новый порядокъ, который почти всегда кажется имъ въ такихъ случаяхъ самымъ естественнымъ и разумнымъ, но который въ дѣйствительности имѣетъ лишь одно незамѣнимое преимущество: онъ оказывается наиболѣе подходящимъ для людей при новыхъ, измѣнившихся условіяхъ ихъ борьбы за существованіе.

Теперь естественно спросить себя, отъ чего зависятъ и какимъ образомъ измѣняются условія человѣческой борьбы за существованіе? Они даются, во-первыхъ, природой, во-вторыхъ, создаются людьми, но создаются ими по большей части безсознательно. Вліяніе географическихъ условій — почвы, климата, фауны, флоры, свойства поверхности, рѣчныхъ системъ, очертаній береговъ и пр. — на развитіе человѣческихъ обществъ теперь уже болѣе или менѣе выяснено наукой и не нуждается для своего поясненія ни въ какихъ примѣрахъ. Но характеръ и природа тѣхъ условій борьбы за существованіе, которыя безсознательно создаются самими же людьми, до сихъ поръ еще не ясны для многихъ. Поэтому примѣръ здѣсь не будетъ неумѣстенъ. — Возьмите такое общество, въ которомъ уже исчезло натуральное хозяйство и продукты производятся на сбытъ, для объема

DISCARDED

ихъ на рынкѣ, т. е., другими словами, становятся товарами. Само собою разумѣется, что производители такъ же мало задумываются надъ товарнымъ характеромъ своихъ продуктовъ, какъ мольтеровскій буржуа задумывался надъ прозаическимъ характеромъ своей обыкновенной рѣчи. Они производятъ товары не потому что товарное производство кажется имъ самымъ естественнымъ и разумнымъ: рассуждать объ этомъ они предоставляютъ особой породѣ людей, которые называются экономистами. Сами же они дѣлаютъ свои произведения товарами просто потому, что при данныхъ условіяхъ не могутъ не дѣлать ихъ товарами. Они вывозятъ ихъ на рынокъ, потому что имъ нужно обмѣнять ихъ на другія, необходимыя для нихъ произведения. Но эти произведения, смѣрно и неподвижно лежавшія въ мастерской, пока они оставались просто произведениями, начинаютъ чудить и самодурствовать, появившись на рынкѣ и пріобрѣтая званіе *товаровъ*. Иногда тотъ или другой товаръ оказывается „въ цѣнѣ“, и тогда производитель его торжествуетъ. Но иногда вдругъ, безъ всякихъ причинъ благовидныхъ, съ нимъ становится „тихо“, его мало спрашиваютъ, цѣна его падаетъ. Производитель опускаетъ голову. А иногда случается такъ, что даннаго товара и совсѣмъ никто не покупаетъ и тогда горе его производителю, если ему не удалось отложить деньжонокъ на черный день! Но такими, повидному, случайными колебаніями цѣнъ въ обществѣ товаропроизводителей дѣло не ограничивается. Мало по малу между ними начинается возникать неравенство: у одного дѣла идутъ лучше, чѣмъ у другого, и вотъ одинъ богатѣетъ, а другой раззоряется. Постепенно неравенство это — между прочимъ и вслѣдствіе успѣховъ техники — доходитъ до такой степени, что на рынкѣ появляется новый товаръ, называемый рабочею силой. Часть обѣднѣвшихъ товаропроизводителей уже не можетъ вести производство на собственный счетъ и нанимается въ работу къ хозяевамъ. Такимъ образомъ у насъ оказываются теперь уже хозяева и рабочіе, товарное общество становится *капиталистическимъ*. Кто создалъ это капиталистическое общество? Почему его создали? Потому-ли, что его считали самымъ разумнымъ и „естественнымъ“? Создали его люди, потому что въдъ ихъ же взаимныя отношенія и были тѣми отношеніями товаропроизводителей, изъ которыхъ развились впоследствии отношенія капиталистическія. Но создали они его безсознательно: ни Иванъ, ни Петръ, ни Алексѣй вовсе и не задумывались надъ тѣми послѣдствіями, которые вытекаютъ изъ товарнаго производства, они не задумывались даже и надъ тѣмъ, что значитъ товарный характеръ производства. Однако, ни Иванъ, ни Петръ, ни Алексѣй не имѣютъ, какъ мы уже признали, врожденныхъ идей. Ихъ образъ мыслей создается вліяніемъ окружающей обстановки. Живя въ капиталистическомъ обществѣ, они начинаютъ думать, что это и хорошо, что они живутъ въ немъ, что иначе и нельзя жить людямъ, что капиталистическій порядокъ самый „естественный“ и „справедливый“. Да и такъ думаютъ они только въ рѣдкихъ случаяхъ, а большею частью вовсе ничего не думаютъ о своемъ общественномъ порядкѣ: они берутъ его, какъ онъ есть, не спрашивая себя, могъ-ли бы онъ измѣниться. Тѣмъ не менѣе вліяніе капиталистическаго порядка все таки сказывается

на ихъ образѣ мыслей, на ихъ чувствахъ и привычкахъ. Они не приводятъ своихъ понятій въ систему. Но ихъ несистематическія, отрывочныя понятія насквозь пропитаны духомъ капитализма. Имъ пропитывается все: гражданское и государственное право, искусство и литература, естественныя и общественныя науки. Что касается общественныхъ наукъ — это ясно само собою: общественныя науки въ капиталистическомъ обществѣ представляютъ собою ничто иное, какъ возведеніе въ теорію капиталистическихъ отношеній. Въ примѣненіи къ естественнымъ наукамъ наша мысль можетъ показаться на первый разъ очень странною. Какимъ это образомъ взгляды людей на кислородъ или на индуктивныя токи могутъ быть пропитаны капиталистическимъ духомъ? Но мы и не говоримъ, что это можетъ быть. Мы хотимъ только сказать, что вѣдь не всегда же люди знали о кислородѣ и объ индуктивныхъ токахъ. Было время, когда они не имѣли о нихъ ни малѣйшаго понятія. Когда же они стали интересоваться ими? „Ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей, всѣ науки выросли изъ общественныхъ нуждъ и потребностей народовъ“ — давнымъ давно сказалъ одинъ гениальный итальянецъ. Вниманіе людей направлялось на тѣ или другія области явленій природы сообразно съ нуждами того общества, въ которомъ жили люди. Во всякой наукѣ практика всегда предшествовала теоріи и никогда не переставала оказывать на нее огромнѣйшее вліяніе. Какія же нужды, какая практика существуютъ въ капиталистическомъ обществѣ? Ясное дѣло: нужды и практика капиталистическаго, а не какого нибудь другого общества. Эти нужды и эта практика не только вызываютъ къ жизни извѣстныя теоріи, онѣ кладутъ на нихъ свою печать, иногда затрудняя, иногда ускоряя ихъ совершенствованіе. Вѣдь что ни говорите, а очень характерно то обстоятельство, что мысль объ огромномъ значеніи борьбы за существованіе явилась у зоологовъ уже послѣ того, какъ ее возвели въ принципъ теоретики капитализма — экономисты.

Но не вѣченъ и капиталистическій строй. Постепенно, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, по опять таки помню *сознательнаго* участія людей, въ немъ является уже очень много неудобствъ, уже очень много темныхъ и невыгодныхъ сторонъ. Невыгоды капитализма начинаютъ превѣшивать его выгоды. Историческій день его склоняется къ концу. Наступаетъ „ночь“, — и вотъ вылетаетъ „сова Минервы“: начинается критика капиталистическихъ отношеній. Люди спрашиваютъ себя: да неужели нельзя завести другого порядка? Тѣ изъ нихъ, на которыхъ въ особенности обрушиваются увеличивающіеся неудобства капитализма, вдумываются въ этотъ вопросъ внимательнѣе и къ своему собственному удивленію открываютъ, что завести другой порядокъ не только можно, но и должно. Возникаютъ теоріи, называемыя вредными ученіями коммунизма и социализма. Подъ ихъ знаменемъ группируются всѣ обездоленные, угнетенные существующимъ порядкомъ. Но почему же прежде-то ничего этого не было? Неужели теоретики прежняго времени — всѣ эти свѣтила науки, Пэтти, Смиты и Рикардо, — были просто на просто хитрыми сикофантами, защищавшими дѣло, выгодное лишь для крошечной горсти счастливицевъ? Совсѣмъ нѣтъ, это были честные мыслители, но какъ же вы хотите, чтобы

они открывали то, чего еще и не было въ дѣйствительности. Въ ихъ время историческое движеніе еще не обнаружило или, вѣрнѣе сказать, еще не создало тѣхъ неудобствъ капитализма, противъ которыхъ борются теперь социалисты, поэтому они и не подозрѣвали ихъ возможности. Довлѣтъ дневн злоба его — этого никогда не нужно забывать при изученіи исторіи человѣческой мысли.

Насъ спросятъ, можетъ быть, не существуетъ-ли связи между указанными выше природными, географическими условіями человѣческаго развитія и тѣми условіями его, которыя безсознательно создаются людьми въ процессѣ производства продуктовъ? Связь эта несомнѣнно существуетъ. Подъ вліяніемъ географическихъ условій совершается экономическое развитіе человѣчества. Оно происходитъ съ большею или меньшею быстротою, принимаетъ то или другое направленіе именно благодаря тому или другому характеру географической среды, окружающей данное общество. Въ Китаѣ и въ Атикѣ, въ равнинахъ Сѣверной Америки и на берегахъ Нила формы общественныхъ отношеній на первыхъ ступеняхъ развитія были совершенно одинаковы, можно сказать тождественны. Наука о первобытныхъ учрежденіяхъ повсюду находитъ, напримѣръ, родовой бытъ. Человѣчество очевидно имѣетъ одну точку отправленія. Но природныя условія борьбы за существованіе различны, и потому формы человѣческаго обществитія съ теченіемъ времени принимаютъ различный характеръ. Одинаковый повсюду родовой бытъ уступаетъ мѣсто самымъ различнымъ общественнымъ отношеніямъ. Строй афинскаго общества не похожъ на строй Китая; ходъ экономическаго развитія Запада вообще не похожъ на ходъ экономическаго развитія Востока. Конечно, много зависить тутъ и отъ вліянія окружающей данное общество исторической среды, но „географическая подкладка“ человѣческаго развитія все таки несомнѣнно и очень сильно даетъ себя чувствовать.

Однако, къ чему все это? А все къ тому же, все затѣмъ, чтобы показать нѣкоторыя особенности новѣйшаго матеріализма, приверженцемъ котораго былъ и Н. Г. Чернышевскій. Мы хотѣли только сказать, что новѣйшіе матеріалисты понимаютъ ходъ историческаго развитія такъ, или почти такъ, какъ мы изложили, а матеріалисты конца прошлаго вѣка были совершенно чужды такого пониманія исторіи. Въ ихъ міросозерцаніи было еще очень много остатковъ идеализма. Въ своихъ историческихъ взглядахъ они, какъ мы сказали, во многомъ оставались идеалистами. Они отрицали существованіе врожденныхъ идей въ головѣ отдѣльнаго человѣка, но они признавали, такъ сказать, самопроизвольное зарожденіе и развитіе идей въ человѣческомъ обществѣ. Они и не подозрѣвали, что историческое развитіе человѣческой мысли совершается подъ вліяніемъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сознаниемъ и волей человѣка. Поэтому, только съ появленіемъ новѣйшаго матеріализма сдѣлалось возможнымъ научное пониманіе человѣческой исторіи. Съ точки зрѣнія новѣйшаго матеріализма „исторіи“ человѣчества перестаетъ казаться нелѣпой путаницей бессмысленныхъ насилій, которыя ровно всѣ осуждаются передъ судейскимъ кресломъ теперь лишь созрѣваемаго философскаго разума, и которыя лучше всего забыть какъ можно скорѣе. Исторія людей является

процессомъ развитія самого человѣчества, и задача современной мысли состоитъ теперь въ томъ, чтобы прослѣдить постепенныя ступени этого процесса... и показать внутреннюю его законосообразность, среди всѣхъ кажущихся случайностей“.

Эта задача въ значительной степени уже рѣшена трудами Маркса и Энгельса, великихъ социалистовъ, которымъ выпало на долю продолжать дѣло развитія философской мысли послѣ Гегеля и Фейербаха. Но нужно помнить, что матеріалистическимъ, т. е. единственнымъ научнымъ пониманіемъ исторіи мы обязаны именно Марксу и Энгельсу (отчасти, впрочемъ, еще американскому писателю Моргану), а не Фейербаху. Въ эпоху Фейербаха задача философской мысли была другая. Ей нужно было прежде всего покончить съ идеализмомъ во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ. На это и были употреблены силы Фейербаха. Такимъ образомъ, его философскіе взгляды приходится считать только первымъ шагомъ современнаго матеріализма. Онъ далъ только нѣкоторыя послышки; другими же необходимыми послышками, равно какъ и цѣлымъ рядомъ самыхъ блестящихъ выводовъ изъ нихъ, мы обязаны уже Марксу и Энгельсу. Въ міросозерцаніи Фейербаха еще не была развита та историческая сторона, которая составляетъ силу и славу современнаго матеріализма. Какое значеніе могло имѣть это обстоятельство въ исторіи умственнаго развитія Н. Г. Чернышевскаго?

Разсуждая отвлеченно, позволительно, пожалуй, думать, что онъ, какъ человѣкъ одаренный замѣчательнымъ, изъ ряда выходящимъ и очень дѣятельнымъ умомъ, могъ замѣтить пробѣлы и пополнить недостатки во взглядахъ своего учителя, т. е., другими словами, сдѣлать то, что сдѣлалъ Марксъ и Энгельсъ. Но чтобы сдѣлать эпоху въ исторіи науки недостаточно еще обладать гениальными способностями, нужны еще благоприятныя внѣшнія обстоятельства, которыя дали бы надлежащее направленіе этимъ способностямъ. Насколько благоприятны были въ этомъ отношеніи обстоятельства, окружавшія нашего автора? Онъ жилъ въ странѣ, не развитой ни въ экономическомъ ни въ политическомъ смыслѣ слова. Чистая научная и философская мысль также не отличалась въ ней большимъ развитіемъ. Ни однимъ изъ русскихъ ученыхъ еще ни разу не было произнесено такое слово, которое имѣло бы рѣшительное вліяніе на судьбу европейской мысли и науки. Мы видѣли, какъ объяснялъ это явленіе Н. Г. Чернышевскій и какія задачи ставилъ онъ передъ наиболѣе одаренными сынами своей родины. Онѣ сводились къ распространенію въ ней „высокихъ идей правды, науки, искусства“, выработанныхъ въ странахъ, ушедшихъ далѣе насъ по пути цивилизаціи. Чернышевскій былъ совершенно правъ, ставя своимъ соотечественникамъ именно эти, а не другія задачи. Но избранный и рекомендуемый имъ родъ дѣятельности имѣлъ свою внутреннюю логику, съ которой приходится считаться самымъ богато-одареннымъ людямъ. Распространитель идей, выработанныхъ другими людьми въ другихъ странахъ можетъ при большихъ способностяхъ дѣлать нѣкоторыя частныя, второстепенныя открытія, но переворота въ наукѣ онъ не совершить, потому что вовсе не тѣмъ и занять. Въ такомъ именно по-

ложенія былъ и нашъ авторъ. Въ его сочиненіяхъ разсыпано не мало важныхъ замѣчаній, проливающихъ новый свѣтъ на различные вопросы науки. Подобныя замѣчанія часто вполне совпадаютъ съ важнѣйшими открытіями, дѣлавшимися тогда въ западной наукѣ. Но эти проблески гениальной мысли не разработаны послѣдовательно, не приведены въ систему; поэтому рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ у него и такіе взгляды, которые уже и тогда могли считаться устарѣлыми, а теперь и совсѣмъ оставлены наукой. Въ концѣ концовъ оказывается, что недостатки и пробѣлы философіи того мыслителя, который имѣлъ на него наибольшее вліяніе, не были пополнены и исправлены имъ. Въ матеріалистическихъ взглядахъ Чернышевскаго осталась неразвитаю та самая сторона, которая мало была развита и у его учителя. Говоря вообще, Николай Гаврловичъ былъ еще чуждъ современнаго матеріалистическаго пониманія исторіи, а тамъ гдѣ онъ силою своего ума приближается къ нему, онъ часто придаетъ ему довольно наивную форму.

III

Матеріализмъ Чернышевскаго замѣтенъ гораздо болѣе въ его „антропологическихъ“, чѣмъ въ его историческихъ воззрѣніяхъ. Смотря на человѣка какъ на невольный продуктъ окружающей его среды, Чернышевскій относится съ величайшей гуманностью даже къ такимъ некрасивымъ проявленіямъ испорченной человѣческой природы, въ которыхъ идеалисты видятъ лишь „злую волю“, заслуживающую строгой кары. „Все зависитъ отъ общественныхъ привычекъ — разсуждаетъ онъ — и отъ обстоятельствъ, т. е. въ окончательномъ результатѣ все зависитъ исключительно отъ обстоятельствъ, потому что и общественныя привычки произошли въ свою очередь также изъ обстоятельствъ. Вы вините человѣка, — всмотритесь прежде, онъ-ли въ томъ виноватъ, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, — всмотритесь хорошенько, быть можетъ тутъ вовсе не вина его, а только бѣда его“. „Охранители“ хотѣли видѣть въ подобныхъ словахъ Чернышевскаго защиту нравственной распущенности, но, разумѣется, только доказали этимъ свое собственное непониманіе дѣла.

Недостаточная выработанность матеріалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго сказала уже въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его ученія о нравственности. Для него, какъ и для Гельвеція, даже наиболѣе самоотверженные поступки представляютъ только особый видъ разумнаго эгоизма. По его словамъ, „надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіеся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все такъ лежитъ та же мысль о собственной личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ“. Иногда разсужденія Чернышевскаго по этому поводу принимаютъ

нѣсколько странный характеръ. „Лукреція закололась, когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній: она поступила очень разсчетливо“. Слѣдуютъ доказательства вѣрности сдѣланнаго Лукреціей разсчета. „Коллатинъ могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя по прежнему; но при тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ; онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращенія съ нею; но такого рода нѣжность обиднѣе холодности, горьче побоевъ и ругательствъ“ и т. д. Но весьма сомнительно, чтобы Лукреція передъ своимъ самоубійствомъ могла предаваться такимъ основательнымъ разсчетамъ. Для нихъ нужно хладнокровіе, а хладнокровной она быть не могла. Не вѣриѣ-ли предположить, что въ ея поступкѣ разсудокъ игралъ гораздо меньшую роль, чѣмъ чувство, сложившееся подъ вліяніемъ тогдашнихъ общественныхъ привычекъ и отношеній? Человѣческія чувства и привычки такъ приспособляются обыкновенно къ существующимъ общественнымъ отношеніямъ, что совершаемые подъ ихъ вліяніемъ поступки могутъ показаться подчасъ плодомъ самыхъ основательныхъ разсчетовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности вовсе не были вызваны разсчетливостью. Вообще во взглядахъ Чернышевскаго на разумный эгоизмъ замѣтно свойственное всѣмъ „просвѣтительнымъ періодамъ“ (Aufklaerungsperiode) стремленіе искать въ разсудкѣ опоры для нравственности и въ болѣе или менѣе основательной разсчетливости отдѣльнаго лица объясненія его характера и поступковъ. Но уже въ вышеприведенныхъ словахъ Чернышевскаго заключается опроверженіе подобныхъ крайностей разсудочности. Поступки отдѣльнаго лица представляютъ собою результатъ общественныхъ привычекъ, общественныя же привычки складываются не подъ вліяніемъ разсчетовъ разсудка, а въ силу историческаго развитія общества. При правильной постановкѣ вопроса онъ долженъ быть поставленъ именно въ эти предѣлы: Что такое нравственность отдѣльнаго средняго человѣка? Результатъ его разсчетливости, или бессознательный плодъ общественныхъ отношеній? Наконецъ, слѣдуетъ еще спросить, въ силу какихъ вліяній общества на отдѣльную личность можетъ развиваться и развивается въ ней интересъ къ общему благу? Такие вопросы имѣютъ большое общественное значеніе. Спорить же о томъ, какъ назвать подобный интересъ къ общественному благу: альтруизмомъ, или благороднымъ эгоизмомъ, — мы не видимъ надобности.

Сообразно съ преувеличеннымъ значеніемъ, придаваемымъ Чернышевскимъ человѣческой разсчетливости, онъ и историческія событія объясняетъ иногда сознательнымъ разсчетомъ пользы тамъ, гдѣ для объясненія ихъ нужно обращаться къ несознаннымъ людямъ силамъ экономическаго развитія. Съ перваго взгляда подобныя объясненія Чернышевскаго могутъ навести на мысль о томъ, что онъ въ своихъ историческихъ теоріяхъ совершенно сталъ на точку зрѣнія новѣйшаго материализма. Но при внимательномъ отношеніи къ дѣлу оказывается совершенно противное. Кто видитъ въ исторической дѣя-

тельности людей лишь вліяніе сознательнаго разсчета, тотъ еще далеко отъ пониманія всей силы и всего значенія экономіи. Въ дѣйствительности ея вліяніе распространяется даже на такіе поступки людей и на такія привычки различныхъ общественныхъ классовъ, по поводу которыхъ нельзя и заикаться о сознательномъ разсчетѣ. Мы уже видѣли, что главнѣйшіе, наиболѣе вліятельные факторы экономического развитія до сихъ поръ стоятъ внѣ всякаго вліянія сознательнаго разсчета. Мы видѣли также, что всѣ общественныя отношенія, всѣ нравственныя привычки и всѣ умственныя склонности людей складываются подъ посредственнымъ или непосредственнымъ дѣйствіемъ этихъ слѣпыхъ силъ экономического развитія. Ими опредѣляются, между прочимъ и всѣ виды человѣческой разсчетливости, всѣ проявленія человѣческаго эгоизма. Слѣдовательно, нельзя говорить о сознательномъ разсчетѣ пользы, какъ о первичномъ двигателѣ общественнаго развитія. *Подобный* взглядъ на исторію противорѣчитъ ученію новѣйшаго матеріализма; *подобный* историческій матеріализмъ еще очень наивенъ.

Впрочемъ, историческіе взгляды Чернышевскаго еще не сведены въ систему и часто противорѣчатъ одинъ другому. Безъ большого труда можно выбрать изъ его сочиненій и сопоставить такіе взгляды на исторію, которые покажутся принадлежащими совершенно различнымъ писателямъ. И подобныхъ противорѣчій нельзя объяснить предположеніемъ о постепенномъ измѣненіи образа мыслей нашего автора. Онъ приступилъ къ литературной дѣятельности въ такую пору своего умственнаго развитія, когда взгляды его, въ главнѣйшихъ чертахъ, уже окончательно сложились. Поэтому встрѣчающіяся намъ противорѣчія и непослѣдовательность его историческихъ взглядовъ приходится отнести на счетъ неясности и шаткости общей точки зрѣнія его на исторію человѣчества.

Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго. Въ своихъ „Очеркахъ Политической Экономіи“ Н. Г. Чернышевскій, объяснивъ законы существующаго въ современныхъ передовыхъ странахъ „трехчленнаго распредѣленія продуктовъ“, и дѣлая изъ своихъ объясненій краткій заключительный выводъ, высказываетъ слѣдующій, чрезвычайно замѣчательный взглядъ на внутреннія пружины новѣйшей исторіи Европы: „Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. *Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средней классъ и простой народъ всегда были союзниками.* Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ, *исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ*“*). Подъ этими строками охотно подписался бы любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ. Тѣмъ болѣе охотно, что приведенный взглядъ Чернышевскаго на причину борьбы „средняго сословія“ съ „народомъ“ въ другомъ мѣстѣ его „Очерковъ“ поясняется еще ука-

*) Курсивъ нашъ. Очерки Политической Экономіи (по Миллю), сочиненія Н. Г. Чернышевскаго т. IV, ст. 205

заніями на гибель мелкой промышленности и мелкой поземельной культуры и на неотвратимое торжество крупных капиталистических предприятий, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи. Точно также любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ, съ нѣкоторыми только оговорками, призналъ бы справедливость слѣдующаго взгляда Чернышевскаго на исторію политической и философской мысли. „Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія создавались всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадлежали ихъ основатели, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, занимавшихся спеціально политической стороной жизни. Ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждаго: Гоббсъ былъ абсолютистъ, Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ — республиканецъ, Монтескье — либераль въ англійскомъ вкусѣ, Руссо — революціонный демократъ, Бентамъ — просто демократъ, революціонный или нереволюціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ нечего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались построеніемъ теорій болѣе общихъ, къ строителямъ метафизическихъ системъ, къ собственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами далѣе: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ — представитель партіи, запуганной революціей, искавшей спокойствія въ средне-вѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патриотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель — умѣренный либераль, чрезвычайно консервативный въ своихъ выводахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ испроверженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди, — это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ“*). Оставляя въ сторонѣ частности взглядовъ на того или другого мыслителя, можно сказать вообще, что въ приведенныхъ словахъ обнаруживается очень глубокое пониманіе тѣхъ общественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершается развитіе философской и политической мысли. Современный матеріалистъ-діалектикъ прибавилъ бы къ нимъ только то, что и сама политическая борьба, опредѣлявшая собою направленіе человѣческой мысли, велась не во имя какихъ нибудь отвлеченныхъ соображеній, а подъ непосредственнымъ вліяніемъ нуждъ и стремленій тѣхъ классовъ или тѣхъ слоевъ общества, къ которымъ принадлежали борющіяся партіи. Противъ этого едва ли сталъ бы спорить

*) Антропологическій принципъ въ философіи, стр. 2, 3.

Чернышевскій. Въ его взглядахъ на исторію экономической науки довольно ясно высказывается сознание зависимости понятій людей отъ окружающей ихъ соціальной обстановки. Въ своей рецензіи на книгу Рошера „Начала народнаго хозяйства“ нашъ авторъ указываетъ на тотъ „психологическій законъ“, въ силу котораго „почти у каждаго, — простого-ли человѣка, оратора-ли, писателя, въ разговорахъ-ли, въ рѣчахъ-ли, въ книгахъ-ли, все равно — оказывается теоретически хорошимъ, несомнѣннымъ, вѣчнымъ все то, что практически выгодно для группы людей, представителемъ которой онъ служитъ. Этимъ психологическимъ закономъ надо объяснить и тотъ фактъ, что политико-экономамъ школы Адама Смита казались очень хороши, достойны вѣчнаго господства тѣ формы экономического быта, которыя господствовали или стремились къ господству въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Писатели этой школы были представителями биржевого или коммерческаго сословія въ обширномъ значеніи этого слова: банкировъ, оптовыхъ торговцевъ и вообще промышленныхъ людей. Нынѣшнія формы экономического устройства выгодны для коммерческаго сословія, выгоднѣе для него всякихъ иныхъ формъ; потому школа, бывшая представительницей его, и находила, что формы эти самыя лучшія во теоріи... Начали думать о вопросахъ политической экономіи люди, бывшіе представителями не того сословія, которому какъ разъ пригодны нынѣшнія экономическія формы, а представители массы, и явилась въ наукѣ другая школа, которую называютъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, партіей утопистовъ“*). Здѣсь сознание того вліянія, которое имѣетъ борьба классовъ на развитіе науки высказывается съ поразительной ясностью. Но очень ошибся бы тотъ, кто заключилъ бы отсюда, что сознание это никогда не покидало Чернышевскаго. Между простымъ пониманіемъ или признаніемъ извѣстнаго принципа и послѣдовательнымъ проведеніемъ его черезъ всю систему взглядовъ цѣлая бездна. Прекрасно понимая значеніе борьбы классовъ въ человѣческихъ обществахъ, Чернышевскій все таки держался такого взгляда на „прогрессъ“, который гораздо ближе къ ученію Бокля, чѣмъ къ ученію новѣйшихъ матеріалистовъ. Чтобы дать о немъ понятіе, мы сдѣлаемъ довольно большую выписку изъ чрезвычайно интересной статьи его „О причинахъ паденія Рима“, написанной по поводу выхода русскаго перевода „Исторіи цивилизации въ Европѣ“ Гизо. Въ этой статьѣ Чернышевскій энергически возстаетъ противъ того очень распространеннаго мнѣнія, по которому Западная Римская Имперія погибла вслѣдствіе своей внутренней неспособности къ дальнѣйшему развитію, между тѣмъ какъ варвары принесли съ собою новыя сѣмена прогресса. Мы не хотимъ пока разсматривать, правъ-ли нашъ авторъ въ своихъ нападкахъ на это мнѣніе. Для насъ теперь важенъ единственно только взглядъ его на ходъ прогресса. Вотъ этотъ взглядъ. „Да подумайте только, что такое значить прогрессъ и что такое значить варваръ?—воскликаетъ нашъ авторъ. Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній... Раз-

*) Современникъ, 1861 г. апрѣль, Новая Книга, стр. 431—432.

вивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д... Разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ, всякій умственный трудъ развиваетъ умственныя силы человѣка, и чѣмъ больше людей выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги... тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было — значить, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ — результатъ знанія. Что же такое варваръ? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ; человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ скольконибудь развитаго ума... Какая польза для общественной жизни, если учрежденія, дурныя или хорошія, но все таки человѣческія, все таки имѣющія въ себѣ хоть чтонибудь, хоть нѣсколько разумное, — замѣняются животными бычьями?"

Мы видимъ, что здѣсь и рѣчи нѣтъ ни о внутреннихъ соціальныхъ отношеніяхъ Рима, причинившихъ его слабость и указанныхъ тѣмъ же Гизо въ первой статьѣ его „Essais sur l'histoire de France“, ни о тѣхъ формахъ общежитія, которыми обуславливалась сила германскихъ варваровъ въ эпоху завоеванія западной имперіи. Чернышевскій забылъ даже знаменитое изрѣченіе: *latifundia perdidere Italiam* (латифундіи погубили Италію). Въ его формулѣ прогресса (какъ стали выражаться у насъ впоследствии) нѣтъ самостоятельнаго мѣста для внутреннихъ отношеній той или иной „прогрессирующей“ страны. Все дѣло сводится къ количеству и распространенію знаній, и ему даже въ голову не приходитъ здѣсь спросить себя, не зависитъ-ли исторія знаній отъ исторіи соціальныхъ отношеній цивилизованныхъ странъ. „Говорятъ, обществу стѣснительны были укоренившіяся формы — рассуждаетъ онъ далѣе — значить въ обществѣ была прогрессивная сила, была надобность въ прогрессѣ. Но вѣдь иное дѣло надобность въ прогрессѣ, иное дѣло — присутствіе въ обществѣ „прогрессивной силы“, способной удовлетворить этой надобности. Нельзя смѣшивать этихъ двухъ понятій, совершенно различныхъ по своему характеру и содержанію: одно изъ нихъ есть чисто отрицательное („надобность въ прогрессѣ“ указываетъ лишь на стѣснительность существующихъ формъ), другое—положительное, такъ какъ присутствіе въ обществѣ прогрессивной силы, способной совершить необходимую передѣлку формъ общежитія предполагаетъ извѣстную степень умственного, нравственного и политическаго развитія того класса, или тѣхъ классовъ, на которыхъ формы эти обрушиваются своими невыгодными сторонами. Еслибы эти понятія были тождественны, то дѣло человѣческаго прогресса упрощалось бы до крайности, и мы не встрѣчали бы въ исторіи печальнаго зрѣлища обществъ, падающихъ подъ тяжестью такихъ формъ общежитія, которыя, при всей несомнѣнной

своей вредоносности, не могли быть устранены, потому что не было въ народѣ живыхъ силъ, способныхъ совершить это дѣло. Само собою разумѣется, что мы не говоримъ здѣсь о формахъ, вредныхъ рѣшительно для всѣхъ классовъ даннаго общества. Подобныя формы устраняются, можно сказать, сами собою. Но чаще всего особенно вредными для дальнѣйшихъ успѣховъ общества оказываются инныя формы, невыгодныя для большинства и очень выгодныя для привилегированнаго меньшинства. Устранить подобныя формы можно только въ томъ случаѣ, если страдающее большинство обладаетъ хоть нѣкоторою способностью къ политической самодѣятельности. А оно не всегда обладаетъ этою способностью. Способность эта вовсе не есть необходимое свойство угнетеннаго большинства. Она сама создается *экономіей* даннаго общества. Казалось бы не было ничего выгоднѣе для римскихъ пролетаріевъ, какъ поддержать законопроекты Гракховъ. Но они не поддержали и не могли поддержать ихъ, потому что социальная обстановка, въ какую ставило ихъ экономическое развитіе Рима, не только не содѣйствовала ихъ политическому развитію, но, напротивъ, постоянно понижала его уровень. Что же касается высшихъ классовъ, то, во первыхъ, смѣшно было бы ожидать отъ нихъ политическихъ дѣйствій, враждебныхъ ихъ экономическимъ интересамъ, а, во вторыхъ, и сами они развращались все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ другой стороны того самаго хода экономическаго развитія, который, создавая римскій пролетаріатъ, превращалъ его въ кровожадную и тупую чернь. Въ концѣ концовъ дѣло пришло къ тому, что римляне, эти всемірные завоеватели, оказались неспособными къ военной службѣ, и легіоны пополнялись тѣми самыми варварами, которые и положили, наконецъ, предѣлъ существованію за-живо разложившейся имперіи. Такимъ образомъ, въ паденіи Рима, вопреки объясненіямъ Чернышевскаго, нѣтъ ничего случайнаго, такъ какъ оно представляло собою естественный конецъ давно уже начавшагося историко-экономическаго движенія.

Мы вовсе не хотимъ утверждать, подобно многимъ, въ особенности нѣмецкимъ писателямъ, что германцы принесли съ собою какой-то особенный духъ и особенныя склонности, обезпечившіе за ними первое мѣсто въ дальнѣйшей исторіи человечества. Мы говоримъ только, что слабость Рима въ борьбѣ съ варварами была причинена и подготовлена ходомъ его экономическаго развитія, уничтожившаго классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые нѣкогда составляли его силу. Мелкіе крестъянскіе участки слились въ огромныя латифундіи, населенныя толпами рабовъ. Но рабы плохая опора для государства: свезенные со всѣхъ концовъ міра, разноплеменные и разноязычные, они не составляли *народа* въ собственномъ смыслѣ слова. Они были и оставались *сбродомъ* (если только можно назвать такъ массу людей, сошедшихся не по доброй волѣ) и разумѣется вовсе не думали объ интересахъ римскаго государства. Чернышевскій замѣчаетъ, правда, что рабство постепенно смягчалось въ Римской Имперіи, а подъ конецъ стало замѣняться колонатомъ. Но, во-первыхъ, распоряженія императоровъ относительно колоната означали не болѣе, какъ стремленіе государства обезпечить за собою часть *прибавочнаго продукта*, создаваемаго подневольнымъ трудомъ земледѣльца. Облегчить

его положеніе переходъ къ колонату рѣшительно не могъ въ то время, когда всѣ слои римскаго общества были буквально *раздавлены* государственными податями и поборами*). Во вторыхъ, само собою ясно, что колонны и адскриптиціи не могли замѣнить собою свободныхъ земледѣльцевъ. Наконецъ, даже въ численномъ отношеніи рабы и колонны, по крайней мѣрѣ въ деревняхъ, уступали населенію старой Италіи свободныхъ земледѣльцевъ. Еще Титъ Ливій удивлялся, какимъ образомъ нѣкоторые округи Италіи, въ которыхъ въ его время встрѣчались только немногіе пастухи съ ихъ стадами, могли, во время своей независимости, выставять многочисленныя и храбрыя арміи для борьбы съ Римомъ. Дѣло объясняется просто: во время своей независимости округи эти жили при совершенно иныхъ экономическихъ отношеніяхъ, которымъ и были обязаны своимъ многочисленнымъ, сильнымъ и бодрымъ населеніемъ. Тогда въ нихъ еще крѣпки были родовыя учрежденія, обеспечивавшія благосостояніе всѣхъ членовъ общины и сообщавшія имъ независимый и воинственный духъ. Такія же учрежденія существовали и у германцевъ, и именно имъ обязаны были варварскія орды своею силою и крѣпостью. Выражаясь короче, можно сказать, что подъ конецъ существованія Римской имперіи, въ ней господствовали такія экономическія отношенія, которыя доводили до *минимума* силу ея сопротивленія. Наоборотъ, тогдашнія учрежденія германцевъ доводили ихъ силу нападенія до *максимума*. Вотъ и все: дѣло въ экономіи, а не въ духѣ и не въ какихъ нибудь таинственныхъ свойствахъ расы.

Если бы при объясненіи исторической судьбы различныхъ странъ мы вынуждены были ограничиваться однимъ отвлеченными соображеніями объ ихъ „прогрессѣ“ и о количествѣ накопленныхъ въ нихъ знаній, то мы никогда не могли бы понять, на примѣръ, исторіи Греціи, гдѣ наиболѣе образованная, „прогрессивная“ страна одна за другою сходять со сцены, уступая мѣсто все менѣе и менѣе образованнымъ и „прогрессивнымъ“. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Ходомъ развитія экономическихъ и, главнымъ образомъ, поземельныхъ отношеній въ Греціи. Въ наиболѣе „прогрессивныхъ“ странахъ развитіе это раньше привело къ скопленію поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, къ страшному увеличенію численности рабовъ, къ обезсиленію и деморализаціи ниспаго класса свободныхъ гражданъ. Прямо пропорціонально этому явленію уменьшалась и государственная сила „прогрессивныхъ“ греческихъ странъ. Въ менѣе „прогрессивныхъ“ странахъ процессъ этотъ начался позже и совершался медленнѣе, поэтому и государственная сила ихъ надала медленнѣе, даже возрастала въ извѣстныхъ періодахъ этого процесса (какъ бывало и въ болѣе „прогрессивныхъ“ странахъ); поэтому онѣ и могли играть выдающуюся роль, когда болѣе „прогрессивныя“ страны уже окончательно ослабѣли подъ губительнымъ вліяніемъ безысходной *въ то время* (а не въ наше, когда у нея есть выходъ) борьбы классовъ. Но

*) См. упомянутую первую статью Гизо въ его „Essais sur l'histoire de France“; см. также „Untersuchungen auf dem Gebiete der National-Oekonomie des klassischen Alterthums“ Родбертуса.

и менѣе „прогрессивныя“ страны въ концѣ концовъ слабѣли, благодаря тому же указанному процессу; одна за другой онѣ допѣвали свою пѣсенку и также сходили со сцены, пока, наконецъ, желѣзная рука Рима не положила предѣла самостоятельному существованію Греціи. Когда пришли римляне, то греческихъ странъ, за небольшими исключеніями, *буквально некому было защищать*. Это обстоятельство отмѣчено было еще Полибіемъ и Плутархомъ.

Въ историческихъ взглядахъ нашего автора *случайности* отводятся вообще очень широкое мѣсто. Даже современный намъ экономическій строй, характеръ, законы и тенденціи котораго онъ довольно хорошо выясняетъ вслѣдъ за школой Смита-Рикардо, представляется ему продуктомъ историческихъ случайностей. „По исторіи оказалось — говорить онъ, въ цитированной уже рецензіи на книгу Рошера — что нынѣшнія экономическія формы возникли подъ вліяніемъ отношеній, противорѣчащихъ требованіямъ экономической науки, несомѣстимыхъ ни съ успѣхами труда, ни съ разсчетливостью потребленія, — словомъ сказать, представляютъ собою результатъ причинъ, враждебныхъ и труду и благосостоянію. Напримѣръ, въ западной Европѣ экономическій бытъ основался на завоеваніи, на конфискаціи и монополіи^{*)}. Никто не скажетъ, что завоеваніе, конфискаціи и монополіи не имѣли мѣста въ исторіи западной Европы. Но вѣдь они имѣли мѣсто и въ древней Греціи, и въ Индіи, и въ Китаѣ, и, однако, экономическій строй этихъ странъ очень существенно отличался или отличается отъ экономического строя современной Европы. Чѣмъ создалось это различіе? Не тѣмъ-ли, что всѣ эти завоеванія, конфискаціи и „монополіи“, далеки отъ того, чтобы опредѣлить собою направленіе экономического развитія, сами, напротивъ того, опредѣлялись имъ въ своихъ формахъ и дальнѣйшихъ соціальныхъ слѣдствіяхъ? Направленіе и ходъ экономическаго развитія древней Греціи, или Индіи, или Китая, не похожъ былъ на направленіе и ходъ экономического развитія средневѣковой и новой Европы, — поэтому и завоеванія со всѣми ихъ послѣдствіями, привели тамъ къ другимъ порядкамъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Въ виду рѣшающаго значенія, приписываемаго Чернышевскимъ завоеванію въ дѣлѣ созданія экономического строя современной Европы, намъ невольно припоминаются слова Энгельса: „Даже въ томъ случаѣ, если мы исключимъ всякую возможность грабежа, насилія и обмана, если мы допустимъ, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личномъ трудѣ ея обладателя и затѣмъ, во все дальнѣйшее время, только равныя стоимости обмѣнивались на равныя, то тѣмъ не менѣе, съ дальнѣйшимъ развитіемъ производства и обмѣна, мы необходимо придемъ къ современному капиталистическому способу производства, къ монополизированію средствъ производства и существованія въ рукахъ одного малочисленнаго класса, къ пригнетенію другого, составляющаго огромнѣйшее большинство, класса до положенія лишенныхъ всякой собственности пролетаріевъ, къ періодической смѣнѣ производительной горячки и торговыхъ кризисовъ

*) Современникъ, Апрель 1861, Новая книга, стр. 434

и ко всей современной анархii въ производствѣ*). Тагъ смотрятъ на это дѣло современные матеріалисты-діалектики. Но Чернышевскій смотрѣлъ еще совершенно иначе.

Относя различныя, существовавшія въ исторіи формы экономическаго быта на счетъ завоеванія и считая ихъ противорѣчащими „требованіямъ экономической науки“, нашъ авторъ естественно не могъ придавать большой цѣны ихъ изученію. Знакомый съ такъ называемымъ историческимъ методомъ въ экономической наукѣ лишь по трудамъ такихъ его представителей, какъ Вильгельмъ Рошеръ и прочіе *Citaten-professoren*, онъ относился къ нему очень пренебрежительно и считалъ его плодомъ реакціи противъ освободительныхъ стремленій рабочаго класса. „Противъ средневѣковыхъ учреждений, несогласныхъ съ выгодами коммерческаго сословія, ратовали... во имя разума; а тутъ вотъ какъ на грѣхъ явились люди, начавшіе говорить: по разуму дѣйствительно слѣдуетъ быть тому, чего желаете вы, только сверхъ того требуется по разуму еще многое другое; вы произносите только начало формулы, а конецъ ея^{*)} вотъ каковъ; словомъ сказать, передъ лицомъ мыслителей непослѣдовательныхъ явились мыслители послѣдовательные... Что тутъ дѣлать?.. Если разумъ говоритъ противъ тебя, хватайся за исгорію, она выручитъ“. Сообразно съ такимъ происхожденіемъ историческаго метода теоретическая задача передовыхъ представителей рабочаго класса сводилась, въ борьбѣ ихъ противъ „непослѣдовательныхъ мыслителей“, лишь къ тому, чтобы обнаружить возникновеніе современнаго экономическаго строя изъ „завоеванія, конфискацій и монополій“. Соціалисты и дѣлаютъ это, по мнѣнію Чернышевскаго. Въ ихъ рукахъ „исторія изобличаетъ то, на защиту чего была приглашена“***). Но еще раньше выступленія Чернышевскаго на путь литературной дѣятельности, еще въ эпоху его предшественниковъ, т. е. Бѣлинскаго и его кружка, лучшіе теоретическіе представители рабочаго класса пользовались исторіей не для однихъ только полемическихъ ссылокъ на завоеванія и конфискаціи. Марксъ и Энгельсъ поставили изученіе экономической исторіи человѣчества на твердую научную почву, показавши ея внутреннюю необходимость и строгую законосообразность***). Но по всему видно, что Чернышевскій

*) Развитие научнаго соціализма, приложение, стр. 58.

**) *Соврем.* Апрель 1861, Новая книга, стр. 432 - 33 - 34.

***) Опираясь на исторію, Рошеръ и его единомышленники являются принципиальными противниками революціоннаго способа дѣйствій. Въ ихъ понятіяхъ *эволюція* совершенно исключаетъ *революцію*. Это взглядъ столь же ошибочный, какъ и взглядъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, возстающихъ противъ эволюціи. Обѣ эти крайности совершенно исключаютъ правильное пониманіе исторіи. Вооруженные *діалектическимъ* методомъ, новѣйшіе соціалисты иначе смотрятъ на дѣло. Для нихъ эволюція есть такой же необходимый *моментъ* въ процессѣ историческаго развитія человѣчества, какъ и *революція*. Эволюція подготавливаетъ революцію, революція облегчаетъ дальнѣйшее теченіе эволюціи. Принятый въ особенности германскими учеными „историческій методъ“ совершенно произвольно ограничиваетъ поле зрѣнія науки однимъ изъ этихъ моментовъ, эволюціей. и потому долженъ быть признанъ *активнаучнымъ*. Объ его „ученыхъ“ представителяхъ и теперь еще можно съ полнымъ правомъ сказать то, что говорилъ о нихъ Марксъ въ 1844 году: они оправдываютъ низости, совершаемыя сегодня низостями вчерашняго дня; объявляютъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостнаго противъ кнута, если только это кнутъ историческій; исторія показыва-

не знакомъ былъ съ этимъ направленіемъ, выросшимъ изъ теорій его учителя Фейербаха, какъ теорія Фейербаха выросла изъ системы Гегеля.

Отрицая историческій методъ, нашъ авторъ пользовался въ своихъ экономическихъ излѣдованіяхъ другимъ методомъ, который онъ называлъ *ипотетическимъ*. Мы характеризуемъ его собственными словами Чернышевскаго. „Этотъ методъ состоитъ въ томъ — говоритъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ на первую книгу Политической Экономіи Милля — что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи и приписывать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаруживалъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, приписывать задачи самаго простѣйшаго свойства. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какую играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами на время. Напримѣръ, вмѣсто многосложной задачи: были-ли войны съ Франціей въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи, берется простѣйшій вопросъ: можетъ-ли война быть полезна, не для какой нибудь шайки, а для многочисленной націи? Теперь, какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Дѣло идетъ о выгодѣ, то есть о количествѣ благосостоянія или богатствъ, объ уменьшеніи или объ увеличеніи его, то есть о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же возьмемъ мы цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, то есть въ простѣйшемъ видѣ, такъ, чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны... Итакъ изъ области историческихъ событій мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіею дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно и которыя назначаются просто по удобству. Напримѣръ оно (отвлеченное мышленіе) поступаетъ такъ. Предположимъ, что общество имѣетъ 5,000 человѣкъ населенія, въ томъ числѣ 1000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество. Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества? Лишь только мы произвели такое простѣйшее построеніе вопроса, рѣшеніе становится столь просто и безспорно, что можетъ быть очень легко отыскано каждымъ, и не можетъ быть опровергнуто никѣмъ и ничѣмъ... По термину „предположеніе“, „гипотеза“, самый методъ называется гипотетическимъ“*).

Такого метода Чернышевскій держится во всѣхъ своихъ экономи-

етъ имъ, какъ израильскій богъ Моисей только „заднюю“ спину; при всякомъ кускѣ вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, эти вѣрнопопданіе Шейлоки ссылаются на историческій вексель и проч. Все это справедливо какъ нельзя болѣе. Однако революціонеръ Марксъ, въ такихъ сильныхъ и мѣткихъ выраженіяхъ разоблачившій сервиллизмъ официальныхъ представителей „историческаго метода“, не только не игнорировалъ исторической эволюціи, но первый показалъ ея дѣйствующія пружины и ея строгую законосообразность.

*) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, т. III-й стр. 89 - 90 - 91.

ческих изслѣдованіяхъ, которыя принимаютъ, благодаря этому, совершенно особенный, до крайности отвлеченный характеръ. Извѣстно, что главное экономическое сочиненіе нашего автора представляетъ собою часть переводъ, частью изложеніе политической экономіи Милля, сопровождаемое очень обширными замѣчаніями и самостоятельными дополненіями. Читая это сочиненіе, интересно слѣдить за тѣмъ, какъ принятый авторомъ методъ изслѣдованія постоянно увлекаетъ его изъ области дѣйствительныхъ, существующихъ экономическихъ отношеній въ область отвлеченнаго мышленія. Въ томъ, что касается существующихъ отношеній Чернышевскій рѣдко оспариваетъ Милля. Онъ большею частью довольствуется его анализомъ, который, какъ извѣстно, оставляетъ желать очень многого по своей неясности и непослѣдовательности. Онъ не расходится съ Миллемъ даже въ такихъ существенныхъ вопросахъ, какъ вопросы о стоимости, о цѣнѣ, о деньгахъ, о законѣ рабочей платы и т. п. Милль совершенно правъ въ томъ, что касается существующаго, говоритъ обыкновенно Чернышевскій, но посмотримъ, такъ-ли должно быть, того-ли требуетъ здравая экономическая теорія? „Предположимъ“ и т. д. — слѣдуетъ обыкновенно блестящая критика существующихъ отношеній, критика, опирающаяся, однако, исключительно только на совершенно отвлеченныя соображенія и предположенія. Недостатки метода выдаются, такимъ образомъ, въ глаза, и его, конечно, не одобрить ни одинъ изъ современныхъ научныхъ противниковъ капитализма, такъ какъ противники эти опираются теперь не на требованія отвлеченной „теоріи“, а на тѣ внутреннія противорѣчія существующаго нынѣ строя, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, необходимо должны повести къ его устраненію.

Читатели, знакомые съ методомъ той философской школы, послѣдователемъ которой считалъ себя Чернышевскій, безъ труда замѣтятъ, что нашъ авторъ не остался вѣренъ ему въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, „гипотетическій методъ“ не имѣетъ ничего общаго съ діалектическимъ методомъ нѣмецкихъ учителей Чернышевскаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить тѣ характеристическія особенности, которыя самъ Чернышевскій видѣлъ въ системѣ Гегеля, породившей ученіе Фейербаха. Указаніе этихъ особенностей очень облегчитъ намъ дѣло изложенія и критики взглядовъ Чернышевскаго, поэтому мы просимъ читателя отнестись со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ къ этой матеріи, пожалуй, сухой и скучной, но право же не бесполезной.

Въ глазахъ новѣйшихъ матеріалистовъ - діалектиковъ величайшей заслугой системы Гегеля и всей вообще нѣмецкой философіи является то, что она, какъ говоритъ о ней Энгельсъ, „впервые представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т. е. изслѣдовала его въ непрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи, и пыталась обнаружить внутреннюю связь этого движенія и развитія.“ Чернышевскій, при своемъ огромномъ умѣ и своихъ основательныхъ свѣдѣніяхъ въ философіи, не могъ игнорировать этой стороны дѣла. Онъ понималъ огромную важность гегелевскаго ученія о развитіи и даже излагалъ его въ энергическихъ, почувствованныхъ выраженіяхъ. „Вѣчная смѣна формъ, вѣчное от вер

женіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія — восклицаетъ онъ въ своей статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ — кто позналъ этотъ высшій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто приучился принимать его ко всякому явленію, — о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab' mein' Sach' auf Nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все таки на нашей улицѣ праздникъ“*)! Но, какъ видно, не этотъ „великій, вѣчный, повсемѣстный законъ“ считалъ онъ главной заслугой и наиболѣе выдающейся особенностью философіи Гегеля. По крайней мѣрѣ въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“ онъ, подробно говоря о Гегелѣ по поводу извѣстнаго увлеченія имъ кружка Станкевича и Бѣлинскаго, обращаетъ наибольшее вниманіе на другую сторону его философіи. Здѣсь главною его заслугой выставляется выведение философіи изъ области отвлеченнаго мышленія и внимательное отношеніе къ *дѣйствительности*. „Объяснить дѣйствительность стало существенной обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которой прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ... Но въ дѣйствительности все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени, — и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не рассматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе, что — эти общія, отвлеченныя изрѣченія не удовлетворительны. Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна, т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, рассмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ**). Въ примѣчаніи къ цитируемой страницѣ Чернышевскій поясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ. „Напримѣръ, благо или зло дождь? Это вопросъ отвлеченный, опредѣлительно отвѣтить на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ; надобно спрашивать опредѣлительно: послѣ того какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, въ продолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь, — полезенъ ли онъ былъ для хлѣба? Только тутъ отвѣтъ ясенъ и имѣетъ смыслъ: этотъ дождь былъ полезенъ... Пагубна или плодотворна война? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста... Мараѳонская битва была благодѣлительнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества“ и т. д. Отсюда видно, что при извѣстномъ вниманіи къ дѣйствительности даже такой, повидимому, простой вопросъ,

*) Сочиненія Чернышевскаго т. V ѣ, стр. 531.

***) Современникъ, 1856, кн. 9 Критика, стр. 12.

какъ вопросъ о пользѣ или вредѣ войны, не можетъ рѣшаться посредствомъ той или другой незамысловатой и совершенно отвлеченной „гипотезы“. Все зависитъ отъ обстоятельствъ мѣста и времени. Это совершенно вѣрно. Но, къ сожалѣнію вѣрно и то, что Чернышевскій слишкомъ часто забывалъ объ этомъ, какъ въ общихъ своихъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ спорахъ о такихъ конкретныхъ явленіяхъ, какъ русское общинное землевладѣніе.

Мы увидимъ ниже, что забываемая имъ дѣйствительность нерѣдко напоминала о себѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Но теперь мы должны продолжать характеристику историческихъ взглядовъ Чернышевскаго, которая поможетъ намъ опредѣлить мѣсто, принадлежащее нашему автору въ общемъ развитіи философской мысли Европы.

IV

Замѣчательно, что, не придавая цѣны исторической точкѣ зрѣнія въ области политической экономіи, онъ считалъ ее необходимой въ области литературной критики. Въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей, именно въ статьѣ объ извѣстномъ сочиненіи Аристотеля „О поэзіи“, переведенномъ Б. Ордынскимъ, онъ ставитъ эстетикѣ въ большую заслугу то, что она у насъ никогда не была враждебна исторіи литературы. „У насъ всегда провозглашалась необходимость исторіи литературы; и люди, особенно занимавшіеся эстетическою критикою, очень много, — больше, нежели кто нибудь изъ нашихъ нынѣшнихъ писателей — сдѣлали и для исторіи литературы. У насъ эстетика всегда признавала, что должна основываться на точномъ изученіи фактовъ“.... *„Исторія искусства служитъ основаніемъ теоріи искусства“* *). Казалось бы, что человѣкъ, написавшій эти строки, оставаясь вѣрнымъ себѣ, долженъ былъ безъ всякихъ оговорокъ признать, что исторія экономическаго развитія человѣчества должна служить основаніемъ экономической „теоріи.“ Но мы уже видѣли, что онъ не такъ смотрѣлъ на эту „теорію.“

Большая правильность взгляда Чернышевскаго на теорію искусства объясняется, во-первыхъ, благотворнымъ вліяніемъ его предшественниковъ: послѣ „Эстетики“ Гегеля и критическихъ работъ Бѣлинскаго (напомнимъ хоть его статьи о Пушкинѣ) совершенно невозможно было игнорировать историческую точку зрѣнія въ теоріи искусства. Прибавьте къ этому, что въ эстетической теоріи возставать противъ исторической точки зрѣнія могли только сторонники такъ называемаго искусства для искусства, т. е. люди, которымъ хотѣлось бы поставить „вѣчное“ искусство внѣ всякой связи съ дѣйствительностью и ея насущными, жгучими общественными вопросами. Борясь противъ такихъ людей, Чернышевскій естественно долженъ былъ

*) Сочиненія Чернышевскаго т. I, стр. 3-4.

склоняться въ исторической точкѣ зрѣнія на искусство, такъ какъ она давала возможность связать задачи искусства съ важнѣйшими общественными стремленіями даннаго времени. Еще Шеллингъ говорилъ, что „*verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Theil*“*) Развивая эту мысль, не трудно было на голову разбить сторонниковъ „чистаго“ искусства. — Иное дѣло въ политической экономіи. Тамъ за-живо окаменѣвшій Рошеръ и его братія являлись противниками самыхъ дорогихъ Чернышевскому стремленій рабочаго класса. Они были единственными извѣстными ему представителями исторической точки зрѣнія въ политической экономіи. Неудивительно, что изъ реакціи противъ нихъ онъ сталъ въ такое отношеніе къ этой точкѣ зрѣнія, ошибочность котораго бросилась бы ему въ глаза при другихъ условіяхъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, что нашему автору удалось послѣдовательно развить свой взглядъ на значеніе *исторіи* искусства, какъ необходимой основы для *теоріи* искусства. Мы уже замѣчали, что отъ простаго признанія извѣстнаго принципа еще очень далеко до послѣдовательнаго проведенія его въ соотвѣтствующей отрасли науки. Чернышевскому представлялся прекрасный случай поставить теорію искусства въ связь съ его исторіей въ диссертациі объ „*Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности*“, представленной имъ филологическому факультету петербургскаго университета въ началѣ 1854 года для полученія степени магистра. Это сочиненіе занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ произведеній нашего автора; поэтому въ немъ чрезвычайно ярко выражаются всѣ достоинства и недостатки его взглядовъ и приемовъ мышленія. Вѣрный своимъ матеріалистическимъ взглядамъ, Чернышевскій задался въ своей диссертациі цѣлью покончить съ идеализмомъ въ эстетикѣ. Онъ преслѣдуетъ идеализмъ во всѣхъ его эстетическихъ закоулкахъ и убѣжищахъ, начиная отъ общихъ теоретическихъ вопросовъ о происхожденіи искусства и о значеніи его въ жизни и кончая такими частностями, какъ ученіе о трагическомъ и о возвышенномъ. Мы приведемъ нѣкоторые изъ выставленныхъ имъ тезисовъ, такъ какъ они прекрасно отбѣняютъ именно матеріалистическій взглядъ Чернышевскаго на искусство.

„Истинное опредѣленіе прекраснаго, говоритъ онъ, таково: прекрасное есть жизнь; прекраснымъ существомъ кажется человѣку то существо, въ которомъ онъ видитъ жизнь, какъ онъ ее понимаетъ; прекрасный предметъ тотъ предметъ, который напоминаетъ ему о жизни.

„Возвышенное дѣйствуетъ на человѣка вовсе не тѣмъ, что пробуждаетъ идею абсолютнаго; оно почти никогда не пробуждаетъ ее.

„Возвышеннымъ кажется человѣку то, что гораздо больше предметовъ или гораздо сильнѣе явленій, съ которыми сравнивается человѣкомъ.

„Трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеей судьбы или необходимости. Въ дѣйствительной жизни трагическое большею частью случайно, не вытекаетъ изъ сущности предшествующихъ момен-

*) Ueber das Verhaeltniss der bildenden Künste zu der Natur.

товъ. Форма необходимости, въ которую облачается оно искусствомъ — слѣдствіе обыкновеннаго принципа произведеній искусства: развязка должна вытекать изъ завязки, или неумѣстное подчиненіе поэта понятіямъ о судьбѣ.

„Трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть ужасное въ жизни человѣка.

„Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи. Образы фантазіи только бѣдныя и почти всегда неудачныя перелѣпки дѣйствительности.

„Прекрасное въ объективной дѣйствительности вполне прекрасно.

„Прекрасное въ объективной дѣйствительности совершенно удовлетворяетъ человѣка.

„Искусство рождается вовсе не отъ потребности человѣка восполнить недостатки дѣйствительности.

„Потребность, рождающая искусство въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящное искусство) есть та же самая, которая очень ясно выказывается въ портретной живописи... искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности.

„Воспроизведеніе жизни — общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его: часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе — объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни.,,

Съ нѣкоторыми изъ этихъ тезисовъ можно согласиться только съ извѣстными оговорками, придающими имъ болѣе широкій смыслъ. Съ однимъ изъ нихъ даже вовсе нельзя согласиться, именно, нельзя сказать, что „трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть ужасное въ жизни человѣка.“ Совершенно вѣрно, что „трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеей судьбы.“ Но несомнѣнна связь его съ идеей необходимости. Не все ужасное въ жизни человѣка трагично. Ужасна судьба людей, на которыхъ обрушиваются, напр., стѣны строящагося дома; но трагична она можетъ быть только для нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно для тѣхъ, въ жизни которыхъ были извѣстныя обстоятельства (великіе замыслы, широкія политическія стремленія), придающія трагическій смыслъ случайной смерти ихъ отъ груди кирпичей. Однако, во взятомъ нами примѣрѣ трагическое все еще тѣсно связано съ случайностью, поэтому оно не есть трагическое въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Истинно трагическое основывается на идеѣ объ *исторической необходимости*. Истинно трагична судьба Гракховъ, планы и сама жизнь которыхъ разбились отъ неспособности римскихъ пролетаріевъ къ политической самодѣятельности. Истинно трагична судьба Робеспьера и С. Жюста, погибшихъ отъ неотразимыхъ и неизбѣжныхъ противорѣчій въ ихъ историческомъ положеніи между различными классами французскаго общества, боровшимися за преобладаніе. Вообще истинный трагизмъ создается столкновеніемъ сознательныхъ стремленій человѣческой личности, но необходимости ограниченной и болѣе или менѣе односторонней

со слѣпными силами историческаго движенія, дѣйствующими подобно законамъ природы. Чернышевскій не обратилъ и не могъ обратить вниманія на эту сторону дѣла, потому что его борьба противъ матеріализма ограничивалась еще областью отвлеченныхъ философскихъ положеній. Въ этой борьбѣ онъ опять дошелъ до крайностей разсудочности и просто приравнялъ трагическое къ ужасному. А между тѣмъ, еслибы онъ припомнилъ хоть бы то объясненіе трагическаго, которое Гегель дѣлаетъ на примѣрѣ софокловой „Антигоны,“ онъ увидѣлъ бы, что можно говорить о необходимости, не будучи идеалистомъ. Гегель указываетъ въ „Антигонѣ“ столкновеніе двухъ правъ, родового и государственнаго. Представительницей перваго является Антигона, представителемъ втораго Креонъ. Борьба этихъ двухъ правъ несомнѣнно играла огромную роль въ исторіи и можно, ни мало не грѣша идеализмомъ, поставить трагическое въ связь съ подобнаго рода борьбою. Чернышевскій не видитъ этого, потому что онъ какъ будто забываетъ объ исторіи въ своемъ изслѣдованіи. Это тѣмъ болѣе досадно, что еслибы Чернышевскій своевременно вспомнилъ о своемъ правилѣ: теорія искусства должна основываться на исторіи искусства, ему можетъ быть удалось бы придать эстетикѣ совершенно новое теоретическое основаніе. Доказывая свой тезисъ, что прекрасное есть жизнь, онъ дѣлаетъ чрезвычайно мѣткое замѣчаніе о томъ, что различные классы общества имѣютъ различные идеалы красоты въ зависимости отъ экономическихъ условій ихъ существованія. Мѣсто это такъ важно, что мы приведемъ его почти цѣликомъ.

„Хорошая жизнь, жизнь, какъ она должна быть, у простого народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вмѣстѣ съ этимъ у поселянна понятіе „жизнь“ всегда заключается въ понятіи о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ, при большой работѣ, не доходящей однако до изнуренія силъ, у молодого поселянна или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работа много, поэтому будучи крѣпка сложениемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна, — это также необходимое условіе красавицы сельской; свѣтская, „полувоздушная красавица“ кажется поселянину рѣшительно „невзрачной,“ даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать „худобу“ слѣдствіемъ болѣзненности или „горькой доли.“ Но работа не даетъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ „рыхлаго“ сложения, и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ; у сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и нешуточной, но не чрезмѣрной работѣ. Со-

вершенно другое дѣло свѣтская красавица: уже нѣсколько поколѣній предки ея жили, не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни, крови льется въ конечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки — онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества — жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной, хорошей фамиліи.... Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять своей цѣны въ глазахъ человѣка; потому что и въ довольствѣ и въ роскоши плохо жить безъ здоровья, — вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтушая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственного образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ за то часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ „сильныхъ ощущеній, волненій, страстей,“ которыми придаетъ цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очаровываться томностью, блѣдностью красавицы, если томность и блѣдность ея служатъ признакомъ, что она много жила? (**)

Понятія людей о красотѣ выражаются въ произведеніяхъ искусства. Понятіе о ней различныхъ общественныхъ классовъ, какъ мы видѣли, очень различны, иногда даже противоположны. Тотъ классъ, который господствуетъ въ данное время въ обществѣ, господствуетъ также въ литературѣ и въ искусствѣ. Онъ вноситъ въ нихъ свои взгляды и свои понятія. Но въ развивающемся обществѣ въ разное время господствуютъ разные классы. Притомъ же всякій данный классъ имѣетъ свою исторію: онъ развивается, доходитъ до процвѣтанія и господства и, наконецъ, клонится къ упадку. Сообразно съ этимъ измѣняются и его литературные взгляды, и его эстетическія понятія. Поэтому въ исторіи мы встрѣчаемся съ различными литературными взглядами и съ различными эстетическими понятіями людей: понятія и взгляды, господствовавшіе въ одну эпоху, оказываются устарѣвшими въ другую. Чернышевскій показалъ, что эстетическія понятія людей стоятъ въ тѣсной причинной связи съ ихъ экономическимъ бытомъ. Это — открытіе гениальное въ полномъ смыслѣ слова. Ему оставалось только прослѣдить дѣйствіе открытаго имъ принципа черезъ всю исторію человечества съ ея смѣною различныхъ господствующихъ классовъ, — и онъ сдѣлалъ бы величайшій переворотъ въ эстетикѣ, тѣсно связавши теорію искусства съ

*) Соч. Чернышевскаго, т. I стр. 44, 45, 46.

новѣйшимъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Но мы знаемъ, что ему самому въ значительной степени чуждо было такое пониманіе исторіи. Поэтому онъ и не могъ докончить столь блестяще начатаго дѣла; поэтому же и въ его *Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ действительности* мы встрѣчаемъ гораздо меньше истинно матеріалистическихъ замѣчаній объ исторіи искусства, чѣмъ напр. въ „Эстетикѣ“ „абсолютнаго идеалиста“ Гегеля *). Въ диссертациі Чернышевскаго особенно ярко отражаются, какъ мы уже сказали, всѣ недостатки и всѣ достоинства его приѣмовъ мышленія.

V

Лѣвая сторона гегельянской школы, къ которой, подобно своимъ литературнымъ предшественникамъ, принадлежалъ Н. Г. Чернышевскій, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи примкнула, какъ извѣстно, къ социализму. Примкнули къ нему и русскіе гегельянцы лѣвой стороны. Извѣстно, какъ увлекался социализмомъ Бѣлинскій. Въ его сочиненіяхъ есть статьи, обнаруживающія очень глубокое для того времени пониманіе отношеній западнаго пролетаріата къ буржуазіи**). Чернышевскій явился въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, прямымъ и непосредственнымъ продолжателемъ дѣла Бѣлинскаго. Само собою разумѣется, что онъ пошелъ дальше Бѣлинскаго. Онъ не только увлекался социализмомъ, онъ хорошо изучилъ доступную ему социалистическую и экономическую литературу. Онъ говорилъ о социализмѣ не только тогда, когда это приходилось къ слову въ статьяхъ, посвященныхъ другимъ вопросамъ. Его литературная дѣятельность была направлена почти исключительно на распространеніе въ русской читающей публикѣ социалистическихъ ученій. Въ виду этого, мы обязаны по возможности подробно характеризовать отношеніе Чернышевскаго къ западно-европейскому социализму.

Въ настоящее время, кто говоритъ о социализмѣ — говорятъ объ ученіи Маркса, или не говорятъ ровно ничего, заслуживающаго вниманія. Въ то время, къ которому относятся рѣшительные годы въ развитіи Чернышевскаго (конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ), это было еще не такъ. Ученіе Маркса далеко не достигло еще господства, оно еще только слагалось, вырабатывалось и крѣпло въ борьбѣ съ другими социалистическими теоріями. Главнѣйшія произведенія школы Маркса еще не появлялись тогда въ печати. Тогда еще вполне позволительно было считать себя социалистомъ и не имѣть о Марксѣ нивакого понятія. Тогда еще сильно было влияніе

*) См. напр. замѣчанія Гегеля объ исторіи голландской живописи, съ которыми почти безусловно можетъ согласиться любой изъ современныхъ матеріалистовъ-диалектиковъ (*Aesthetik*, I Band, p. 217, 218; B. II p. 217-223). Подобныхъ замѣчаній много разсѣяно въ его „Эстетикѣ.“

**) См., напр., его статью объ Эженѣ Сю въ VII части полнаго собранія его сочиненій.

такъ называемыхъ теперь социалистовъ-утопистовъ, въ особенности Фурье и Оуэна. Даровитые социалисты того времени всѣ испытали на себѣ это вліяніе, собственными силами дополняя теоріи своихъ учителей и устраняя изъ нихъ ненаучные, фантастическіе элементы. Чернышевскій находился именно въ такомъ положеніи. Мы уже говорили, что о произведеніяхъ школы Маркса онъ не имѣлъ никакого понятія. Правда, еще Бѣлинскій съ восторгомъ читалъ парижскіе „Deutsch-Französische Jahrbücher“, первые и послѣдніе два номера которыхъ изданы были Арнольдомъ Ругэ въ сотрудничествѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ. Но вліяніе этого журнала на русскую публику не было настолько сильно, чтобы безповоротно опредѣлить направленіе русской социалистической мысли. Она еще долго, очень долго, гораздо дольше, чѣмъ слѣдовало, развивалась безъ всякаго вліянія научныхъ трудовъ Маркса. Неудивительно, что, при выработкѣ своихъ социалистическихъ воззрѣній, Чернышевскій не принималъ въ расчетъ новѣйшаго направленія социализма, который уже и раньше игралъ немалую роль въ исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія, а со второй половины 60-хъ годовъ сдѣлался господствующимъ среди всего европейскаго рабочаго класса. Какъ человѣкъ, получившій правильное, научное образованіе, Чернышевскій былъ совершенно чуждъ странныхъ фантазій, перемѣшанныхъ въ ученіи Фурье съ геніальными взглядами на исторію и современный бытъ человѣчества. Къ ученію Сенъ Симона онъ всегда относился очень критически. Робертъ Оуэнъ, святой старикъ, какъ называетъ его Лопуховъ въ романѣ „Что дѣлать?“, всегда былъ очень симпатиченъ Чернышевскому. Но трезвый умъ нашего автора рѣдко позволялъ ему обольщаться надеждами Оуэна на помощь угнетенному большинству со стороны коронованныхъ особъ и высшаго класса. Изучая западно-европейскія общественныя отношенія, Чернышевскій, можно сказать, невольно приходилъ къ тому выводу, который легъ впослѣдствіи въ основу программы Интернаціонала и который гласитъ, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, взглядъ нашего автора на историческія задачи рабочаго класса отличается такою неясностью, которая можетъ показаться странною читателю нашего времени. Чернышевскій не выдѣляетъ пролетаріата изъ общей массы страдающаго и угнетеннаго народа. Для обозначенія рабочаго класса, долженствующаго освободить себя своими собственными усиліями, Чернышевскій употребляетъ выраженіе, очень характерное для русскаго писателя и въ то же время обнаруживающее всю неясность его представленія о роли пролетаріата въ западно-европейской исторіи. Чернышевскій называетъ рабочій классъ запада *простонародьемъ* и представляетъ себѣ его нужды и задачи почти совершенно такъ, какъ могъ представлять себѣ русскій образованный и гуманный человѣкъ нужды и задачи русскаго „простонародья“ того времени. Въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ, впрочемъ, въ пылу полемики, вызванной вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, нашъ авторъ доходитъ даже до слѣдующихъ странныхъ представленій о взглядахъ западно-европейскихъ демократовъ. Онъ утверждаетъ, что политическая свобода не имѣетъ никакого значенія для народной массы и что поэтому защитники

народныхъ интересовъ могутъ оставаться равнодушными къ политикѣ. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ политическіе взгляды либераловъ съ одной стороны и „демократовъ“ съ другой*). „У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддерживать новое устройство общества, для нихъ почти все равно **). Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа — наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англии, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одной — аристократіи (но не абсолютизму?); либераль почти всегда находитъ, что только при известной степени аристократизма общество можетъ достигъ либеральнаго устройства. Потому либералы питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы“***).

Статья, изъ которой мы заимствуемъ эти строки, была написана, какъ мы уже сказали, въ самый разгаръ полемики по крестьянскому вопросу. Очень возможно, что Чернышевскій написалъ ее, нѣкоторымъ образомъ, *ad usum delphini*, желая показать русскому правительству, что ему не слѣдуетъ бояться русскихъ демократовъ, все вниманіе которыхъ дѣйствительно сосредоточилось въ теченіи нѣкотораго времени на экономическомъ положеніи освобождаемаго крестьянства. Впослѣдствіи, въ особенности въ своихъ „Письмахъ безъ адреса,“ Чернышевскій высказывалъ уже новый взглядъ на значеніе политической свободы для народнаго благосостоянія. Но все таки приведенное мнѣніе остается очень характернымъ фактомъ въ исторіи русскаго политическаго сознанія. Оно несомнѣнно должно было оказать свое вліяніе на подрастающую русскую демократію, которая до самаго конца 70-хъ годовъ продолжала питать глубокое презрѣніе къ „политикѣ.“ Конечно, это объясняется не однимъ только вліяніемъ Чернышевскаго, — много сдѣлала въ этомъ отношеніи анархическая пропаганда Бакунина. Но шаткость и неопредѣленность политическихъ взглядовъ любимаго учителя русской молодежи навѣрное внес-

*) Не нужно забывать, что и социалистахъ трудно было говорить по цензурнымъ условіямъ.

**) Курсивъ нашъ.

***) Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. Перепечатано въ третьемъ выпускѣ „Русской социальна-демократической Библіотеки“ Женева 1875, стр. 5, 6.

ла свою лепту въ послѣдующія програмныя скитанія русскихъ революціонеровъ. Что взгляды Чернышевскаго на политическія задачи западно-европейскаго пролетаріата никогда не отличались большою ясностью, лучше всего показываетъ слѣдующее мнѣніе его о значеніи всеобщаго избирательнаго права. Мы заимствуемъ это мнѣніе изъ статьи „Іюльская монархія,“ написанной уже въ 1860-омъ году, т. е. въ то время, когда, окончательно разочаровавшись въ правительственной постановкѣ крестьянскаго вопроса, онъ не могъ уже ничего писать *ad usum delphini*. Чернышевскій обращается между прочимъ въ этой статьѣ къ тѣмъ „лучшимъ людямъ,“ которые, увидѣвъ, что введеніемъ всеобщаго избирательнаго права во Франціи воспользовались реакціонеры и обскуранты, перестали придавать ему значеніе. Чернышевскій успокоиваетъ ихъ не тѣмъ соображеніемъ, что реакціонеры и обскуранты могли воспользоваться результатомъ всеобщаго избирательнаго права только послѣ избіенія іюньскихъ инсургентовъ. Онъ не говоритъ имъ, что всеобщее избирательное право безусловно необходимо для политическаго воспитанія рабочаго класса. Онъ просто указываетъ на неразвитость „поселянъ,“ „Прямой результатъ декрета (вводившаго названное право во Франціи), говоритъ онъ, противорѣчилъ ожиданіямъ всѣхъ честныхъ французовъ. Но что же изъ этого? Развѣ все таки не послужилъ этотъ декретъ на нѣкоторую пользу французскому обществу? Теперь увидѣли, что невѣжество поселянъ губитъ Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и оставшаяся безъ лѣченія; но все таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все же не остаются совершенно безплодными. Раньше или позже поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче. Успокоимся же: хотя бы всеобщее избирательство и не удержалось при возстановленіи законныхъ учрежденій во Франціи, хотя бы горькіе плоды, принсенные декретомъ о немъ, и заставили общественное мнѣніе на время отвергнуть всеобщее избирательство, все таки декретъ о немъ при великомъ прямомъ вредѣ, принесъ косвеннымъ образомъ несравненно большую пользу*).

✕ Здѣсь, какъ видимъ, нѣтъ рѣчи ни о борьбѣ классовъ во французскомъ обществѣ, ни о революціонной роли французскаго пролетаріата. Всѣ надежды нашего автора возлагаются на какихъ то честныхъ людей, которые займутся воспитаніемъ поселянъ, вслѣдствіе чего „прогрессъ для Франціи станетъ легче.“ Это очень странно звучитъ въ настоящее время. Но опять таки не нужно забывать, что пролетаріатъ былъ для Чернышевскаго „простонародьемъ,“ мало отличавшимся по своимъ свойствамъ, стремленіямъ и зада-

* Іюльская монархія въ „Русской соціально-демократической Библиотекѣ“, Женева 1875 г. стр. 58 59.

чамъ отъ другихъ слоевъ трудящагося населенія. Въ особенностяхъ экономическаго положенія западно-европейскаго пролетаріата Чернышевскій если и видѣлъ что-либо революціонное, то развѣ въ томъ смыслѣ, что экономическія бѣдствія вызываютъ неудовольствіе рабочихъ. Но такъ какъ и другіе слои трудящагося населенія переносятъ немалыя бѣдствія, то революціонное настроеніе въ ихъ средѣ казалось ему столь же естественнымъ, какъ и въ средѣ пролетаріата. Когда Чернышевскій защищалъ русское общинное землевладѣніе, то въ числѣ выгодъ приносимыхъ имъ, онъ указывалъ на то обстоятельство, что оно спасаетъ насъ отъ „язвы пролетаріатства.“ Правда, при этомъ ему, очевидно, не разъ вспоминались слова реакціонеровъ, въ родѣ барона Гакстгаузена или Тенгоборскаго, утверждавшихъ, что „язва пролетаріатства“ является источникомъ революціонныхъ движеній въ западной Европѣ. И ему приходили сомнѣнія относительно выгодъ, которыя принесетъ съ собою устраненіе названной „язвы“ дѣлу русскаго прогресса. Но онъ отвѣчалъ себѣ на эти сомнѣнія такого рода замѣчаніемъ. „Землевладѣльческій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, какой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слишкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной землевладѣльцу въ западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужды толковать, каковъ характеръ западно-европейскаго поселяннина. Напомнимъ только о томъ, что казаки были большей частью изъ поселянъ, и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіей земледѣльческаго населенія“. Здѣсь крестьянскія войны ставятся, какъ видимъ, по своему значенію на одну доску съ революціонными движеніями новѣйшаго пролетаріата, — смѣшеніе совершенно невозможное для социалиста настоящаго времени.

Въ глазахъ современнаго социалиста революціонныя движенія рабочаго класса являются результатомъ борьбы классовъ въ обществѣ, сложившемся на основѣ крупной промышленности. Современный социалистъ видитъ залогъ торжества своего дѣла въ дальнѣйшемъ развитіи этой самой промышленности. Чернышевскій не такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Его взгляды на него сильно окрашены самымъ недвусмысленнымъ идеализмомъ. Вотъ какъ разсуждаетъ онъ объ этомъ предметѣ въ своей рецензіи на книгу Бруно Гильдебранда, „Политическая экономія настоящаго и будущаго.“ „То, что истинно человѣчно, истинно разумно, найдетъ себѣ симпатію во всѣхъ народахъ... Разумъ одинъ и тотъ же подъ всѣми широтами и долготами, у всѣхъ чернокожихъ и свѣтлорусыхъ людей. Конечно, въ американскихъ степяхъ живутъ другіе люди, чѣмъ въ русскихъ деревняхъ, и на Сандвичевыхъ островахъ обитаютъ господа, непохожіе на англійскихъ джентльменовъ; но вѣдь и русскому мужику и дикарю, также какъ и высокопочтенному римскому кардиналу, хочется, думаемъ мы, ѣсть, а затѣмъ, чтобы ѣсть, хочется что нибудь имѣть. Стремленіе къ улучшенію своего положенія составляетъ существенное свойство

всего человечества. Если бы новыя теоріи были противны природѣ человѣка, онѣ и не пошли бы дальше той страны и тѣхъ людей, которымъ угодно было выдумать ихъ, не стремились бы къ нимъ всѣ народы образованнаго міра*). Едва-ли нужно повторять, что народы образованнаго міра стремятся къ социализму не потому, что онъ согласенъ съ „природой человѣка“ (это еще ничего не доказываетъ), а единственно потому, что онъ согласенъ съ природой экономического состоянія современнаго намъ цивилизованнаго человечества.

При указанныхъ взглядахъ на социализмъ, какъ могли представляться Чернышевскому практическія задачи социалистической партіи? По цензурнымъ условіямъ ему рѣдко приходилось говорить о нихъ въ печати, но онъ все таки настолько опредѣленно высказался на этотъ счетъ, что сомнѣніе возможно только относительно частныхъ: общій характеръ его практическихъ стремленій достаточно ясенъ.

Замѣтимъ прежде всего, что Чернышевскій по своему трезвому уму и всегдашнему стремленію къ практической дѣятельности не могъ принадлежать къ числу тѣхъ социалистовъ, которые требуютъ, чтобы человечество цѣликомъ приняло ихъ утопіи и считаютъ безплодными или даже прямо вредными всѣ частныя экономическія реформы. Таковы, напр., современные анархисты, если только позволительно называть анархистовъ социалистами, хотя бы и не въ строгомъ, а только въ разговорномъ смыслѣ слова. Чернышевскій ѣдко смѣется надъ подобными фантазерами. „Во имя высшихъ идеаловъ отвергать какое нибудь, хотя бы и не вполне совершенное улучшение дѣйствительности — значитъ слишкомъ уже идеализировать и потѣпаться безплодными теоріями.“ По его мнѣнію, у людей, склонныхъ къ такимъ потѣхамъ, „дѣло кончается большею частью тѣмъ, что послѣ напряженныхъ усилій подняться до своего идеала, они опускаются такъ, что уже вовсе не имѣютъ передъ собою никакого идеала.“ Это уже не въ бровь, а прямо въ глазъ современнымъ анархистамъ. Но дѣло не въ томъ. Посмотримъ, какъ же смотрѣлъ самъ Чернышевскій на реформы, полезныя и возможныя съ социалистической точки зрѣнія?

Извѣстно, что современные социаль-демократы также не только не отрицаютъ значенія частныхъ экономическихъ реформъ, но очень настойчиво требуютъ ихъ. Принимаемая ими въ разныхъ странахъ программы частныхъ реформъ или такъ называемыхъ минимальныхъ требованій стоятъ въ тѣсной связи съ ихъ конечными стремленіями. Они хотятъ, чтобы реформы, вытребованныя ими у современныхъ правительствъ, облегчали имъ приближеніе къ конечной цѣли, чтобы онѣ были послѣдовательнымъ рядомъ побѣдъ экономіи Труда надъ экономіей Капитала. Чернышевскій понималъ, что требуемая социалистами реформы должны быть сообразованы съ ихъ конечной цѣлью. Но конечная цѣль социализма не представлялась ему съ такой ясностью, съ какою представляется она новѣйшимъ социаль-демократамъ. Само торжество социализма отодвигалось въ его представленіяхъ въ

*) Современникъ, мартъ 1861, Новыя книги, стр. 71.

довольно неопредѣленную даль, должно было явиться результатомъ „вѣковыхъ опытовъ“ человѣчества. Поэтому и программа желательныхъ для него частныхъ реформъ не могла отличаться опредѣленностью. Въ общемъ можно сказать однако, что, такъ какъ социалистическій строй представлялся Чернышевскому въ видѣ ассоціацій, то онъ отстаивалъ все, въ чемъ видѣлъ хоть малѣйшій намекъ на принципъ ассоціаціи. Съ точки зрѣнія большей легкости введенія ассоціацій Чернышевскій отстаивалъ и русское общинное землевладѣніе. Община представлялась ему готовой исторической подкладкой для земледѣльческихъ ассоціацій. Заведеніе ассоціаціи рекомендуетъ онъ русскимъ социалистамъ и въ романѣ „Что дѣлать?“ Очень интересенъ тотъ историческій фактъ, что проповѣдь ассоціацій велась одновременно въ Россіи и въ Германіи. Въ 1863 году появился романъ Чернышевскаго, съ выходомъ котораго начинается у насъ цѣлый рядъ попытокъ устройства производительныхъ ассоціацій. Въ томъ же 1863 году Лассаль рекомендуетъ нѣмецкимъ рабочимъ ассоціаціи, какъ единственное средство хоть въ некоторомъ улучшеніи ихъ быта. Но какая разница въ постановкѣ этого вопроса у насъ и въ Германіи! Въ романѣ Чернышевскаго, ставшемъ на время программой русскихъ социалистовъ, устройствомъ ассоціацій занимаются отдѣльныя, гуманныя, образованныя личности: Вѣра Павловна и ея друзья. Къ этому дѣлу привлекается даже просвѣщенный священникъ Мерцаловъ, играющій, по его собственному выраженію, роль „щита“ въ устроенныхъ Вѣрой Павловной мастерскихъ. О политической самостоятельности класса, заинтересованнаго въ устройствѣ такихъ ассоціацій, романъ не говоритъ ни слова. Не говорили о ней ни слова и тѣ люди 60-хъ годовъ, которые пытались осуществить предложенную Чернышевскимъ программу. Напротивъ, первымъ словомъ Лассалевской агитаціи было указаніе рабочимъ на необходимость съ ихъ стороны политической самостоятельности. Лассаль требовалъ, чтобы рабочіе, сплотившись въ особую политическую партію и приобретя вліяніе на ходъ дѣлъ въ странѣ, заставили правительство дать имъ необходимыя для заведенія ассоціацій деньги. Въ прозектѣ Лассалья дѣло заведенія ассоціацій имѣетъ широкій, общесовѣстный характеръ. Ассоціаціямъ, вводимымъ усиліями отдѣльныхъ, просвѣщенныхъ лицъ, Лассаль не придавалъ ровно никакого значенія. По сравненію съ Лассалемъ Чернышевскій является въ своемъ романѣ настоящимъ утопистомъ. По сравненію съ Чернышевскимъ Лассаль является въ своей агитаціи истиннымъ представителемъ новѣйшаго социализма. Это различіе происходитъ не отъ того, чтобы Лассаль былъ въ умственномъ отношеніи выше Чернышевскаго. Можно съ увѣренностью сказать, что по своимъ умственнымъ силамъ Чернышевскій нисколько не уступалъ Лассалю. Но русскій социалистъ былъ сыномъ своей страны, политическая и экономическая отсталость которой придавала всѣмъ его практическимъ планамъ и даже многимъ теоретическимъ взглядамъ характеръ утопій. Въ своихъ практическихъ планахъ заведенія ассоціацій онъ былъ гораздо ближе къ Шульце-Деличу, чѣмъ къ Лассалю. Но съ другой стороны, замѣтимъ, что и Лассаль въ своихъ практическихъ планахъ является истиннымъ представителемъ новѣйша-

го социализма только по сравненію съ Чернышевскимъ. Тѣ люди, которые на самомъ дѣлѣ были истинными представителями и основателями новѣйшаго социализма, Марксъ и Энгельсъ, находили, что и Лассалевскіе планы представляютъ собою не болѣе какъ утопію. Они отказались поддержать знаменитаго агитатора именно потому, что не хотѣли питать въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ склонности къ экономическимъ утопіямъ.

Годы, рѣшительные для развитія Чернышевскаго, относятся къ тому времени, когда западно-европейскій пролетаріатъ, подавленный послѣ революцій 48 года, не подавалъ никакихъ признаковъ политической жизни. Наблюдая его со стороны и не имѣвъ возможности по личнымъ наблюденіямъ познакомиться съ движеніями пролетаріата въ предшествующую эпоху, Чернышевскій естественно не имѣлъ повода задуматься объ его исторической роли. Даже признавая въ принципѣ, что пролетаріатъ долженъ освободить себя собственными усилиями, Чернышевскій, тѣмъ не менѣе склонился иногда къ чрезвычайно страннымъ практическимъ планамъ облегченія его участи. Говоря это, мы имѣемъ въ виду статью, напечатанную въ майской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ, въ отдѣлѣ иностранной литературы. Очень возможно, даже вѣроятно, что статья эта не принадлежитъ лично Чернышевскому. Но такъ какъ она касается экономическихъ вопросовъ и такъ какъ черезъ руки Чернышевскаго проходило въ „Современникѣ“ все, что имѣло хоть какое нибудь отношеніе къ этимъ вопросамъ, то, разумѣется, она не могла бы быть напечатана, если бы противорѣчила взглядамъ нашего автора. Во всякомъ случаѣ она должна быть признана очень характерной для взглядовъ кружка „Современника“ на социальный вопросъ. Въ началѣ статьи авторъ высказываетъ очень дѣльные замѣчанія о томъ, что пролетаріатъ представляетъ собою явленіе, свойственное исключительно новой исторіи. „Только въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ явился на западѣ Европы въ видѣ сознательнаго, самостоятельнаго цѣлаго. До XIX столѣтія бѣдныхъ, нуждавшихся въ общей помощи, было, можетъ быть, больше, чѣмъ теперь, но о пролетаріатѣ не было рѣчи. Онъ плодъ новой исторіи.“ Далѣе авторъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе о томъ, что женскій промышленный трудъ послужитъ залогомъ семейнаго освобожденія женщины. Читая это, можно подумать, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, вполне стоящимъ на точкѣ зрѣнія современнаго социализма. Но разочарованіе является тотчасъ же, какъ только рѣчь заходитъ о практическихъ способахъ улучшенія участи пролетаріата. Именно, говоря о лионскихъ ткачахъ шелковыхъ издѣлій, авторъ видитъ спасеніе ихъ въ „децентрализаціи производства,“ въ заведеніи мастерскихъ внѣ города, въ соединеніи ткацкаго труда съ сельскимъ хозяйствомъ. По мнѣнію автора, соединеніе занятій ткацкимъ ремесломъ съ сельскимъ хозяйствомъ сильно увеличитъ благосостояніе рабочаго. Другой источникъ возможнаго увеличенія благосостоянія ткачей видитъ онъ въ дешевизнѣ сырыхъ припасовъ въ деревняхъ. Вотъ подлинныя слова его. „Для лионскаго рабочаго начало освобожденія его отъ хозяина заключается въ устройствѣ своей собственной мастерской внѣ города. Но какъ завести ее? На чьи день-

ги? На хозяевъ и на фабрикантовъ можно надѣяться въ видѣ исключенія, и вотъ почему нужно искать поддержки въ правительствѣ, его деньгахъ. Только при кредитѣ, открытомъ правительствомъ лионскому пролетарію, онъ освободится отъ эксплуатаціи его труда капиталистомъ и получитъ возможность встать на свои ноги.“ Но авторъ опасается, что рабочіе не захотятъ переселиться въ деревни. „Городская жизнь для многихъ изъ нихъ представляетъ пріятныя особенности, которыхъ они не найдутъ въ сельской жизни... Но это зло переходное. Нельзя ожидать, разумѣется, чтобы всѣ рабочіе сразу переселились изъ Ліона въ его окрестности; но и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы польза такого переселенія не входила все болѣе и болѣе въ общее сознание рабочихъ. Нѣсколько удачныхъ примѣровъ, и рабочій увидитъ выходъ изъ своего настоящаго печальнаго положенія. Для начала будетъ достаточно, если образуются маленькія хозяйства и мастерскія отдѣльныхъ семействъ, а тамъ ужъ не труденъ переходъ къ товариществу и къ устройству на общій счетъ фабрикъ съ механическими двигателями“ *). Мы нисколько не удивились бы, еслибы прочли подобный планъ въ сочиненіяхъ г. Успенскаго или кого нибудь изъ „субъективныхъ“ русскихъ „соціологовъ“. Но въ журналѣ Чернышевскаго онъ производитъ странное, тяжелое впечатлѣніе. Видно, что человѣку, придумавшему такой планъ, равно какъ и людямъ, напечатавшимъ его въ своемъ журналѣ, совсѣмъ еще не ясно, какимъ это образомъ освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ самыхъ рабочихъ. Для современныхъ соціал-демократовъ дѣло вполне понятно: экономическое освобожденіе пролетаріата явится слѣдствіемъ его политическаго господства, захвата имъ политической власти въ свои руки. Авторъ приведеннаго плана экономическаго освобожденія лионскихъ ткачей отводитъ главную роль въ этомъ освобожденіи правительству Наполеона III. По этому проекту оно должно было взять на себя починъ и постепенно приучить рабочихъ къ мысли о переселеніи въ деревни. Такимъ образомъ рабочіе явились бы пассивнымъ предметомъ благотѣльнаго воздѣйствія бонапартовскаго правительства. Это кореннымъ образомъ расходится со взглядами соціал-демократовъ, не говоря уже объ экономической сторонѣ проекта, не выдерживающей никакой критики. Но появленіе такихъ проектовъ на страницахъ „Современника“ было, если угодно, понятно и естественно. Мы уже видѣли, какъ смотрѣлъ Чернышевскій на всеобщее избирательное право. Онъ не считалъ его необходимымъ орудіемъ пролетаріата въ борьбѣ съ буржуазіей. Для кого неясно значеніе всеобщаго избирательнаго права въ этой борьбѣ, для того неясны и вообще всѣ ея политическія задачи неочевидна и необходимость сплоченія пролетаріата въ особую политическую партію съ цѣлью захвата власти въ будущемъ. А при такихъ условіяхъ даже самый искренній сторонникъ рабочаго класса по необходимости будетъ колебаться, когда рѣчь пойдетъ о практическихъ мѣрахъ для улучшенія участи рабочихъ. Онъ будетъ отъ души сочувствовать ихъ революціонному движенію; но въ мирное

*) Совр. 1861 г. май, иностр. литер., стр. 22 и 23.

время онъ не откажется передать все дѣло улучшенія ихъ участи въ руки существующихъ правительствъ: не ясно понимая политическія задачи рабочихъ, онъ не можетъ ясно понять и значенія ихъ политической *самодѣятельности*. Вообще можно сказать, что пониманіе современныхъ задачъ пролетаріата лучше всего обнаруживается въ сужденіяхъ о тактикѣ этого класса въ *мирное, спокойное время*. Чтобы сочувствовать революціонному взрыву рабочихъ нужно только не быть заинтересованнымъ въ поддержаніи буржуазнаго строя. Но чтобы составить себѣ ясное понятіе о тактикѣ, которой рабочіе должны держаться въ то время, когда революцій нѣтъ и еще не предвидится, — нужно хорошо выяснить себѣ всѣ задачи, всѣ условія и весь ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса. Чернышевскому все это было еще не ясно; отсюда и появленіе на страницахъ „Современника“ прозрѣтовъ, подобныхъ вышеприведенному.

Замѣчательно, что нашъ авторъ, энергически отстаивая государственное вмѣшательство въ экономическія отношенія различныхъ общественныхъ классовъ, нигдѣ не упоминаетъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго дня. Этой сторонѣ дѣла онъ, повидимому, не придавалъ никакого значенія или, лучше сказать, вовсе не задумывался надъ ней.

Теперь мы достаточно выяснили социалистическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго. Для читателей, знакомыхъ съ западнымъ движеніемъ и съ западно-европейской социалистической литературой, интересно будетъ, можетъ быть, отмѣтить здѣсь то обстоятельство, что нашъ авторъ видѣлъ въ Прудонѣ „полнаго представителя умственнаго положенія, до котораго возвышается на Западѣ простолюдинъ.“ Чернышевскій вовсе не поклонникъ Прудона. Онъ замѣчаетъ его слабыя стороны, его колебанія, его непослѣдовательность. „Но во всемъ этомъ мы опять видимъ общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній“ *). О какихъ „простолюдинахъ“ говоритъ здѣсь Чернышевскій? Имѣеть-ли онъ въ виду крестьянъ, мелкихъ независимыхъ ремесленниковъ, или пролетаріевъ въ собственномъ смыслѣ слова? Онъ говоритъ о нихъ вообще, не дѣлая никакого различія между различными слоями трудящагося населенія, потому что всѣ они, какъ мы видѣли, сливались въ его умѣ въ одно общее представленіе о „простолюдинѣ.“ Не такъ смотрятъ на это дѣло новѣйшіе социалисты. Еще въ 48 году Марксъ и Энгельсъ въ своемъ „Манифестѣ коммунистической партіи“ указали на рѣзкое различіе между крестьянами и ремесленниками съ одной стороны и пролетаріатомъ съ другой. Для авторовъ Манифеста крестьяне и мелкіе ремесленники въ томъ

*) Антрополог. принципы въ философіи, стр. 21, 24.

случаѣ, когда они отстаиваютъ экономическія особенности своего положенія и не переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата, являются *реакціонерами, стремящимися повернуть назадъ колесо исторіи*. Только въ пролетаріатѣ видятъ Марксъ и Энгельсъ истинно революціонный классъ современнаго общества. Сообразно съ этимъ и въ Прудонѣ Марксъ и Энгельсъ могли видѣть, пожалуй, представителя западно-европейскихъ простолюдиновъ, но простолюдиновъ, поставленныхъ въ особыя условія мелкобуржуазнаго производства. Соціализмъ Прудона казался Марксу соціализмомъ мелкой буржуазіи или, если угодно, крестьянъ, этихъ мелкихъ буржуа земледѣлія. Непослѣдовательность и шаткость мысли Прудона Марксъ объяснялъ не тѣмъ, что до него не дошло послѣднее слово науки, а тѣмъ, что предрасудки и предубѣжденія, вынесенныя имъ изъ мелкобуржуазной среды, лишили его возможности понять это слово даже въ томъ случаѣ, еслибы оно и дошло до него *). Различіе въ отношеніяхъ къ Прудону Маркса и Чернышевскаго прекрасно рисуетъ различіе въ ихъ отношеніяхъ ко всему западно-европейскому рабочему движенію.

VI

Мы знаемъ теперь отношеніе Чернышевскаго къ тѣмъ „нашимъ общимъ великимъ западнымъ учителямъ“, у которыхъ русскому человѣку и въ настоящее время приходится старательно учиться. Мы знаемъ, что на выработку взглядовъ Чернышевскаго имѣла огромное вліяніе нѣмецкая философія. Мы знаемъ также, въ какой періодъ развитія нѣмецкой философіи изучалъ ее нашъ авторъ: въ періодъ перехода отъ идеализма къ матеріализму. Въ этотъ переходной періодъ новѣйшіе матеріалистическіе взгляды далеко еще не дошли до той степени выработанности, ясности и послѣдовательности, на какую возвели ихъ впоследствии труды Маркса и Энгельса. Это очень замѣтно отразилось на воззрѣніяхъ Чернышевскаго. Сравнивая ихъ съ ученіемъ той самой школы, которая развилась впоследствии изъ ученія Фейербаха, мы находимъ въ нихъ много пробѣловъ, много неясностей и непослѣдовательностей. Историческіе и соціалистическіе взгляды Чернышевскаго ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны удовлетворительными съ точки зрѣнія современной намъ европейской науки. Тотъ, кто вздумалъ бы держаться ихъ въ настоящее время, былъ бы совершенно отсталымъ человекомъ. Но, говоря это, мы вовсе не хотимъ осуждать великаго русскаго писателя. Его развитію сильно помѣшало то обстоятельство, что онъ жилъ въ странѣ отсталой во всѣхъ отношеніяхъ, до которой часто совершенно не доходили новѣйшія открытія и направленія общественной науки. Въ окружавшей же его обстановкѣ не было никакихъ матеріаловъ для самостоятельныхъ открытій въ этомъ смыслѣ. Кромѣ того нужно помнить, что переворотъ сдѣланный въ общественной наукѣ Марксомъ и Эн-

*) См. „Ницету Философіи“ (пятый выпускъ „Библиотеки Современнаго Соціализма.“)

гельсомъ не сразу былъ по достоинству оцѣненъ даже самыми даровитыми людьми Западной Европы. Лассаль находился въ условіяхъ, очень благоприятныхъ для его общественнаго и политическаго развитія, онъ былъ близко знакомъ съ основателями новѣйшаго социализма, ему, повидимому, достаточно было только усвоить мысли, выработанныя другими и совершенно доступныя для него по обстоятельствамъ его жизни, и однако мы встрѣчаемся въ его сочиненіяхъ со множествомъ вопіющихъ противорѣчій. Въ своихъ большихъ сочиненіяхъ (*Philosophie Heraclei'os des I unkeln, System der erworbenen Rechte*), онъ является чистѣйшимъ идеалистомъ и толкуетъ о *саморазвитіи понятій* (*Selbstentwicklung der Begriffe*). Въ своихъ агитаціонныхъ брошюрахъ онъ уже гораздо ближе къ новѣйшему материализму, онъ уже почти цѣликомъ признаетъ всѣ его положенія, но тѣмъ не менѣе и въ этихъ брошюрахъ его много неясности и непоследовательности. Во сколькохъ поправкахъ нуждается теперь главное его полемическое сочиненіе „Бастія-Шульце“! Лассалья приходится признавать такимъ же представителемъ переходной эпохи въ развитіи философской социалистической мысли, какимъ былъ и Чернышевскій. Но пробѣлы и противорѣчія во взглядахъ Лассалья не помѣшали ему оказать существенную услугу развитію своей страны. Не помѣшала въ этомъ и Чернышевскому неполная выработанность его взглядовъ. Въ настоящее время, стоя на точкѣ зрѣнія Маркса, мы можемъ осуждать очень многое въ теоретическихъ разсужденіяхъ и практическихъ планахъ Чернышевскаго. Но для его времени и для его страны даже тѣ его взгляды, которые мы должны теперь признать ошибочными, все таки были въ высшей степени важными и благотворными, потому что они будили русскую мысль и толкали ее на тотъ путь, на который ей не удалось выступить въ предшествующій періодъ: на путь изслѣдованія общественныхъ и экономическихъ вопросовъ. Въ политической экономіи, въ исторіи, даже въ эстетикѣ и литературной критикѣ Чернышевскій все таки высказалъ множество такихъ важныхъ мыслей, которыя и до сихъ поръ еще не усвоены во всемъ ихъ объемѣ и не разработаны, какъ слѣдуетъ, русской литературой. Чтобы опредѣлить въ немногихъ словахъ значеніе всего, что сдѣлалъ Чернышевскій для развитія русской мысли, достаточно будетъ указать на слѣдующій фактъ, который признаетъ безспорнымъ всякій, кто знакомъ съ состояніемъ литературы за послѣднія тридцать лѣтъ. Ни русскіе социалисты въ огромнѣйшемъ числѣ своихъ фракцій и направленій, ни легальная русская критика и публицистика не сдѣлали ни шагу, буквально ни шагу впередъ съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась литературная дѣятельность Чернышевскаго. Въ его статьяхъ вы найдете всѣ тѣ мысли и взгляды, распространеніе которыхъ составило славу передовыхъ писателей слѣдующаго періода. Писатели эти не сдѣлали никакихъ поправокъ ко взглядамъ Чернышевскаго, да и не могли сдѣлать ихъ, потому что ихъ міросозерцанію свойственны были еще въ гораздо большей степени всѣ тѣ недостатки, какими отличалось міросозерцаніе Чернышевскаго. Слабая сторона взглядовъ Чернышевскаго обуславливалась тѣмъ, что онъ не знакомъ былъ съ новѣйшимъ направленіемъ философской мысли западной Европы, съ ученіемъ

Маркса и Энгельса. Но хорошо ли усвоили это учение литературные вожаки послѣдующаго періода? Они заговорили о непримѣнности къ намъ западно-европейскихъ теорій, о „субъективномъ методѣ“ въ социологіи, объ особенностяхъ русскаго экономическаго быта, объ ошибкахъ Запада, словомъ явились болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе усердными проповѣдниками того народническаго ученія, которое навѣрное, показалось бы Чернышевскому самой неудобоваримой мистикой*). Разъ свихнувши въ сторону народничества, передовые представители русской мысли не могли даже и задуматься о серьезной критикѣ Чернышевскаго. Напротивъ, они часто съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, отстаивали именно тѣ его взгляды, которые составляли его ошибки, показывали отсталость его отъ западно-европейской науки. Удивительна судьба гениальныхъ или просто даже даровитыхъ людей, имѣвшихъ замѣтное вліяніе на умственное развитіе своей страны! Ихъ послѣдователи и почитатели часто усваиваютъ именно ихъ ошибки и заблужденія, и затѣмъ отстаиваютъ ихъ со всѣмъ энтузіазмомъ, возбуждаемымъ великимъ именемъ. Примѣрамъ подобнаго, на первый взглядъ очень страннаго, пристрастія учениковъ къ ошибкамъ ихъ учителей положительно изобилуетъ исторія умственнаго развитія человѣчества. За что ухватилась правая сторона гегелевской школы? За промахи и нопослѣдовательность гениальнаго философа. Что съ особенною настойчивостью пережевывали такъ называемые позитивисты? Схоластическую часть ученія Огюста Конта (да простятъ намъ читатели по-истинѣ святотатственное сопоставленіе Конта съ Гегелемъ). Что мѣшало нѣмецкимъ лассальянцамъ соединиться съ фракціей Либкнехта-Бебеля? Пристрастіе къ политическимъ ошибкамъ и къ экономическимъ утопіямъ Лассалья. Положительно обскуранты оклеветали человѣческій умъ, приписывая ему вѣчное движеніе впередъ и вѣчное недовольство существующимъ! Въ дѣйствительности, онъ оказывается самымъ лѣнливымъ изъ всѣхъ консерваторовъ.

Но возвратимся къ нашему автору. Зная теперь общій характеръ его взглядовъ, зная достоинства и недостатки свойственнаго ему пониманія „высшихъ идей правды, науки, искусства“, мы легко можемъ дать себѣ отчетъ объ его литературной дѣятельности.

Мы уже сказали, что, готовя свою диссертацию объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“, Чернышевскій занимался переводами и другими литературными работами, главнымъ образомъ, для „Отечественныхъ Записокъ“. Появленіе въ печати его диссертации обратило на него вниманіе редакціи „Современника“, изда-

*) Аристовъ въ своей книгѣ о Щаповѣ разсказываетъ, что Чернышевскій, заинтересовавшись сочиненіями Щапова, искалъ знакомства съ нимъ и встрѣтивъ его у одного близкаго пріятеля, велъ съ нимъ длинный споръ. Споръ этотъ показалъ Чернышевскому, что сотрудникъ „Современника“ Щаповъ быть не можетъ: такъ сильно расходится ихъ взглядъ. Но какъ относились къ Щапову вполнѣдствіи тѣ самыя люди, которые считали себя горячими поклонниками Чернышевскаго? Щаповскіе взгляды на русскую исторію явились составною частью народническаго ученія, и наши народники, продолжая „уважать“ Чернышевскаго, даже не потрудились спросить себя, — не существуетъ-ли противорѣчія между его взглядами и щаповскою идеализаціей старинной народной жизни?

вавшася съ 1847-го г. Некрасовымъ и Панаевымъ. Чернышевскому предложили постоянное сотрудничество въ этомъ журналѣ и даже отдали въ его завѣдываніе весь критическій отдѣлъ. Впослѣдствіи, когда „Современнику“ позволили въ 1859 г. писать о политикѣ, Чернышевскій завѣдывалъ и политическимъ отдѣломъ. За Некрасовымъ и Панаевымъ навсегда останется та огромная заслуга, что они не сторонились, какъ это дѣлали многіе другіе „друзья Бѣлинскаго“, отъ людей, продолжавшихъ его дѣло. Само собою разумѣется, что редакціи не пришлось жалѣть о томъ, что она сошлась съ Чернышевскимъ. Уже въ декабрьской книжкѣ Современника за 1855 годъ появилась первая статья изъ того, уже много разъ упомянутого ряда „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“, который представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Чернышевскаго и до сихъ поръ остается лучшимъ пособіемъ для всякаго, желающаго познакомиться съ критикой гоголевскаго періода. Вторая статья изъ этого замѣчательнаго ряда очерковъ была напечатана въ январской, третья въ февральской, четвертая въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ за слѣдующій годъ. Въ этихъ четырехъ статьяхъ была сдѣлана оцѣнка литературной дѣятельности Полевого, Сенковскаго, Шевырева, и Надеждина. Въ іюльской книжкѣ авторъ перешелъ къ Бѣлинскому, которому и посвящены остальные пять очерковъ. Въ этихъ статьяхъ имя Бѣлинскаго впервые названо въ печати послѣ 1848 года, когда на Бѣлинскаго стали смотрѣть, какъ на запрещеннаго писателя. Съ появленіемъ „Очерковъ“ можно было съ отрадной увѣренностью и, ни мало не преувеличивая дѣла, сказать, что у Бѣлинскаго есть достойный преемникъ. Съ тѣхъ поръ какъ Чернышевскій выступилъ въ качествѣ критика и публициста „Современника“, за этимъ журналомъ снова было обезпечено преобладающее мѣсто между русскими періодическими изданіями, принадлежавшее ему при жизни Бѣлинскаго. „Современнику“ съ интересомъ и уваженіемъ внимала передовая часть читающей публики, къ нему естественно тяготѣли всѣ свѣжія, нарождающіяся литературныя силы. Такъ въ половинѣ 1856 года въ немъ сталъ писать молодой Добролюбовъ. Людямъ нашего времени трудно даже представить себѣ, какъ велико было тогда у насъ значеніе журналистики. Теперь общественное мнѣніе значительно уже переросло журналистику; въ 40-хъ годахъ оно еще не успѣло дорости до нея. Конецъ же 50-ыхъ и начало 60-ыхъ годовъ является эпохой наибольшаго согласія между общественнымъ мнѣніемъ и журналистикой и наибольшаго вліянія журналистики на общественное мнѣніе. Только при такомъ условіи и возможно было то горячее увлеченіе литературной дѣятельностью и та искренняя вѣра въ значеніе литературной пропаганды, которыя замѣчаются во всѣхъ тогдашнихъ выдающихся писателяхъ. Короче, это былъ золотой вѣкъ русской журналистики. Несчастныи исходъ крымской войны заставилъ правительство сдѣлать нѣсколько уступокъ образованному обществу и совершить, по крайней мѣрѣ, самыя насущныя, давно уже ставшія необходимыми реформы. Вскорѣ на очередь поставленъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ затрогивающій интеле-

ресы всѣхъ сословій. Нужно ли говорить, что Николай Гавриловичъ съ жаромъ принялся за разработку этого вопроса? Къ 1857—58 гг. относятся его замѣчательныя статьи о крестьянскомъ дѣлѣ. Какъ много написано имъ по этому поводу, видно изъ того, что въ отдѣльномъ заграничномъ изданіи статьи эти составляютъ большой томъ очень убористой печати. Теперь довольно уже хорошо извѣстно взаимное отношеніе нашихъ общественныхъ силъ въ эпоху уничтоженія крѣпостного права. Поэтому мы будемъ говорить о немъ лишь мимоходомъ, лишь посколькѣ это нужно для выясненія роли, принятой на себя въ этомъ дѣлѣ нашей передовой журналистикой, во главѣ которой стоялъ тогда Н. Г. Чернышевскій. Всѣмъ извѣстно, что эта журналистика горячо отстаивала крестьянскіе интересы. Нашъ авторъ писалъ одну за другой статьи, въ которыхъ отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землею и утверждалъ, что выкупъ земель, отходящихъ въ надѣлъ крестьянамъ, не можетъ представить для правительства никакой трудности. Онъ доказывалъ это положеніе и общими теоретическими соображеніями и самими подробными примѣрами вычисленіями. „Какимъ это образомъ выкупъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ можетъ онъ превышать силы народа? Это не правдоподобно — писалъ онъ въ статьѣ „Труденъ-ли выкупъ земли?“ Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, какіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, какая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва-ли представляетъ стоимость во сто милліардовъ франковъ; а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе, какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей, равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламанша до Пиринеевъ. Стало быть, если бы французамъ нужно бы было выкупить у когонибудь всю Францію, они могли бы сдѣлать это въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только одну пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлую Россію должны мы выкупить со всѣми ея богатствами? Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю? Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерніямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе“ и т. д.*). Показавъ затѣмъ, что земли подлежащія выкупу составляли бы не болѣе шестой части пространства, занимаемаго Европейской Россіей, онъ предлагаетъ цѣлыхъ восемь плановъ выкупной операціи. По его словамъ, принявши одинъ изъ этихъ плановъ, правительство могло бы выкупить надѣльныя

*) См. статью „Труденъ ли выкупъ земли“ въ пятомъ томѣ заграничнаго изданія соч. Чернышевскаго.

земли не только безъ обремененія крестьянъ, но и съ большою выгодною для государственнаго казначейства. Въ основѣ всѣхъ плановъ Чернышевскаго лежало соображеніе о „необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ при опредѣленіи величина выкупа“. Мы знаемъ теперь, насколько наше правительство имѣло въ виду интересы крестьянства при уничтоженіи крѣпостнаго права и насколько оно послѣдовало совѣтамъ Чернышевскаго относительно умѣренности при опредѣленіи выкупныхъ платежей. Статистика показываетъ, что въ среднемъ, платежи, лежащіе на крестьянскихъ земляхъ, значительно превышаютъ ихъ доходность. Она показываетъ также, что платежами обременены главнымъ образомъ земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Отсюда ясно, что если при освобожденіи крестьянъ наше правительство ни на минуту не позабыло выгодъ государственнаго казначейства, то объ интересахъ крестьянъ оно думало очень мало. При выкупной операціи имѣлись въ виду исключительно только фискальные и помѣщичьи интересы. И это совершенно понятно, такъ какъ никому нѣтъ ни нужды, ни охоты думать объ интересахъ того сословія (въ данномъ случаѣ крестьянскаго), которое само не можетъ энергично и систематически отстаивать ихъ. Но въ ту пору, когда еще только шли толки о крестьянскомъ освобожденіи, самые передовые люди Россіи думали нѣсколько иначе. Имъ казалось, что само правительство безъ большого труда могло бы понять, до какой степени его собственныя выгоды совпадаютъ съ интересами крестьянства. Подобныя надежды довольно долго питалъ, между прочимъ, Герценъ. Питалъ ихъ и Чернышевскій. Отсюда происходила и та настойчивость, съ которою онъ возвращался въ своихъ статьяхъ къ крестьянскому вопросу, и то усердіе, съ которымъ онъ выяснялъ правительству его собственные интересы. Но Чернышевскій былъ первымъ, по времени, русскимъ писателемъ, понявшимъ некрасивую и лицемѣрную роль русскаго правительства въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія. Уже въ 1858 году появилась его статья „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ съ многознаменательнымъ эниграфомъ изъ Фауста: wie weh' wie weh' wie wehe! Обыкновенно эта прекрасная статья рассматривается какъ самая энергическая и самая удачная защита общиннаго землевладѣнія, но мы взглянемъ на нее со стороны самаго принципа освобожденія крестьянъ съ землею. Статья эта показываетъ, что уже въ 1858 г. Чернышевскій потерялъ всякую надежду на удовлетворительное рѣшеніе правительствомъ крестьянскаго поземельнаго вопроса. „Я стыжусь самаго себя — говоритъ онъ въ началѣ этой статьи. Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою я поднялъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ... Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это, какъ могу. Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія, но онъ все таки составляетъ только одну сторону дѣла, къ которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія, высшія гарантіи благосостоянія, нужныя для

доставленія его дѣйствию простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во первыхъ принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самого ея полученія... Когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту, чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою... Только при соблюденіи этого второго условія люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты⁴. Но это условіе не могло быть соблюдено въ дѣлѣ освобождаемыхъ крестьянъ, поэтому Чернышевскій и считалъ бесполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самое надѣленіе крестьянъ землею. У кого оставалось бы какое нибудь сомнѣніе на этотъ счетъ, того совершенно убѣдитъ слѣдующій примѣръ, приводимый нашимъ авторомъ. „Предположимъ говорить онъ, обращаясь къ своему любимому способу объясненія посредствомъ „параболъ“ — предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ собственно изъ расположенія къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовленный изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ?... Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обеспечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?... Лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! Лучше пропадай все дѣло, которое приноситъ вамъ только раззореніе!*)

Еслибы читатель, не довольствуясь приведенными выписками, захотѣлъ составить себѣ еще болѣе ясное представленіе о томъ, до какой степени и какъ рано Чернышевскій разочаровался въ крестьянской „эмансипаціи“, то мы указали бы ему на романъ „Прологъ пролога“, изданный въ 1877 году редакціей журнала „Впередъ!“ и написанный Чернышевскимъ, какъ кажется, значительно раньше романа „Что дѣлать?“. „Прологъ пролога“ — это собственно не романъ, а записки автора, относящіяся именно къ эпохѣ уничтоженія крѣпостного права. Подъ вымышленными именами графа Чаплина, Рязанцева, Савелова, Левицкаго, Соколовскаго и т. д. выступаютъ

*) См. пятый томъ женевскаго изданія соч. Чернышевскаго, стр. 472—478.

извѣстные литературные и политическіе дѣятели той эпохи. Кромѣ того, подъ именемъ Волгина Чернышевскій изобразилъ самого себя, и это придаетъ большой біографическій интересъ | его роману-запискамъ. Не задаваясь цѣлью излагать содержаніе романа, мы укажемъ лишь на разговоры Волгина съ Нивельзиннымъ и Соколовскимъ, касавшіеся освобожденія крестьянъ. „Пусть дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки помѣщичьей партіи. Разница не велика — говоритъ Волгинъ Соколовскому, и на замѣчаніе его собесѣдника о томъ, что, напротивъ, разница колоссальная, такъ какъ помѣщичья партія противъ надѣленія крестьянъ землею, онъ рѣшительно отвѣчаетъ: „нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, еслибы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее человѣку — разница, но взять съ него плату за нее — все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ только тѣмъ, что проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, *въпротиву, меньше и обремененія для крестьянъ* *). У кого изъ крестьянъ есть деньги — тотъ купитъ себѣ землю. У кого нѣтъ — тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. *Это будетъ только раззорять ихъ*. Выкупъ таже покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли... Вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ за того, кто станетъ освобождать ихъ, либералы или помѣщики. По моему все равно. Или помѣщики даже лучше**).

Въ разговорѣ съ Нивельзиннымъ Волгинъ выставляетъ другую сторону своего отношенія къ тогдашней постановкѣ крестьянскаго дѣла. „Толкуютъ: освободить крестьянъ — восклицаетъ онъ. Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ, — сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать... Испортишь дѣло, выйдетъ мерзость. Эхъ наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компанією! вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то...“ ***)

Эти разсужденія Волгина о преждевременности крестьянскаго освобожденія, конечно, ошибочны. Крѣпостное право было такимъ огромнымъ зломъ, оно до такой степени стѣсняло развитіе рѣшительно всѣхъ сторонъ общественной жизни тогдашней Россіи, что уничтоженіе его ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ не могло быть преж-

*) Курсивъ повсюду въ этой выпискѣ нашъ.

**) Прологъ пролога, стр. 199.

***) Ibid. стр. 110. Собственно говоря, по ходу романа видно, что эти разсужденія Волгина относятся ко времени появленія статей Чернышевскаго о выкупѣ. Но въ такомъ случаѣ самый исходъ этихъ статей былъ бы необъяснимъ: кто станетъ отстаивать такіе проекты, которые самъ считаетъ совершенно несбыточными при данныхъ условіяхъ? Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что когда Чернышевскій писалъ свой романъ, то онъ незамѣтно для себя пріурочилъ съ и повдвѣишіе взгляды на условія крестьянскаго освобожденія къ болѣе | аннему времени.

девременнымъ. Но для правильнаго пониманія взгляда Чернышевскаго на это дѣло нужно помнить, что тогдашнія событія могли представляться ему совсѣмъ не въ той перспективѣ, въ какой они представляются намъ теперь. Онъ питалъ, какъ кажется, нѣкоторую надежду на крестьянскія возстанія, а въ тоже самое время онъ, повидимому, считалъ возможнымъ очень быстрый ростъ крайней партіи, всецѣло стоявшей на сторонѣ крестьянства. Такимъ образомъ, освобожденіе могло казаться ему преждевременнымъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ оно успокоивало волненія крѣпостныхъ, то гордіевъ узелъ помѣщичьей власти не могъ уже быть разрубленъ топоромъ крестьянина а съ другой стороны крайняя демократическая партія не имѣла еще силы для серьезнаго давленія на правительство. Приобрѣтеніе партіей достаточной для этого силы могло казаться ему дѣломъ лишь нѣсколькихъ лѣтъ, и онъ могъ считать полезной кратковременную отсрочку освобожденія въ виду важности сулимыхъ ею результатовъ. Что революціонное движеніе въ тогдашней Россіи представлялось ему вполне возможнымъ, — на это есть совершенно ясныя намеки въ его статьяхъ, намеки, на которыхъ мы еще остановимъ вниманіе читателя, такъ какъ ими въ значительной степени объясняется направленіе его дальнѣйшей литературной дѣятельности.

Наши народники страшно идеализируютъ теперь русское крестьянство и съ поразительною легкостью открываютъ въ немъ рѣшительно всѣ тѣ свойства и стремленія, какія имъ хотѣлось бы въ немъ видѣть. Поэтому мы, не желая ни на мнунту уподоблять имъ Н. Г. Чернышевскаго, спѣшимъ прибавить, что онъ, не смотря на свою вѣру въ возможность крестьянской революціи, въ сущности все таки былъ далекъ отъ ложной идеализаціи народа. Тогдашняя Россія вообще представлялась ему не въ особенно пріятельномъ видѣ. Временами же онъ доходилъ до самаго рѣзкаго отрицательнаго отношенія къ своимъ соотечественникамъ. „Жалкая нація, жалкая нація -- восклицаетъ про себя въ „Прологъ пролога“ Волгинъ, подъ пменемъ котораго Чернышевскій изобразилъ, какъ мы сказали, самого себя — нація рабовъ, съ низу до верху все сплошь рабы“*). Даже и въ болѣе спокойныя минуты его не покидало сознаніе страшной неразвѣтности и забитости русскаго крестьянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ прямымъ наслѣдникомъ взглядовъ Бѣлинскаго, который подъ конецъ своей жизни говорилъ, что споры со славянофилами помогли ему „сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ“**). Чтобы не быть голословными, укажемъ на превосходную и очень поучительную статью Чернышевскаго „*Не начало-ли перемѣны?*“, въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ. Статья написана по поводу выхода отдѣльнаго изданія „Разказовъ“ Н. В. Успенскаго. Авторъ возстаетъ въ ней именно противъ „непобѣдимаго влеченія къ прикрашиванію народныхъ нравовъ и попятій“. Подобнымъ влеч-

*) Стр. 209.

***) См. Пынина: Бѣлинскій, его жизнь и переписка. СПб. 1876, т. II. стр. 324-325.

ченіемъ отличались, по его словамъ, повѣсти изъ народнаго быта Тургенева и Григоровича. Онъ сравниваетъ отношеніе этихъ писателей къ народу съ отношеніемъ Гоголя къ Акакію Акакіевичу. Гоголь умалчиваетъ о недостаткахъ своего героя, потому что считаетъ его недостатки совершенно непоправимыми. „Акакій Акакіевичъ былъ смѣшной идиотъ... Но говорить всю правду объ Акакіѣ Акакіевичѣ бесполезно и безсовѣстно... Самъ для себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, будемъ же склонять другихъ въ его пользу... Будемъ молчать о его недостаткахъ“. Совершенно также относились къ народу Григоровичъ, Тургеневъ и всѣ ихъ подражатели. Всѣ народныя недостатки „прячутся, затушевываются, замазываются, налагается только на то, что онъ несчастенъ, несчастенъ“*). Главной заслугой Н. В. Успенскаго въ глазахъ нашего автора являлось совершенное отсутствіе у него подобнаго отношенія къ народу. Чернышевскій замѣчаетъ, что Н. В. Успенскій „выставилъ русскаго простолюдина простофилю“, которому „трудно связать въ головѣ двѣ отдѣльныя мысли“. Но по его словамъ иначе и быть не можетъ. Не только русскіе, и западно-европейскіе поселяне отличаются страшною неразвитостью. Что же касается до качества „простофили“, то онъ „готовъ уличить въ немъ огромное большинство людей всякаго сословія“. Большинство людей всѣхъ сословій и всѣхъ странъ живетъ рутинной и обнаруживаетъ крайнюю несообразительность едва только случится ему выдти изъ обычнаго круга представленій. Чтобы давать намъ вѣрныя дѣйствительности изображенія народнаго быта, литература не должна закрывать глазъ на отрицательныя стороны народнаго характера. Въ разказахъ Н. В. Успенскаго — которые, замѣтимъ мы отъ себя, нерѣдко доходили до шаржа — Чернышевскій видитъ „начало переменъ“ въ отношеніяхъ литературы къ народу, а въ самомъ авторѣ этихъ разказовъ онъ привѣтствуетъ появленіе новаго слоя образованныхъ русскихъ людей, умѣющихъ обращаться и толковать съ крестьянами не въ качествѣ добрыхъ и снисходительныхъ господъ, а совершенно запросто, какъ равные съ равными. Онъ многого ждетъ отъ появленія этого слоя.

Казалось бы, что взглядъ на крестьянство, какъ на сословіе „простофилей“, исключаетъ всякую надежду на возможность революціоннаго движенія въ русскомъ народѣ. Но Чернышевскій нисколько не отказывается отъ этой надежды. Онъ категорически заявляетъ, что крестьяне крайне неразвиты или, по просту говоря, глупы. „Но не смѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа — говоритъ онъ въ концѣ статьи. Возьмите самаго дюжинаго... пошлаго человѣка: какъ бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бываютъ въ ней минуты совершенно другого отбѣнка, минуты энергичныхъ усилій, отважныхъ рѣшеній. То же самое встрѣчается и въ исторіи cadaго народа.“

На такую то минуту отважныхъ рѣшеній и возлагалъ свои упованія Н. Г. Чернышевскій. Ему казалось, что уже не далека эта ми-

*) С. 1. въ указанной книжкѣ отдѣлъ русской литературы, стр. 83.

нута, и совершенно также думали почти все лучшие люди того времени. На этой уверенности основывались возникавшие в начале шестидесятых годов тайные революционные общества. Она поддерживалась частью волнениями освобождаемых крестьян, упорно ожидавших „настоящей воли“, частью положением дѣлъ на Западѣ. Итальянскія событія, Сѣверо-Американская война, сильное политическое броженіе въ Австріи и Пруссіи, — все это могло дать повод думать, что реакція, царствовавшая съ 1849 г., будетъ, наконецъ, побѣждена новымъ освободительнымъ движеніемъ. А при этомъ позволительно было надѣяться, что европейскія событія увлекутъ и Россію. Вѣдь такъ легко вѣрится тому, чему хочется вѣрить! Чернышевскій и его единомышленники еще не сознавали того, что политическія движенія Запада могутъ служить полезнымъ толчкомъ для внутренняго развитія Россіи только при одномъ необходимомъ условіи: именно, если ея внутреннія и прежде всего экономическія отношенія хотя до нѣкоторой степени уподобятся отношеніямъ Запада. Теперь это подобіе уже существуетъ и можно сказать ежечасно увеличивается. Но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ до этого было еще далеко. Поэтому освободительныя движенія Запада могли тогда усилить скорѣе русскій застой, чѣмъ русскій прогрессъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Россія еще могла бы снова попытаться взять на себя роль европейскаго жандарма, такъ блистательно исполненную ею въ 1848-49 гг.

VII

Если при всей горячей любви къ народу нашъ авторъ умѣлъ трезвыми глазами взглянуть на его недостатки, то можно представить себѣ, какъ относился онъ къ дворянству и къ довольно сильно кричавшей тогда либеральной партіи. Тутъ онъ былъ совершенно безпощаденъ. Мы уже привели отзывъ Волгина о либеральномъ Рязанцевѣ съ братіей. Подобныхъ отзывовъ множество въ „Прологѣ пролога“. Вообще Чернышевскій не упускалъ случая посмѣяться въ своихъ статьяхъ надъ русскими либералами и печатно заявить, что ни онъ, ни вся крайняя партія не имѣютъ съ ними ничего общаго. Трусость, недалковидность, узкость взглядовъ, бездѣятельность и болтливая хвастливость — вотъ отличительныя качества, какія онъ видѣлъ въ тогдашнихъ либералахъ. Такая характеристика почти дословно сдѣлана имъ въ статьѣ „Русскій человѣкъ на rendez-vous“, напечатанной въ „Атенеѣ“ 1858 года. Она написана по поводу повѣсти Тургенева „Ася“, но такъ какъ „Ася“ появилась въ „Современникѣ“, то Чернышевскій и не счелъ удобнымъ писать о ней въ своемъ журналѣ. О самой повѣсти въ статьѣ говорится очень немного, лучше сказать почти ничего. Авторъ обращаетъ вниманіе только на сцену любовнаго объясненія героя повѣсти съ Асей и по поводу этой сцены передается своимъ „размышленіямъ“. Читатели помнятъ, конечно, что

въ рѣшительную минуту тургеневскій герой струсилъ и пошелъ на попятную. Вотъ это-то обстоятельство и наводитъ Чернышевскаго на его „размышленія“. Онъ замѣчаетъ, что нерѣшительность и трусость составляютъ отличительное свойство не одного только этого героя, но и большинства героев нашихъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній. Онъ вспоминаетъ о Руднѣ, о Бельтовѣ, о просвѣтителѣ некрасовской Саши и во всѣхъ видитъ то же самое свойство. Онъ не винитъ за него беллетристовъ, такъ какъ они отмѣчали лишь то, что на каждомъ шагу встрѣчается въ дѣйствительности. Мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, поэтому не имѣютъ его и дѣйствующія лица беллетристическихъ произведеній. А мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, потому что нѣтъ у нихъ привычки къ участию въ общественныхъ дѣлахъ. „Когда мы входимъ въ общество, мы видимъ вокругъ себя людей въ форменныхъ и неформенныхъ сюртукахъ или фракахъ; эти люди имѣютъ пять съ половиною или шесть, а иные и больше футовъ роста; они оглаживаютъ или брѣютъ волосы на щекахъ, верхней губѣ и бородѣ; и мы воображаемъ, что видимъ передъ собою мушницъ. Это совершенное заблужденіе, оптическій обманъ, галлюцинація, не больше. Безъ пріобрѣтенія привычки къ самобытному участию въ гражданскихъ дѣлахъ, безъ пріобрѣтенія чувствъ гражданина, ребенка мужескаго пола, выростая, дѣлается существомъ мужескаго пола, среднихъ а потомъ пожилыхъ лѣтъ, но мушциною онъ не становится, или по крайней мѣрѣ не становится мушциною благороднаго характера.“ У людей, развитыхъ, образованныхъ и *либеральныхъ* недостатокъ благороднаго мужества бросается въ глаза еще больше, чѣмъ у людей темныхъ, потому что развитой и либеральный человекъ любитъ поговорить о матеріяхъ важныхъ. Онъ говоритъ съ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не начнется рѣчь о переходѣ отъ словъ къ дѣлу.“ Пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только наполнить праздное время, праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства, — большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и коснѣющимъ языкомъ выразить что-то, дающее смутное понятіе о ихъ мысляхъ. Но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія, сказать: вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ, — при такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что какъ это можно такъ скоро, и при томъ они же честные люди, и не только честные, но очень смиренные, и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ, и что вообще развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами, и хорошаго ничего пока не

можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они никакъ не ждали и не ожидали и проч.“

Намъ никогда не случалось читать такой злой и вмѣстѣ до такой степени мѣткой характеристики російскаго либерализма. Что сказалъ бы Н. Г. Чернышевскій тѣмъ немалочисленнымъ теперь у насъ людямъ, которые, называя себя революціонерами, возлагаютъ всѣ свои упованія на либеральное „общество“ и всѣми правдами и неправдами стараются превратить нашу революціонную партію въ партію солидныхъ и умѣренныхъ либераловъ? Вѣдь русскіе либералы мало измѣнились съ того времени, когда „Современникъ“ осыпалъ ихъ своими сарказмами.

Для безпристрастія нужно, однако, прибавить, что нашъ авторъ относился презрительно не къ однимъ только русскимъ либераламъ. Въ превосходныхъ политическихъ обзорѣніяхъ, которыя онъ писалъ для „Современника“ до самаго конца своей жизни на свободѣ, нашъ авторъ постоянно обнаруживалъ самое беспощадное презрѣніе ко всѣмъ вообще европейскимъ либераламъ. Въ особенности доставалось либераламъ австрійскимъ (т. е. либеральной партіи австрійскихъ нѣмцевъ), прусскимъ и итальянскимъ. Въ статьяхъ по исторіи Франціи онъ, какъ извѣстно, также не выказалъ большого уваженія къ либеральной партіи. Все это, разумѣется, не могло нравиться представителямъ російскаго либерализма и они въ борьбѣ съ нимъ употребляли тотъ приемъ, къ которому такъ часто прибѣгаютъ либералы всѣхъ странъ въ своихъ столкновеніяхъ съ людьми, ушедшими дальше ихъ въ политикѣ: они упрекали его въ нелюбви къ свободѣ и даже въ симпатіяхъ къ деспотизму. Конечно, подобные упреки со стороны либераловъ могли только смѣшить Чернышевскаго. Онъ такъ мало боялся ихъ, что временами какъ бы вызывалъ своихъ противниковъ на новые упреки, дѣлая впадѣ, что признаетъ ихъ вполне справедливыми. „Для насъ нѣтъ лучшей забавы какъ либерализмъ — говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ политическихъ обзорѣній — такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними“*). И онъ начинаетъ потѣшаться надъ прусскими либералами, которые, по его мѣткому замѣчанію, сердились на то, что политическая свобода въ Пруссіи „не водворяется сама собою“**). Но такіа „потѣхи“ не мѣшали внимательному читателю понимать, что не недостаткомъ любви къ свободѣ вызывалось презрительное отношеніе Чернышевскаго къ либерализму. Достаточно было прочесть хоть нѣкоторыя изъ его политическихъ обзорѣній, чтобы увидѣть, какъ горячо сочувствовалъ онъ всякимъ освободительнымъ движеніямъ, гдѣ бы они ни начинались: во Франціи или въ Италіи, въ Америкѣ или въ Венгріи. Онъ думалъ только, что роль либераловъ въ такихъ движеніяхъ бываетъ обыкновенно очень некрасива. Сами они дѣлаютъ очень мало, часто даже тормозятъ усилія другихъ, нападая на людей болѣе чѣмъ они смѣлыхъ и рѣшительныхъ. За то впоследствии, когда, благодаря успіямъ этихъ рѣшительныхъ людей,

*) Современникъ, 1862 мартъ, Политика, стр. 188.

***) Современ. 1862 г. апрѣль Политика, стр. 357.

борьба близится къ концу и побѣда кажется несомнѣнной, либералы стараются протиснуться на первый планъ и полакомиться каштанами, вынутыми изъ огня руками „фанатиковъ“. Кто не знаетъ, что либералы всегда и всюду вели себя подобнымъ образомъ? Кто не знаетъ, что эти люди и въ политикѣ остаются такимъ же *эксплуататорами*, какими являются въ области экономіи, гдѣ они принадлежатъ обыкновенно къ классу дѣльцовъ и предпринимателей? Вотъ за эти-то эксплуататорскія наклонности и ненавидѣлъ ихъ Чернышевскій. И эта-то ненависть къ *эксплуаторамъ* и сквозитъ на каждой страницѣ его политическихъ обзорѣній. Мы, съ своей стороны, пожалѣемъ не о томъ, что Чернышевскій высказывался на этотъ счетъ ясно и опредѣленно, а развѣ лишь о томъ, что послѣ него никто изъ нашихъ политическихъ обзорѣвателей не высказывался уже съ такою ясностью и опредѣленностью. Политическія понятія нашей передовой журналистики вообще страшно спутались и измельчали въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Поэтому уже ни въ одномъ русскомъ журналѣ не было потомъ такихъ прекрасныхъ политическихъ обзорѣній, какія писалъ Чернышевскій для „Современника“. Въ этихъ обзорѣніяхъ съ особою силою сказывается его выдающійся умъ и его трезвый взглядъ на вещи. Въ нихъ онъ почти никогда не отступаетъ отъ того безспорнаго положенія, что „*ходъ исторіи опредѣляется реальными отношеніями силъ*“ *) и, исходя изъ него, дѣлаетъ точный анализъ внутреннихъ пружинъ современной ему политической жизни цивилизованныхъ странъ. Одно только замѣчаніе можно сдѣлать по поводу обзорѣній Чернышевскаго. Ему случалось, конечно, ошибаться въ тѣхъ или другихъ своихъ политическихъ предсказаніяхъ: такъ, напримѣръ, онъ не допускалъ, что междоусобная война въ Сѣверной Америкѣ можетъ затянуться надолго и еще въ началѣ 1862 г. писалъ, что эту войну можно считать уже окончившейся полной побѣдой Сѣвера. Но кто же не ошибается въ предсказаніяхъ подобнаго рода? Въ общемъ онъ все таки обнаружилъ большую политическую проницательность и замѣчательно вѣрно оцѣнивалъ взаимныя отношенія различныхъ государствъ и различныхъ политическихъ партій. Не предвидѣлъ и не предсказалъ онъ только той выдающейся политической роли, которую въ самомъ близкомъ будущемъ (со времени основанія Международнаго Общества Рабочихъ въ 1864 г.) предстояло взять на себя рабочему классу во всѣхъ передовыхъ странахъ. Этотъ *революціонеръ по принципу*, утверждавшій, что во внутреннихъ дѣлахъ каждой страны, какъ и между отдѣльными государствами, всѣ важныя споры рѣшаются въ концѣ концовъ *войною***), не видѣлъ еще, до какой степени всѣ революціонныя силы современныхъ цивилизованныхъ обществъ соединяются въ одномъ только рабочемъ классѣ. Онъ все еще слишкомъ склоненъ былъ возлагать преувеличенныя надежды на „лучшихъ людей“ изъ другихъ

*) Читатель помнитъ, вѣроятно, что Лассаль въ своей рѣчи „О сущности конституціи“ почти тѣми самыми словами говоритъ объ *отношеніяхъ силъ*, какъ о существенной основѣ политическаго устройства каждой данной страны.

***) Современникъ 1862 г. апрѣль, Политика, 364 стр.

классовъ общества. Здѣсь обычная проницательность его парализовалась неопредѣленностью его взгляда на пролетаріатъ какъ на „простонародье“.

Однако, мы замѣчаемъ, что заговоривъ объ отношеніи нашего автора къ либерализму и къ либераламъ, мы уклонились далеко въ сторону. Эта интересная тема заставила насъ забыть о послѣдовательности въ изложеніи. Пospѣшимъ же загляднть нашу ошибку.

И прежде всего, опять таки въ видахъ безпристрастія, скажемъ, что трусость русскихъ либераловъ болѣе бросалась въ глаза только благодаря ихъ склонности къ возвышеннымъ разглагольствованіямъ. На дѣлѣ же и реакціонная „помѣщичья партія“ — не отличалась большею храбростью. Чернышевскій не имѣлъ ирямыхъ сношеній съ нашими „аристократами“. „Онъ никогда не принадлежалъ и къ мелкому свѣтскому обществу, не только къ ихъ высокому, важному. Но какой же городъ или городишко не гремѣлъ славою ихъ подвиговъ? Онъ съ дѣтства зналъ, что это люди буйные, нагле“*). Въ эпоху освобожденія крестьянъ было поставлено на карту все то, что эти люди считали своими важнѣйшими интересами. Они фрондировали и громко кричали: „не позволимъ, не допустимъ! — не хотимъ и не посмѣютъ! — Пусть посмѣютъ и увидятъ, что такое значитъ прогнѣвать русское дворянство!“. Но едва правительство прикрикнуло на нихъ, они тотчасъ поджали хвостъ, „присмирѣли, будто были разбиты параличемъ“. Чернышевскому, „какъ демократу“ было и смѣшно, и пріятно видѣть такое превращеніе. „Онъ не любилъ дворянства, но бывали мннуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно-ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ?**)

VIII

Такъ относился Чернышевскій къ различнымъ сословіямъ и партіямъ современной ему Россіи. И чѣмъ больше проникался онъ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ, тѣмъ рѣзче становился тонъ его статей, тѣмъ беспощаднѣе дѣлались его насмѣшки, тѣмъ чаще бросался онъ въ полемику. Полемизировать онъ вообще очень любилъ. По его словамъ, даже друзья его всегда замѣчали въ немъ чрезвычайную, „по ихъ мнѣнію даже излишнюю любовь къ разъясненію спорныхъ вопросовъ горячею полемикою“***). Полемика всегда казалась ему очень удобнымъ, а пожалуй даже необходимымъ орудіемъ для проведенія въ общество новыхъ понятій. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ какъ будто избѣгалъ полемики.

*) Такъ говоритъ въ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій о Волгинѣ.

**) Прологъ пролога, стр. 208-209.

***) Соч. т. V стр. 472. Въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“, онъ оправдываетъ предшественника Бѣлинскаго, Надеждина, отъ упрековъ, которые многіе дѣлали ему за его страсть къ рѣзкой полемикѣ. „Зачѣмъ Надоумко (псевдонимъ Надеждина) г о

„Очерки гоголевскаго періода русской литературы“ написаны спокойнымъ и примирительнымъ тономъ. Только къ Шевыреву, извѣстному московскому критику временъ Бѣлинскаго, относится онъ съ ѣдкой ироніей, да еще о Сенковскомъ (баронѣ Брамбеусѣ) высказывается съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ о человѣкѣ, затратившемъ свои огромныя силы на бесплодное литературное фиглярство. О другихъ же писателяхъ гоголевской эпохи онъ отзывается большею частью съ похвалою. Даже въ литературной дѣятельности Погодина, — надъ которымъ такъ много смѣялся кружокъ Бѣлинскаго и котораго Щедринъ называлъ потомъ археологомъ-чревоушчателемъ — даже въ дѣятельности Погодина находятъ онъ полезныя и похвальные черты. О славянофилахъ же говоритъ онъ съ неподдѣльнымъ уваженіемъ. Несмотря на всѣ ихъ, очевидныя для него заблужденія, онъ считаетъ ихъ искренними друзьями „просвѣщенія“ и горячо сочувствуетъ ихъ отношенію къ русской поземельной общинѣ*).

Но уже со времени споровъ объ общинномъ землевладѣніи онъ вынужденъ былъ покинуть этотъ спокойный, добродушный тонъ и выступить во всеоружіи своего полемическаго таланта. Плохо пришлось тогда патентованнымъ представителямъ либеральной экономіи въ особенности редактору „Экономическаго Указателя“, Вернадскому. Чернышевскій положительно обезсмертилъ этого „С. С.“ (статскаго совѣтника) и „Д-ра ист. н. пол. эк. и стат. (т. е. доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики; такъ подписывался гордый своими дипломами Вернадскій). Разбитый на голову ученый не только бѣжалъ съ поля битвы, но, къ довершенію комизма, началъ увѣрять въ своемъ уваженіи того самаго Чернышевскаго, котораго онъ въ началѣ спора позволялъ себѣ третировать какъ дерзкаго и вѣжду. Надо признаться, что едва-ли возможно вести защиту какого бы то ни было дѣла искуснѣе, чѣмъ Чернышевскій защищалъ общину. Онъ сказалъ въ ея пользу рѣшительно все, что можно было сказать, и, можетъ быть, вышелъ бы побѣдителемъ изъ спора даже въ томъ случаѣ, если бы его противники были во много разъ сильнѣе,

ворилъ такимъ рѣзкимъ тономъ? Развѣ не могъ онъ высказать то же самое въ мягкихъ формахъ? Удивительное дѣло — наши литературныя да и всякія другія понятія. Вѣчно предлагаются вопросы, почему земледѣлецъ пашетъ поле грубымъ желѣзнымъ плугомъ или сошникомъ! Да чѣмъ же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъемъ почву? Ужели можно не понимать, что безъ войны не рѣшается ни одинъ важный вопросъ, и война ведется огнемъ и мечемъ, а не дипломатическими фразами, которыя умѣстны только тогда, когда цѣль борьбы, вѣленной оружіемъ, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружнаго и беззащитнаго, на старцевъ и калѣкъ, а поэты и литераторы противъ которыхъ выступилъ Надеждинъ, были не таковы...“ Современникъ, апрѣль 1856 г. Критика, стр. 41-42.

*) „Понятіе о преобладаніи „міра“, общины надъ отдѣльною личностію въ древней Руси — одно изъ самыхъ дорогихъ убѣжденій для Славянофиловъ — говоритъ онъ въ третьей статьѣ „Очерковъ“. И это ученіе объ отношеніи личности къ обществу составляетъ, по его мнѣнію, „здоровую часть ихъ системы и вообще достойно всякаго уваженія по своей справедливости. (См. Современникъ, 1856 г. февраль, критика, стр. 80). За это же ученіе объ общинѣ онъ защищалъ иногда славянофильскую „Русскую Бесѣду“ отъ нападеній со стороны другихъ періодическихъ изданій. (См. Замѣтки Чернышевскаго о журналахъ, — Маргъ 1857 г., перепечатанныя въ пятомъ томѣ заграничнаго издаанія его сочиненій).

чѣмъ они оказались на дѣлѣ. Если наша „интеллигенція“ до сихъ поръ такъ крѣпко держится за общину, то въ этомъ сказывается неизгладимое вліяніе Чернышевскаго.

Мы уже видѣли, что нашъ авторъ очень рано пересталъ придавать значеніе надѣленію крестьянъ землею. Онъ сталъ видѣть въ немъ источникъ будущаго раззоренія крестьянъ. Въ „*Письмахъ безъ адреса*“ онъ уже прямо доказываетъ, что освобожденные съ землею крестьяне поставлены въ худшее экономическое положеніе сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ находились они, будучи въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Поэтому мы вовсе могли бы не разбирать его доводовъ въ пользу общины. Но такъ какъ имъ до сихъ поръ придается у насъ большое практическое значеніе то, мы считаемъ себя обязанными сдѣлать краткую ихъ оцѣнку. — Въ своей защитѣ русскаго общиннаго землевладѣнія Чернышевскій обнаруживаетъ тотъ же самый недостатокъ, который характеризуетъ всѣ его экономическія изслѣдованія. Онъ впадаетъ въ излюбленную *отвлеченность*. Онъ говоритъ въ сущности не о русской общинѣ съ ея дѣйствительнымъ положеніемъ и возможными условіями ея дальнѣйшаго развитія, а объ общинѣ *an sich*, существующей въ теоріи и удовлетворяющей лишь пзвѣстнымъ требованіямъ относительно періодическаго передѣла земель. Но такимъ образомъ нельзя разсуждать ни объ общинѣ, ни о какихъ бы то ни было другихъ формахъ народнаго быта. Въ статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ Чернышевскій возражаетъ своимъ противникамъ, ссылаясь на знаменитое учене Гегеля о томъ, что третья и конечная фаза въ развитіи всякаго даннаго явленія по своей формѣ похожа на первую. Народы начали съ общиннаго землевладѣнія и они снова вернутся къ нему въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. На это можно замѣтить, что Чернышевскій пошелъ здѣсь гораздо дальше Гегеля. Гегель говоритъ о формальномъ сходствѣ третьей фазы развитія съ первой, но онъ не говорилъ о полномъ *тождествѣ* этихъ фазъ. Чернышевскій же какъ будто предполагаетъ полное тождество. Слѣдуя Гегелю, дѣйствительно можно предположить, что народы, начавъ съ *общественной* собственности, возвратятся къ ней впоследствии, но нельзя сказать, что народы возвратятся именно къ тѣмъ формамъ общиннаго владѣнія, съ которыхъ они начали свое развитіе. А если можно ожидать этого, то зачѣмъ останавливаться на сельской общинѣ съ передѣлами? Надо предполагать въ такомъ случаѣ, что народы вернутся къ первобытнымъ родовымъ учрежденіямъ, такъ какъ сама сельская община является ихъ остаткомъ и дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ. Но на такое предположеніе едва ли кто отважится въ настоящее время. Ссылаясь на Гегеля, Чернышевскій упустилъ изъ виду двѣ важнѣйшія особенности гегелевской философіи. Во первыхъ, у Гегеля всякое развитіе, — и въ логикѣ, и въ природѣ, и въ общественныхъ отношеніяхъ — совершается само изъ себя, силой своей внутренней, „имманентной“, діалектики. Чернышевскому слѣдовало показать, что въ русской общинѣ есть именно та внутренняя логика отношеній, которая современемъ должна привести ее отъ общиннаго владѣнія землею къ общинной ея *обработкѣ* и къ общинному *пользованію* ея продуктами. Вѣдь именно въ интересахъ такой

формы общественной собственности и отставалъ онъ общинное землевладѣніе: ему казалось, что община облегчитъ переходъ къ ней. Но Чернышевскій не сдѣлалъ этого, такъ какъ, вообще, возлагая свои надежды главнымъ образомъ на распространеніе знаній, онъ мало обращалъ вниманія на ту *внутреннюю логику общественныхъ отношеній, подъ вліяніемъ которой совершается развитіе человечества.* А кромѣ того Чернышевскій забылъ о всегдашнемъ вниманіи къ дѣйствительности, которое, по его собственнымъ словамъ, характеризовало Гегеля. Припомнимъ, какъ онъ излагалъ взгляды Гегеля въ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“: „Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна, т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, рассмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ: пагубна или плодотворна война? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста“. Совершенно такъ же слѣдовало разсуждать и объ общинѣ: хорошая или плохая вещь поземельная община? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой общинѣ идетъ дѣло; все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Но Чернышевскій разсуждалъ не такъ. Онъ вдался въ отвлеченность и такимъ образомъ совершенно измѣнилъ духу той самой философіи, на которую ссылался въ своей главной полемической статьѣ*).

Справедливо считая частную собственность лишь промежуточной формой въ развитіи экономическихъ отношеній, Чернышевскій сильно

*) Кажется, Чернышевскій былъ противъ круговой поруки. Мы предполагаемъ это вотъ почему. Въ библиографической замѣткѣ о брошюрѣ Гана: „О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи“ онъ безъ всякой оговорки приводитъ то мнѣніе разбираемаго имъ автора, что круговая порука вредно отзывается на благосостояніи плательщиковъ. „Кто исправнѣ платитъ, на того и накладываютъ больше“, говоритъ Ганъ. Чернышевскій, повидимому, совершенно съ нимъ согласенъ (См. Собр. 1861, Январь, Русская литература, стр. 14). Оставляя въ сторонѣ мѣщанъ, мы спросимъ, какъ же современное государство можетъ безъ круговой поруки обезпечить себѣ исправный взносъ податей крестьянами-общинниками? Если крестьянскіе участки составляютъ собственность общины и потому не могутъ быть отчуждаемы въ случаѣ податной несостоятельности отдѣльныхъ домохозяевъ, то вся община должна отвѣчать за несостоятельность плательщиковъ. Въ этомъ случаѣ круговая порука не только естественна, но просто необходима. Наоборотъ, если земельные участки составляютъ собственность отдѣльныхъ дворовъ, то круговая порука теряетъ всякое основаніе, но тогда приходится допустить отчуждаемость участковъ въ случаѣ несостоятельности домохозяевъ. Правда, теорія допускаетъ еще и третій выходъ; говоря отвлеченно, можно уничтожить круговую поруку, а въ тоже время признать принадлежность земли общинѣ и ея полную неотчуждаемость. Но какъ сдѣлать это на практикѣ? Какъ будетъ поступать государство съ несостоятельными плательщиками? Продавать ихъ движимость? Но вѣдь продажа движимости легко можетъ повести и часто уже теперь ведетъ за собою полную невозможность для крестьянина обработывать доставшуюся ему въ на дѣлъ землю. Или можетъ быть скотъ и всѣ хозяйственныя орудія также должны быть признаны неотчуждаемыми? Но много ли останется у средняго русскаго крестьянина подлежащей продажѣ движимости, если мы исключимъ изъ нея скотъ и хозяйственныя орудія? Опытъ показываетъ, что въ такихъ случаяхъ у крестьянъ остается одна только движимость: ихъ собственное тѣло, которое и подвергается истязанію за недоимки. Но вѣдь истязаніе неимщиковъ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса, который необходимо долженъ быть разрѣшенъ, потому что государство, разумѣется, не согласится лишиться себя всякихъ гарантій исправнаго взноса податей. Напомнимъ, однако, читателю, что въ

напиралъ на то обстоятельство, что по мнѣнію Гегеля промежуточные фазы развитія могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, значительно сокращаться или даже вовсе не имѣть мѣста. За это въ особенности ухватились впоследствии наши народники, всѣ программы которыхъ основывались именно на томъ предположеніи, что капитализмъ — эта промежуточная фаза въ развитіи человѣчества — не будетъ имѣть мѣста въ Россіи. Отвлеченно говоря, подобныя сокращенія промежуточныхъ фазъ исполнѣ возможны. Но отъ возможности извѣстнаго явленія еще очень далеко до его дѣйствительности. Чтобы то или иное, возможное въ теоріи, явленіе осуществилось въ дѣйствительной жпзни, нужны извѣстныя конкретныя условія, другими словами нужна достаточная для этого причина. Въ то время когда Чернышевскій отстаивалъ русское общинное землевладѣніе, онъ могъ считать причиной, достаточной для устранения „извы пролетаріатства“, добрую волю русскаго правительства, которому, казалось, не трудно было понять, что его собственная выгода зависитъ отъ благосостоянія крестьянства. Но правительство не поняло этого, а потому и не было у насъ достаточной причины для устранения „извы пролетаріатства“ и связанной съ ней фазы экономического развитія. Чернышевскій и самъ, какъ мы знаемъ, очень скоро понялъ всю естественность подобнаго непониманія со стороны правительства. Онъ считалъ бесполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самый принципъ падѣленія освобожденныхъ крестьянъ землею. По его спльному беспощадно, рѣзкому выраженію онъ „сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ“ и „стыдился той безвременной самоуверенности“, съ которой выступилъ на защиту общиннаго землевладѣнія. Но того, чего стыдился Чернышевскій, не стыдятся современные народники. Они и до сихъ поръ толкуютъ о вѣковѣчныхъ устояхъ народнаго быта и о сокращеніи въ фазахъ развитія, — сокращеніи, для котораго они не указываютъ никакой причины, кромѣ своихъ собственныхъ „идеаловъ“. Но эта причина ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана достаточной. Зато мы можемъ безъ труда найти достаточную причину упорства нашихъ народниковъ. Она заключается между прочимъ въ томъ пристрастіи маленькихъ учениковъ къ ошибкамъ великихъ учителей, о которомъ мы уже говорили выше. Впрочемъ, мы еще увидимъ, что самъ Чернышевскій совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на русскую общину, какъ современные народники*).

то время, когда Чернышевскій считалъ еще нужнымъ защищать общину, онъ надѣялся, что она будетъ поставлена въ довольно благоприятное экономическое положеніе, при которомъ вопросъ о податахъ не былъ бы такимъ жгучимъ, какимъ онъ сталъ въ настоящее время.

*) Что касается сокращенія извѣстныхъ фазъ развитія, то Чернышевскій прекрасно понималъ, что не всегда данная фаза, при своемъ сокращеніи, приводитъ къ такимъ же результатамъ, къ какимъ приводитъ она при большей продолжительности. Въ „Полемическихъ Красотахъ“ (соч. т. 1, стр. 373) онъ указываетъ на сигары которыя пріобрѣтаютъ особенно цѣнныя для курильщиковъ качества, подвергаясь медленному процессу высыхания и связанныхъ съ нимъ химическихъ измѣненій. Но попробуйте сократить продолжительность этого процесса высыхания и сразу искусственно высушить свѣжія сигары. По словамъ нашего автора, хорошаго въ такихъ сигарахъ будетъ немного. Что же это значитъ? Это значитъ, что иной ходъ процесса ведетъ за собою иные

Начавшись съ общиннаго землевладѣнія, споръ Чернышевскаго съ нашими либеральными экономистами принялъ скоро болѣе широкій теоретическій характеръ и перешелъ къ общимъ вопросамъ экономической политики. Вѣрные догматамъ вульгарной экономіи, подъ вліяніемъ которой сложились всѣ ихъ воззрѣнія, наши манчестерцы поспѣшили выдвинуть на сцену свою главную научную твердыню: *принципъ государственнаго невмѣшательства*. Они знали, что на этомъ принципѣ основывалось все ученіе Бастіа и его эпигоновъ, и наивно полагали, что сильнѣе Бастіа нѣтъ никого на свѣтѣ. Разумѣется, дѣло приняло такой оборотъ, что споръ о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь народа послужилъ поводомъ лишь для новаго торжества Чернышевскаго. Хорошо знакомый съ экономической и социалистической литературой, онъ безъ всякихъ усилій, шутя и посмѣиваясь, въ пухъ и прахъ разбивалъ всю бастіановскую премудрость. Его статья „*Экономическая дѣятельность и законодательство*“ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ ловкихъ одроверженій теоріи „laissez faire, laissez pa ser“ не только въ русской экономической литературѣ, гдѣ Чернышевскій до сихъ поръ занимаетъ первое мѣсто, но и вообще въ литературѣ европейскаго социализма. Нашъ авторъ пускаетъ въ ней въ дѣло всю свою діалектическую силу и всю свою полемическую ловкость. Онъ какъ бы забавляется этой борьбой, въ которой онъ съ такою легкостью отражаетъ удары противниковъ. Онъ играетъ съ ними, какъ кошка съ мышью; дѣлаетъ имъ всевозможныя уступки, выражаетъ готовность согласиться съ любымъ изъ ихъ положеній, принять любое толкованіе всякаго даннаго положенія, и уже только потомъ, давши имъ, повидимому, всѣ шансы побѣды, поставивъ ихъ въ самыя благопріятныя для ихъ торжества условія, — переходитъ въ наступленіе, и тремя-четырьмя силлогизмами приводитъ ихъ къ нелѣпости, Затѣмъ начинаются новыя уступки, новыя, еще болѣе благопріятныя истолкованія того же положенія и новыя доказательства его нелѣпости. А въ концѣ статьи Чернышевскій, по своему обыкновенію, читаетъ своимъ противникамъ назиданіе и даетъ имъ почувствовать, до какой степени они не имѣютъ понятія не только о строгихъ пріемахъ научнаго мышленія, но и о самыхъ первоначальныхъ требованіяхъ простаго здраваго смысла. Замѣчательно, что принципъ государственнаго невмѣшательства, имѣвшій у насъ такихъ горячихъ сторонниковъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ былъ почти совершенно оставленъ русскими экономистами. Это въ значительной степени объясняется какъ общимъ состояніемъ нашей промышленности и торговли, такъ и послѣдующимъ вліяніемъ на нашихъ теоретиковъ нѣмецкой катедеръ-социалистической

химическіе результаты. Не то ли же и въ общественной жизни? Нѣтъ ли основанія думать, что болѣе или менѣе продолжительный процессъ капиталистическаго развитія создаетъ такія политическія, умственныя и нравственныя качества трудящагося класса, какихъ мы вовсе не найдемъ въ народѣ, не покидавшемъ въ теченіи всей своей исторіи допотопныхъ „устоевъ“ своего быта? Нельзя ли опасаться, что такой народъ откажется не только отъ промежуточныхъ, но и отъ всякихъ другихъ „фазъ развитія“ и станетъ представлять къ началству людей, рекомендующихъ ему прямо перейти въ послѣднюю фазу общественнаго прогресса? какъ думаютъ народники?

школы. Но, несомненно, много значить въ этомъ случаѣ и то, что названный принципъ уже при самомъ началѣ его распространенія въ русской литературѣ встрѣтилъ такого могучаго противника, какъ Н. Г. Чернышевскій. Разъ получивши хорошій урокъ, русскіе манчестерцы почли благоразумнымъ смолкнуть, ступешаться и сойти со сцены.

IX

Не по однимъ только экономическимъ вопросамъ приходилось Чернышевскому вести ожесточенную полемику. И при томъ противниками его были не одни только либеральные экономисты. Чѣмъ вліятельнѣе становился кружокъ „Современника“ въ русской литературѣ, тѣмъ болѣе нападокъ сыпалось съ самыхъ различныхъ сторонъ и на этотъ кружокъ вообще и на нашего автора въ частности. Сотрудниковъ „Современника“ считали опасными людьми, готовыми ниспровергнуть всѣ пресловутыя „основы“. Нѣкоторые изъ „друзей Бѣлинскаго“, въ началѣ еще считавшіе возможнымъ идти рядомъ съ Чернышевскимъ и его единомышленниками (между которыми первое мѣсто занималъ Н. А. Добролюбовъ), отшатнулись отъ „Современника“, какъ отъ органа „нигилистовъ“, и стали кричать о томъ, что Бѣлинскій никогда не одобрилъ бы принятаго имъ направленія. Такъ поступилъ И. С. Тургеневъ*). Даже самъ радикальный Герценъ сталъ ворчать въ своемъ „Колоколѣ“ на „желчевниковъ“ и „свистуновъ“, которые отрицаютъ ради отрицанія, глумятся ради глумленія и которымъ угодить будто бы рѣшительно ничѣмъ невозможно. Читатель знаетъ, конечно, что „свистунами“ или иначе „рыцарями свистопляски“ называли сотрудниковъ „Современника“ съ тѣхъ поръ, какъ при немъ сталъ появляться, въ видѣ особаго приложения, „Свистокъ“, занимавшійся безпощаднымъ осмѣяніемъ всѣхъ литературныхъ и общественныхъ проявленій самодурства, фразерства, обскурантизма и педантизма. Впрочемъ, большинство статей въ „Свисткѣ“ принадлежитъ не Чернышевскому; онъ только изрѣдка принималъ въ немъ участіе, такъ какъ былъ буквально заваленъ другой работой. Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ не только аккуратно писалъ для каждой книжки „Современника“, но почти всегда въ каждой книжкѣ было по нѣскольку его статей. Обыкновенно статьи его распредѣлялись по различнымъ отдѣламъ журнала такимъ образомъ: онъ давалъ, во первыхъ, большую статью по какому нибудь общему теоретическому вопросу; затѣмъ писалъ политическое обозрѣніе, дѣлалъ обзоръ русской, а иногда и иностранной литера-

*) Чернышевскій рассказываетъ, что Тургеневъ могъ еще выносить его до нѣкоторой степени, но за то уже окончательно не терпѣлъ Добролюба. „Вы простила змѣя, а Добролюбовъ—очковая“— говорилъ онъ Чернышевскому. [См. уже цитированное письмо „Въ изъясненіи признательности“].

туры, разбиралъ нѣсколько новыхъ книгъ, и наконецъ, какъ бы для отдыха и развлеченія, охотно предпринималъ еще полеми ческія вылазки противъ своихъ противниковъ. „Современникъ“ 1861 года особенно богатъ полемическими статьями Чернышевскаго. Къ этому году относятся его извѣстныя „Полемическія красоты“, „Національная безтактность“ (противъ львовскаго „Слова“), „Народная безтолковость“ (противъ аксаковскаго „Дня“) и многія полеми ческія замѣтки въ отдѣлѣ русской и иностранной литературы. На нѣкоторыхъ изъ этихъ полемическихъ статей необходимо остано виться.

О „Полемическихъ красотахъ“ мы много говорить не будемъ. Статьи эти составляютъ отвѣтъ на нападки „Русскаго Вѣстника“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Для историка нашей литературы, конечно, очень интересно будетъ припомнить, съ какими доводами вы ступали враги „Современника“; для характеристики же Чернышевскаго нѣтъ надобности подробно разсказывать, какіе странные и часто рѣшительно ни съ чѣмъ несообразные упреки дѣлалъ ему Катковъ, Альбертини или Дудышкинъ. Но въ статьѣ, направленной противъ „Рус скаго Вѣстника“, нашъ авторъ высказываетъ, между прочимъ, чрезвы чайно интересный взглядъ на свою собственную литературную дѣятель ность. Мы приведемъ его здѣсь. Чернышевскій прекрасно знаетъ, что занялъ въ русской литературѣ выдающееся мѣсто. Его противники очень боятся его и временами начинаютъ даже говорить ему комплимен ты. Но его ни мало не радуетъ его возростающая извѣстность. Онъ слишкомъ низко ставитъ русскую литературу, чтобы считать почет нымъ занимаемое имъ въ ней выдающееся мѣсто. Онъ „совершенно мертвъ къ своей литературной репутаци“. Его интересуеть только одинъ вопросъ: сумѣетъ-ли онъ сохранить свѣжесть мысли и чув ства до той лучшей поры, когда литература наша станетъ дѣйстви тельно полезной обществу. „Я знаю, что будутъ лучшія времена ли тературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣй ствительную пользу, и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится-ли у меня къ то му времени способность служить обществу какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденія. А я вижу, что уже начинаю входить въ число „уважаемыхъ“ писателей, то есть писателей истас кавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые мо ложе и смѣлѣе меня“... Странно встрѣчаться теперь съ этими бла городными опасеніями намъ, знающимъ, что когда Чернышевскій вы сказывалъ ихъ, ему оставалось жить на свободѣ не болѣе года. При веденныя строки были напечатаны въ іюльской книжкѣ „Современ ника“ за 1861 годъ, а въ Іюль слѣдующаго года онъ сидѣлъ уже въ Петропавловской крѣпости... Но можно представить себѣ, съ какимъ презрѣніемъ относился къ своимъ врагамъ этотъ человѣкъ, который при полномъ сознаніи своего огромнаго превосходства надъ ними все таки не придавалъ цѣны даже и своимъ собственнымъ литературнымъ заслугамъ. И дѣйствительно, почти каждая страница „Полемиче-

скихъ красотъ“ дышетъ холоднымъ презрѣніемъ къ порицателямъ „Современника“. Имъ отличается въ особенности отвѣтъ „Отечественнымъ Запискамъ“. Чернышевскій нисколько не сердится на своихъ оппонентовъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“. Онъ поучаетъ ихъ почти ласково, какъ поучаетъ добрый педагогъ провинившагося школьника. Конечно, добрый педагогъ, журя своего питомца, говоритъ ему подчасъ очень горькія истины и ни мало не скрываетъ своего умственнаго превосходства надъ нимъ. Но онъ дѣлаетъ это единственно въ интересахъ питомца. Такъ поступаетъ и Чернышевскій. Онъ не забываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха „Отечественныхъ Записокъ“ и отъ чesки журитъ редакцію за неловкость. Онъ досадуетъ на нихъ больше всего за ту неосторожную горячность, съ какой они кинулись въ борьбу съ нимъ. Куда же вамъ со мной полемизировать, повторяетъ онъ имъ, показавши полифѣшную несостоятельность того или другого изъ возводимыхъ ими на него обвиненій. При случаѣ онъ прямо говоритъ, что знаетъ гораздо больше и понимаетъ вещи гораздо глубже ихъ, что они просто не въ состояніи оцѣнить тѣхъ новыхъ идей, которыя онъ проводитъ въ литературѣ. Вы хотите знать, какъ обширны мои знанія? обращается онъ къ Дудышкину, обвинявшему его, со словъ другихъ журналовъ, въ нахальномъ невѣжествѣ. „На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы добивались получить печатно такой отвѣтъ? Неразсудительно, неразсудительно вы подводили себя подъ него. Да вы, пожалуйста, не примите этого за гордость: есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять таки не примите этого такъ, что я хочу сказать, будто вы имѣете слишкомъ мало званій. Нѣтъ, ничего - таки: кое-что знаете, и вообще вы человѣкъ образованный. Только зачѣмъ же вы такъ плохо полемизируете“ и т. д. — Все это было можетъ бы быть слишкомъ рѣзко, если бы не было безусловно справедливо.

Не щадитъ теперь Чернышевскій и славянофиловъ, о которыхъ прежде отзывался съ уваженіемъ. Теперь они уже не кажутся ему искренними друзьями просвѣщенія. Тенденціи славянофиловъ настолько уже выяснились къ началу шестидесятыхъ годовъ, что ихъ скорѣе можно было назвать обскурантами. Конечно, они по прежнему защищали общину и отстаивали крестьянское землевладѣніе. Но теперь Чернышевскій уже не придавалъ этому значенія. А кромѣ защиты названныхъ принциповъ въ тогдашней славянофильской литературѣ были только нелѣпныя выходки противъ гнѣющаго и лукаваго Запада, да приторныя восхваленія православія, самодержавія и прочихъ, подобныхъ этому, прелестей самобытной россійской дѣйствительности. И вотъ Чернышевскій рѣшается дать имъ урокъ. Поводомъ къ этому послужило появленіе газеты И. Аксакова „День“, въ первыхъ № № которой было нѣсколько выходовъ противъ „Современника“. Чернышевскій отвѣчалъ въ статьѣ „Народная безтолковость“. Грубость выбраннаго имъ заглавія онъ объясняетъ тѣмъ, что проникшись славянофильскими доводами, онъ рѣшился избѣгать употребленія иностранныхъ словъ, которыя могли бы, неизмѣняя названія статьи по существу, придать ему болѣе вѣжливую форму.

Чернышевскій всегда былъ самымъ горячимъ западникомъ. И если сочувствіе къ общинному землевладѣнію на время и до извѣстной степени сблизило его со славянофилами, то онъ, тѣмъ не менѣе, всегда прекрасно понималъ нелѣпость ихъ толковъ о разложеніи Запада и объ обновленіи челоувѣчества посредствомъ византійскихъ преданій. Уже въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“ высказался онъ на этотъ счетъ хотя и мягко, но очень рѣшительно. Источникъ мнѣній славянофильскихъ писателей о гніеніи запада и о банкротствѣ его философіи онъ видитъ въ томъ, что даже лучшіе изъ нихъ не знакомы съ истиннымъ положеніемъ западно-европейскихъ дѣлъ и съ направленіемъ передовой западно-европейской мысли. Для Чернышевскаго Западъ не хилый старикъ; напротивъ, это юноша, и юноша бодрый и свѣжій, „который (устаами своихъ передовыхъ мыслителей) говоритъ: кое-что я знаю, но очень многому мнѣ еще остается учиться, я еще горю жаждой большаго знанія и учусь довольно успѣшно... Мнѣ еще остается много трудиться, чтобы обезпечить себѣ прочное, бездѣльное существованіе; но трудиться я готовъ, силъ у меня довольно и пожалуйста не отчаявайтесь за мое будущее“*). По вопросу о будущности европейскаго Запада Чернышевскій сильно расходился не только со славянофилами, — что понятно само собою, — но даже и съ Герценомъ, для котораго не прошли безслѣдно его сношенія съ московскимъ славянофильскимъ кружкомъ сороковыхъ годовъ, и который не рѣдко высказывалъ то опасеніе, что Западъ, додумавшись до социализма, уже не въ силахъ будетъ осуществить его программы. какъ древній Римъ не въ силахъ, будто бы, былъ осуществить требованій христіанства. Само собою разумѣется, что въ виду этой мнимой несостоятельности Запада Россія представлялась обѣтованной страной социализма, призванной къ обновленію одряхлѣвшаго челоувѣчества. По всей вѣроятности именно противъ этого взгляда Герцена направлена уже цитированная нами статья Чернышевскаго „О причинахъ паденія Рима“. Авторъ прямо говоритъ въ ней, что съ такими „чудаками“ какъ славянофилы о судьбахъ Запада не стоитъ уже и спорить, и что онъ беретъ за перо, имѣя въ виду другихъ людей, обладающихъ челоувѣческимъ смысломъ. Этими-то людямъ со смысломъ онъ и доказываетъ, что западная Европа ни въ какомъ случаѣ не могла истощить своихъ силъ, такъ какъ ея историческая судьба до самаго новѣйшаго времени опредѣлялась дѣятельностью одного только сословія: аристократіи. Даже среднее сословіе сдѣлалось господствующимъ на материкѣ Европы лишь въ ближайшую къ намъ эпоху. А за среднимъ сословіемъ стоитъ еще нисшій классъ, не имѣвшій до сихъ поръ прямого вліянія на судьбы Европы. На какомъ основаніи думаютъ, спрашиваетъ Чернышевскій, что это новое сословіе, въ свою очередь выступивъ на историческую арену, не сумѣетъ рѣшить тѣхъ общественныхъ задачъ, которыхъ не могли рѣшить высшія сословія? Думать такъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія, а слѣдовательно нѣтъ основанія и для опасенія за судьбу Запада. Боятся же новаго пришествія варваровъ просто смѣшно въ виду

*) Современникъ 1856 г. Февраль, Критика, стр. 75.

огромнаго превосходства силъ цивилизованнаго міра. Наконецъ, что касается Россіи и ея мнимаго призванія къ обновленію человѣчества, то Чернышевскій безпощадно разоблачаетъ неосновательность подобнаго патріотическаго самообольщенія. Единственной достойной сочувствія особенностью нашего соціального быта онъ признаетъ общинное землевладѣніе. Но и общинное землевладѣніе не находитъ пощадны передъ его критикой. Община могла бы, по мнѣнію Чернышевскаго, принести свою долю пользы въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи, однако гордиться ею все таки нельзя, потому что она есть признакъ нашей экономической отсталости. Любя пояснять всякую свою мысль примѣрами, Чернышевскій и здѣсь приводитъ примѣръ для поясненія своего взгляда на русскую общину. Европейскіе инженеры говорятъ онъ, пользуются теперь прикладной механикой для постройки всякихъ мостовъ. Но вотъ оказывается, что въ какой то — онъ самъ хорошенько не помнитъ, въ какой — отсталой азіатской странѣ туземные инженеры давно уже строили всячіе мосты въ подходящихъ для этого мѣстностяхъ. Значить ли это, что азіатскую прикладную механику можно поставить на одинъ уровень съ европейской? Мостъ мосту — рознь, и всячій мостъ азіатскихъ инженеровъ безконечно далеко отстоитъ отъ европейскаго всячаго моста. Конечно, когда въ азіатской странѣ, издавна знакомой съ всякими мостами, явятся европейскіе техники, то имъ легче будетъ убѣдить иного мандарина въ томъ, что новѣйшіе всячіе мосты не представляютъ собою безбожной затѣи. Но и только. Несмотря на свои всячіе мосты, азіатская страна все таки останется отсталой страной, а Европа все таки будетъ ея учительницей. То же съ русской общиной. Она, можетъ быть, облегчитъ дѣло развитія нашей родины; но главный толчекъ для него все таки придетъ съ Запада, и обновлять человѣчество намъ, даже съ помощью общины, все таки не пристало.

Однако „чудаки“ славянофилы не только кричали объ обновленіи Европы русско-византійскимъ духомъ, но и выставляли практическую программу подобнаго обновленія. По мнѣнію „Дня“ И. Аксакова Россія должна была начать съ преподнесенія славянамъ „дара самостоятельнаго бытія подъ сѣнію крыль русскаго орла“. Чернышевскій доказываетъ, что подобныя мысли представляютъ собою не болѣе какъ продуктъ „народной безтолковости“. Во-первыхъ, ему кажется, что у могущественнаго русскаго орла очень много своихъ домашнихъ русскихъ дѣлъ, которыхъ онъ не долженъ забывать ни для какихъ обновленій. „Если вы хотите войны, говоритъ онъ, то разсудите же, дозволяютъ ли намъ думать о войнѣ наши обстоятельства“. Во-вторыхъ, онъ полагаетъ, что наше военное вмѣшательство вооружило бы противъ освобожденія славянъ всѣ западныя державы. „Вѣдь турокъ въ Европѣ только 2 милліона, а славянъ 7 или 8 мил. Неужели не могли бы они справиться съ турками?... Имъ нужна только увѣренность, что другія державы не стануть мѣшать ихъ освобожденію“. Если бы славянофилы дѣйствительно желали добра турецкимъ славянамъ, то они постарались бы внушить западнымъ державамъ увѣренность, что паденіе турецкой власти въ Европѣ не по-

служить къ поглощенію Дунайскихъ княжествъ Россіей и не поведетъ къ обращенію Константинополя въ русскій губернский городъ. Если бы славянофилы сдѣлали это, то турецкіе славяне освободились бы и безъ нашей помощи. То же и относительно австрійскихъ славянъ. „Неужели было бы мило нѣмцамъ поддерживать Австрію, если бы не опасались они, что при паденіи этой имперіи восточная половина ея подпадетъ подъ власть Россіи? „Вы возстановляете нѣмцевъ противъ освобожденія австрійскихъ славянъ, говоритъ Чернышевскій редакціи „Дня“, и прибавляетъ, что ея военный задоръ вызывается не сочувствіемъ къ славянамъ, а стремленіемъ подчинить славянскія племена русской власти.

Мимоходомъ Чернышевскій опровергаетъ также и славянофильскія разглагольствованія о коварномъ и злостномъ отношеніи Запада къ Россіи. Помилуйте, говоритъ онъ, развѣ всѣ серьезные органы европейской печати не относились съ большимъ сочувствіемъ къ важнѣйшимъ реформамъ въ Россіи? И развѣ сочувствовать успѣхамъ русской общественной жизни значитъ желать зла Россіи?

Въ слѣдующемъ году Чернышевскому пришлось еще рѣзче выступить противъ славянофиловъ. Корифей славянофильства возымѣлъ странную мысль обратиться къ сербамъ съ цѣлымъ рядомъ наивнѣйшихъ поученій. Поученія эти содержатся въ брошюрѣ „Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы“, подъ которою подписались рѣшительно всѣ выдающіеся представители славянофильской партіи. Нѣкоторыя изъ содержащихся въ этой брошюрѣ мыслей просто смѣшны, другія же не только смѣшны, но еще и до-нельзя реакціонны. Такъ напр. славянофилы совѣтовали сербамъ не давать политическихъ правъ людямъ неправославнаго вѣроисповѣданія. Чернышевскій отвѣчалъ на это „Посланіе“ тѣдой статьей „Самозванные стартъишны“.

Къ спорамъ объ отношеніи Россіи къ славянамъ вообще примѣшался споръ о взаимныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Извѣстно, что славянофилы очень одобрительно относились къ борьбѣ галиційскихъ русиновъ противъ поляковъ. Чернышевскій всегда сочувствовалъ малороссамъ. Онъ видѣлъ большую ошибку въ отрицательномъ отношеніи Бѣлинскаго къ возникавшей малорусской литературѣ. Въ январской книжкѣ „Современника“ 1861 г. онъ помѣстилъ очень сочувственную статью по поводу появленія малорусскаго органа „Основа“. Но къ борьбѣ галицкихъ русиновъ противъ поляковъ онъ не могъ относиться съ безусловнымъ одобреніемъ. Ему не нравилось, во-первыхъ, что русины искали поддержки у вѣнскаго правительства. Не нравилась ему также и вліятельная роль духовенства въ движеніи галицкихъ русиновъ. „О мірскихъ дѣлахъ писалъ онъ, надобно заботиться мірскимъ людямъ“. Наконецъ, не нравилась Чернышевскому и исключительно національная постановка того вопроса, въ которомъ Чернышевскій видѣлъ прежде всего вопросъ *экономическій*. Въ статьѣ „*Національная безтактность*“ (Совр. 1861, іюль), направленной противъ львовскаго „Слова“, Чернышевскій рѣзко напалъ на излишній націонализмъ этого органа. „Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній — писалъ онъ — львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, со-

вершенно чуждый племенному вопросу — вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ — людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русскихъ поселянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго вопроса заключается въ сословныхъ, а не въ племенныхъ отношеніяхъ“.

Взаимная вражда народностей, входящихъ въ составъ Австріи, тѣмъ болѣе должна была казаться Чернышевскому безтактною, что вѣнское правительство тогда, какъ и прежде, извлекало изъ нея большія выгоды. „Какъ подумаешь хорошенько, то и не удивляешься долготѣнному существованію Австрійской имперіи — писалъ онъ въ политическомъ обзорѣннй той же книжки „Современника“, гдѣ помѣщена статья „Національная безтактность“ — еще бы не держаться ей при такомъ отличномъ политическомъ тактѣ, связанныхъ ея границами національностей“. Австрійскіе нѣмцы, чехи, кроаты и, какъ мы видѣли, русины одинаково казались Чернышевскому „несообразительными“. Онъ боялся, что въ особенностя испытанная въ 1848—49 гг. славинская „несообразительность“ снова зайдетъ очень далеко. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Венгрія вела упорную борьбу съ вѣнскими реакціонными централистами. Недовольство венгровъ дошло до такой степени, что одно время можно было ожидать въ ихъ странѣ революціоннаго взрыва. Нашъ авторъ не разъ высказывалъ въ своихъ политическихъ обзорѣнняхъ то опасеніе, что въ случаѣ революціоннаго движенія въ Венгріи австрійскіе славяне опять явятся покорными орудіями реакціи. Тогдашняя тактика многихъ славянскихъ племёнъ Австріи способна была только усилить подобныя опасенія, такъ какъ австрійскіе славяне позволили себѣ хвалиться тою позорною ролью, какую они играли въ событіяхъ 1848—49 гг. Строго осуждая эту тактику, Чернышевскій доказывалъ, что имъ выгоднѣе было бы, наоборотъ, поддерживать враговъ вѣнскаго правительства, отъ которыхъ они могли бы получить очень существенныя уступки. Это говорилъ онъ по поводу отношеній кроатовъ къ венграмъ, это же повторялъ и русинамъ. „Сословная партія враждебная русинамъ, — читаемъ мы въ статьѣ „Національная безтактность“, — готова теперь на уступки... Вотъ объ этомъ то и не мѣшало подумать львовскому „Слову“; быть можетъ уступки, на которыя искренно готовы люди, кажушіеся ему врагами, можетъ быть, эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что эти уступки гораздо больше и гораздо важнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ.“

Наконецъ, въ то время, когда Чернышевскій полемизировалъ противъ „Слова“, въ русской Польшѣ также происходило сильное политическое движеніе, къ которому онъ относился съ большимъ сочувствіемъ. И уже по этому одному выходки русскихъ подданныхъ Габс-

бургскаго дома противъ поляковъ не могли казаться ему тактичными и своевременными.

Вѣтви революціонной польской организаціи существовали и въ Петербургѣ, гдѣ почти безвыѣздно жилъ Чернышевскій. Стоялъ-ли онъ въ какихъ нибудь опредѣленныхъ, формальныхъ отношеніяхъ къ польскимъ революціонерамъ? На это нѣтъ пока никакихъ указаній. Очень можетъ быть, что разъясненію этого вопроса въ состояніи были бы способствовать польскіе историки той эпохи. Отъ русской литературы ждать ничего нельзя по весьма понятнымъ причинамъ. Современемъ скажетъ, вѣроятно, кое-что „Русская Старина“, но это будетъ еще не скоро. Не желая пускаться въ догадки, мы ограничимся только тѣми данными для уясненія общихъ симпатій Чернышевскаго къ польскому дѣлу, какія можно извлечь изъ его сочиненій. Но и такихъ данныхъ не много.

Мы могли бы совсѣмъ не касаться здѣсь романа „Прологъ пролога“. Тамъ изображаются дружескія отношенія Волгина (Чернышевскаго) къ Соколовскому (Сѣраковскому). Волгину нравится беззаѣтная преданность Соколовскаго своимъ убѣжденіямъ, отсутствіе въ немъ себялюбивой мелочности, умѣніе владѣть собою, соединенное съ страстной горячностью истиннаго агитатора. Волгинъ называетъ его *настоящимъ человекомъ* и думаетъ, что наши либералы могли бы многому у него поучиться. Все это очень интересно, но ни мало не разъясняетъ практическихъ отношеній Чернышевскаго къ польскому дѣлу, о которомъ въ романѣ нѣтъ ни слова. Изъ статей нашего автора, печатавшихся въ подцензурномъ „Современникѣ“ можно видѣть только то, что онъ при случаѣ всегда высказался въ защиту Польши. Онъ защищаетъ отъ нападокъ оффиціальныхъ русскихъ писателей даже старинный польскій государственный строй, которому онъ, при своихъ демократическихъ взглядахъ, не могъ сильно сочувствовать. Но онъ хвалитъ въ немъ такія стороны общественныхъ отношеній, которымъ не придавалъ цѣны въ своихъ болѣ раннихъ статьяхъ. Какъ мы уже знаемъ, въ статьѣ „Борьба партій во Франціи“ онъ обнаружилъ совершенное равнодушіе къ политическимъ формамъ. Когда онъ писалъ эту статью (въ 1858 г.), ему казалось, что демократъ не можетъ помириться *только съ одной аристократіей*, и что не смотря на политическую свободу Англіи, демократъ долженъ предпочесть ей Сибирь, гдѣ „простонародье“ живетъ будто бы лучше, чѣмъ въ Англіи. Теперь Чернышевскій совсѣмъ иначе смотритъ на вопросы политическаго устройства. Старинный бытъ Польши привлекаетъ его политической свободой. „Въ польскомъ отсутствіи бюрократической централизаціи — говоритъ онъ, разбирая только что вышедшую тогда вторую часть *Архива югозападной Россіи* — лежатъ стремленіе къ осуществленію иного порядка общества, чѣмъ тотъ, къ которому доходили инныя державы (тутъ, конечно, имѣется въ виду Московское государство) — порядка, основаннаго не на принесеніи личности въ жертву отвлеченной идеѣ государства, воплощаемой волею власти, а на соглашеніи свободныхъ личностей для взаимнаго благополучія... Тутъ общественное дѣло есть результатъ общественной мысли; тутъ вѣчная борьба понятій и

убѣжденій переходить изъ области размышленія и слова прямо въ проявленія жизни“. Положимъ, что польское общество было совершенно аристократично, „но кругъ привилегированный могъ расширяться болѣе и болѣе и обнять заброшенную, отверженную, лишенную всякихъ правъ массу народа, еслибы понятія о гражданственности сдѣлались шире и возрасли бы до общечеловѣческихъ идей, не связуемыхъ временными, ограничивающими ихъ полноту предрасудками“*). До такихъ увлеченій въ защитѣ стараго быта Польши не всегда доходили и польскіе демократы. Вѣдь весь вопросъ сводился именно къ тому, какимъ образомъ можно было привести польскихъ магнатовъ къ признанію „общечеловѣческихъ идей“.

По вопросу объ историческихъ результатахъ соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей, Чернышевскій также очень сильно расходится съ нашими официальными историками. „Неужели состояніе Руси во времена Ольгердовъ, Любартовъ, Скирагайловъ, Свидригайловъ было лучше, чѣмъ при Сикизмундахъ въ XVI и въ XVII вѣкахъ? вкликаетъ онъ въ отвѣтъ историкамъ, которые соединеніе съ Польшею выставляли единственной причиною всего дурного въ западной Россіи. „Пора перестать намъ быть односторонними, быть несправедливыми къ Польшѣ, продолжаетъ онъ,—признаемъ по крайней мѣрѣ благотворность ея вліянія на Русь хоть по отношенію къ просвѣщенію. Возьмемъ степень умственнаго образованія въ тѣхъ частяхъ русскаго міра, который соединился съ Польшею, и сравнимъ ее съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи было въ той части нашего общерусскаго отечества, которая оставалась самобытною — въ формѣ Московскаго государства. Не изъ Малороссіи ли пошло просвѣщеніе въ Москву XVII вѣка и не оно ли приготовило все послѣдующее наше образованіе? И не подъ вліяніемъ ли Польши оно возрасло въ Малороссіи?“

Въ ополченіи западной Россіи виноваты, по мнѣнію Чернышевскаго, также не поляки. Высшій классъ въ западной Россіи имѣлъ и права и средства отстоять свою вѣру и свой языкъ и спасти отъ униженія свой народъ, впрочемъ, имъ же самимъ поработенный. Если западнорусская аристократія тѣмъ не менѣе совершенно ополчилась, то винить въ этомъ нужно ее и только ее. „Сами не умѣли себя сохранить, нечего на другихъ взваливать свою вину“ — замѣчаетъ нашъ авторъ.

X

Революціонное настроеніе польскаго общества совпало съ сильнымъ возбужденіемъ крайней партіи въ Россіи. Волновалась учащаяся молодежь, возникали тайныя общества, печатавшія революціонныя программы и прокламаціи, ждали возстанія недовольнаго „не настоящей волей“ крестьянства. Мы видѣли, что Чернышевскій самъ вѣриль въ

*) Совр. 1861 г. апрѣль, Новая книга, стр. 443 и слѣдующія.

возможность подобнаго возстанія ; но по вопросу объ его отношеніяхъ къ тогдашнимъ тайнымъ обществамъ въ Россіи мы, къ сожалѣнію, знаемъ такъ же мало, какъ и объ отношеніяхъ его къ польскимъ организаціямъ. Здѣсь мы также можемъ говорить лишь о настроеніи Чернышевскаго, выражавшемся полу-словами и намеками въ его статьяхъ, напечатанныхъ въ „Современникѣ“. Настроеніе это несомнѣнно становилось все болѣе и болѣе революціоннымъ. Чернышевскій, находившій когда-то возможнымъ и полезнымъ разъяснить правительству его собственныя выгоды въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, теперь уже и не думаетъ обращаться къ правительству. Всякія сдѣлки съ нимъ, всякіе расчеты на него справедливо кажутся ему вреднѣйшимъ самообольщеніемъ. Въ статьѣ „Русскій реформаторъ“, написанной по поводу выхода книги барона М. Корфа, „Жизнь графа Сперанскаго“, Чернышевскій подробно доказываетъ, что никакой реформаторъ въ дѣлѣ серьезныхъ общественныхъ реформъ не можетъ рассчитывать у насъ на правительство. Тѣмъ менѣе могутъ рассчитывать на него революціонеры. Враги называли Сперанскаго революціонеромъ, но такой отзывъ о немъ кажется Чернышевскому смѣшнымъ. У Сперанскаго были дѣйствительно очень широкіе планы преобразованій, но „смѣшно называть Сперанскаго революціонеромъ по размѣру средствъ, какими онъ думалъ пользоваться для исполненія своихъ проэктвъ“. Онъ держался исключительно тѣмъ, что успѣлъ пріобрѣсть довѣріе императора Александра. Опираясь на это довѣріе, онъ и думалъ совершить свои реформы. И именно поэтому онъ казался Чернышевскому вреднымъ мечтателемъ. Мечтатели часто бываютъ просто смѣшны, а ихъ самообольщенія мелочны, но они „могутъ быть вредны обществу, когда обольщаются въ серьезныхъ дѣлахъ. Въ своей восторженной хлопотливости на ложномъ пути, они какъ будто добиваются нѣкотораго успѣха и тѣмъ сбиваютъ съ толку многихъ, заимствующихъ изъ этого мнимаго успѣха мысль идти тѣмъ же ложнымъ путемъ. Съ этой стороны дѣятельность Сперанскаго можно назвать вредною“ *).

Намекая молодежи на необходимость революціоннаго способа дѣйствій, Чернышевскій въ то же время объяснялъ ей, что революціонеру, ради достиженія его цѣлей, часто приходится становиться въ такія положенія, до какихъ никогда не можетъ допустить себя честный человѣкъ, преслѣдующій чисто личныя задачи. Такъ, еще въ январѣ 1861 г. Чернышевскій, разбирая одну книгу американскаго экономиста Кэри, неожиданно переходитъ къ разсужденіямъ объ извѣстной еврейской героинѣ Юднѣи и горячо оправдываетъ ея поступокъ. „Историческій путь не троттуаръ Невскаго Проспекта, замѣчаетъ нашъ авторъ ; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность : она занятіе благотворное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно :

*) Современникъ 1861 г., октябрь, Русская Литер., стр. 249-250.

иному, можетъ быть, кажется, что напр. Юдиѳъ не запятнала себя... Расширьте кругъ вашихъ соображеній, и у васъ по многимъ частнымъ вопросамъ явятся обязанности, различныя отъ тѣхъ, какія слѣдовали бы изъ изолированнаго поставленія тѣхъ же вопросовъ.“

По отношенію къ русскому правительству тонъ Чернышевскаго становится все болѣе и болѣе вызывающимъ. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ правительство рѣшило нѣсколько ослабить цензурныя стѣсненія. Рѣшено было написать новый цензурный уставъ, и печати позволили высказаться по вопросу объ ея собственномъ обузданіи. Чернышевскій не замедлилъ выяснить свое мнѣніе на этотъ счетъ, мнѣніе сильно расходившееся съ обычнымъ либеральнымъ взглядомъ. Правда, Чернышевскій самъ ѣдко смѣется надъ тѣми людьми, которые полагаютъ, что типографскій станокъ имѣетъ какую-то специфическую силу въ родѣ белладоны, сѣрной кислоты, гремучаго серебра и т. п. „Наше личное мнѣніе не расположено къ ожиданію ненатурально-вредоносныхъ результатовъ отъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ силы производить такіа бѣдствія. Мы думаемъ, что для произведенія общественныхъ бѣдъ типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Вѣдь нѣтъ на немъ столько чернилъ, чтобы, прорвавшись какъ нибудь, затопили они страну, и нѣтъ въ немъ такихъ пружинъ, чтобы, сорвавшись какъ нибудь и хлопнувъ по литерамъ, стрѣльнули онѣ имп какъ картечью.“ Однако Чернышевскій признаетъ, что бываютъ такіа эпохи, когда печать можетъ оказаться опасною для правительства данной страны не менѣе картечи. Это именно такіа эпохи, когда интересы правительства *расходятся съ интересами общества* и приближается революціонный взрывъ. Находясь въ подобномъ положеніи, правительство имѣетъ всѣ основанія стѣснить печать, потому что печать, наравнѣ съ другими общественными силами, готовитъ его паденіе. Въ такомъ положеніи постоянно находились почти всѣ часто смѣнявшіяся французскія правительства нинѣшняго вѣка. Все это очень обстоятельно и спокойно изложено Чернышевскимъ. О русскомъ правительствѣ до самаго конца статьи нѣтъ и рѣчи. Но въ заключеніе Чернышевскій неожиданно спрашиваетъ читателя, — а что если бы оказалось, что законы о печати дѣйствительно нужны у насъ? „Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантовъ, враговъ прогресса, ненавистниковъ свободы, панегиристовъ деспотизма и т. д., какъ уже много разъ подвергали себя такому нареканію.“ Поэтому онъ и не хочетъ изслѣдовать вопроса о надобности или ненадобности специальныхъ законовъ о печати у насъ. „Мы опасаемся, говоритъ онъ, — что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: да, они нужны.“*) Выводъ ясенъ: нужны потому, что Россія вступила въ революціонный періодъ своего развитія.

Въ той же мартовской книжкѣ: „Современника“, въ которой была напечатана цитированная статья, появилась также полемическая замѣтка: „*Научились-ли?*“ по поводу извѣстныхъ студенческихъ беспорядковъ 1861 года. Чернышевскій защищаетъ въ ней студентовъ отъ упрека въ нежеланіи учиться, который дѣлали нмъ наши „охра-

*) Совр. 1862 г. мартъ, статья: „Французскіе законы по дѣламъ печати“

нителі“, и по пути высказываетъ также много горькихъ истинъ правительству. Ближайшимъ поводомъ къ этой полемикѣ послужила статья неизвѣстнаго автора въ „С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ: „Учиться или не учиться?“ Чернышевскій отвѣчаетъ, что по отношенію къ студентамъ такой вопросъ не имѣетъ смысла, такъ какъ они всегда хотѣли учиться, но имъ мѣшали стѣснительныя университетскія правила. Студентовъ, — людей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда по нашимъ законамъ мущина можетъ жениться, принимается на государственную службу и „можетъ быть командиромъ военнаго отряда“, — университетскія правила хотѣли поставить въ положеніе маленькихъ ребятъ. Неудивительно, что они протестовали. Имъ запрещали даже такія совершенно безвредныя организаціи, какъ товарищества взаимной помощи, безусловно необходимыя при матеріальной необезпеченности большинства учащихся. Студенты не могли не возстать противъ такихъ порядковъ, такъ какъ тутъ дѣло шло о „кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались.“ Чернышевскій прямо заявляетъ, что составители университетскихъ правилъ именно хотѣли отнять возможность учиться у большинства людей, поступающихъ въ студенты университета. „Если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли правила.“

Безъименный авторъ статьи „Учиться или не учиться?“ направилъ свой упрекъ въ нежеланіи учиться не только противъ студентовъ, но и противъ всего русскаго общества. Этимъ и воспользовался Чернышевскій, чтобы свести споръ о безпорядкахъ въ университетѣ на болѣе общую почву. Противникъ его допускалъ, что существуютъ нѣкоторые признаки желанія русскаго общества учиться. Доказательствомъ этому служили по его мнѣнію „сотни“ возникающихъ у насъ новыхъ журналовъ, „десятки“ воскресныхъ школъ. „Сотни новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? восклицаетъ Чернышевскій. А нужны были бы дѣйствительно сотни. И хочеть-ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ, какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать скольконибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно имѣть нѣскольکو хотя маленькихъ газетъ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть... *Десятки воскресныхъ школъ...* Вотъ это не преувеличено, не то что *сотни новыхъ журналовъ*: воскресныя школы въ имперіи, имѣющей болѣе 60 милліоновъ населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, пеленают-

ся, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать.“

Сославшись на существованіе „сотенъ“ новыхъ журналовъ и „десятковъ“ воскресныхъ школъ, какъ на кажущіеся признаки желанія общества учиться, авторъ разобранной Чернышевскимъ статьи поспѣшилъ прибавить, что признаки эти обманчивы. „Послушаешь крики на улицахъ, — меланхолически повѣствовалъ онъ — скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову, и разочаруешься...“ „Позвольте, г. авторъ статьи, — возражаетъ Чернышевскій, — какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городскихъ и квартальныхъ, — эти крики и мы слышимъ. Про нихъ-ли вы говорите? Скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то... — что же такое напримѣръ? Тамъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлано притѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному, — объ этомъ безпрестанно говорятъ. Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься...“

Обвинитель студентовъ напалъ на ихъ мнимую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, на то, что они, въ своихъ протестахъ, прибѣгаютъ къ свисткамъ, мочонымъ яблокамъ и тому подобнымъ „уличнымъ орудіямъ“. Чернышевскій возражаетъ ему, что „свистки и мочонныя яблоки употребляются не какъ *уличныя орудія*: уличными орудіями служатъ штыки, приклады, палаши.“ Онъ предлагаетъ своему противнику вспомнить, „студентами-ли употреблялись эти уличныя орудія противъ когонибудь, или употреблялись они противъ студентовъ... и была-ли нужда употреблять ихъ противъ студентовъ.“

Понятно, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя статьи Чернышевскаго на русское студенчество. Когда въ послѣдствіи студенческіе беспорядки повторились въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, то статейка „Научились-ли“ читалась на сходкахъ студентовъ, какъ лучшая защита ихъ справедливыхъ требованій. Понятно также, какъ должны были встрѣчать подобныя вызывающія статьи наши преержащія власти. „Опасное“ вліяніе великаго писателя на учащуюся молодежь все болѣе и болѣе становилось для нихъ несомнѣннымъ.

Кромѣ текущей журнальной работы Чернышевскій усердно занимался также пропагандой основныхъ теоретическихъ положеній своего міросозерцанія. Полемика съ тогдашними представителями русской вульгарной экономіи показала ему, какъ ничтоженъ запасъ экономическихъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ. Онъ рѣшился пополнить этотъ пробѣлъ и принялся за переводъ и толкованіе Милля. Длинный рядъ его экономическихъ статей печатался въ продолженіе двухъ лѣтъ (1860-1861) на страницахъ „Современника“. Мы уже высказали свой взглядъ на свойственные Чернышевскому методъ и приемы экономического изслѣдованія. Во второй статьѣ, которая будетъ спеціально посвящена этому предмету, мы сдѣлаемъ подробный разборъ экономического ученія нашего автора. Поэтому теперь мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Выборъ книги Милля, какъ пособія для распространенія въ русской читающей публикѣ правильныхъ политико-экономическихъ воззрѣній, никакъ нельзя при-

знать удачнымъ. Экономическіе взгляды Милля такъ неясны и непослѣдовательны, что въ головѣ читателя никакъ не могло остаться ясныхъ экономическихъ понятій, не смотря на всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя Чернышевскимъ. Временами на самомъ Чернышевскомъ замѣтно отражается вліяніе свойственнаго Миллю „синкретизма“. Торопясь перейти къ критикѣ существующихъ общественныхъ отношеній съ точки зрѣнія здоровой „теоріи“, Чернышевскій пропускаетъ безъ разбора такіе взгляды Милля, которыхъ и тогдашняя наука далеко не могла признать правильными. Мѣстами кажется, что и самъ Чернышевскій раздѣляетъ эти ошибочныя понятія. Впрочемъ, теперь мы не станемъ пускаться въ подробности.

Чернышевскій могъ бы найти въ тогдашней западно-европейской экономической литературѣ писателей, гораздо болѣе достойныхъ серьезнаго вниманія. По вопросу объ отношеніяхъ труда къ капиталу Родбертусъ является настоящимъ гигантомъ въ сравненіи съ Миллемъ. По другимъ отдѣламъ полезнѣе было бы перевести, снабдивъ ее примѣчаніями и дополненіями, книгу Рикардо. У Рикардо есть чему поучиться даже свѣдущему читателю, между тѣмъ какъ даже свѣдущій читатель можетъ сбиться съ толку подъ вліяніемъ Милля. Вредное вліяніе на нашу читающую публику этого человѣка, всю жизнь свою старавшагося сѣсть между двухъ стульевъ, сдѣлалось особенно замѣтнымъ в послѣдствіи, когда примѣчанія и дополненія Чернышевскаго къ его книгѣ были запрещены и въ продажѣ оставался одинъ только переводъ ея. Почерпая изъ Милля свои экономическія понятія, русская читающая публика не имѣла, можно сказать, ровно никакихъ экономическихъ понятій.

Почти одновременно съ популярзаціей Милля Чернышевскій принялъ переводъ на русскій языкъ Шлоссера, очень любимаго имъ и дѣйствительно очень достойнаго уваженія историка.

IX

Чернышевскому было тогда около 35 лѣтъ. Онъ находился въ полномъ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, и до чего не могъ бы онъ дойти въ своемъ развитіи! Но уже не долго оставалось ему жить на свободѣ. Онъ былъ признанъ главою крайней партіи, явнымъ проповѣдникомъ матеріализма и социализма. Его считали „коноводитомъ“ революціонной молодежи, его винили за всѣ ея вспышки и волненія. Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, молва раздувала дѣло и приписывала Чернышевскому даже такія намѣренія и дѣйствія, какихъ у него никогда не было. Въ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій самъ описываетъ тѣ сочувственно-либеральныя сплетни, которыя ходили въ Петербургѣ относительно мнимыхъ сношеній Волгина (т. е. его самого) съ лондонскимъ кружкомъ русскихъ изгнанниковъ. Сплетни эти возникли по самымъ ничтожнымъ поводамъ, не имѣвшимъ рѣшительно ничего общаго съ политикой. И, какъ водится, сплетнями не ограничи-

валось дѣло. „Охранительная“ печать давно уже занималась литературными доносами на Чернышевскаго. Въ 1862 году „Современникъ“ былъ на время приостановленъ. Потомъ появились и нелитературные доносы. „Управляющій Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, говорится въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Чернышевскаго, получилъ безыменное письмо, конемъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго социалиста“; онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличать; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого человѣка; всѣ бывшіе пріатели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральнѣе отделились отъ него. Если не удалите Чернышевскаго, пишетъ авторъ письма, быть бѣдѣ, будетъ кровь; эти шайки бѣшеныхъ демагоговъ — отчаянныя головы... Можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется изъ за нихъ. Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ — вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте, куда хотите, но скорѣе отпните у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія.“

Седьмого іюля 1862 года Чернышевскаго арестовали. Такъ какъ, по словамъ доносчика, онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличать, то синіе рыцари 3-го отдѣленія успѣшили состричь фальшивыя улики. Какъ велось дѣло Чернышевскаго, видно изъ того, что прокуроръ не постыдился цитировать письмо безыменнаго доносчика даже въ обвинительномъ актѣ, между тѣмъ какъ русскій законъ предписываетъ „по доносамъ въ безыменныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ не производить слѣдствія“ (ст. 52 кн. II Зак. Уг. т. XV Св. зак., изд. 1857 г.). Еще до ареста Чернышевскаго схватили какого-то Вѣтошкина, у котораго нашли, будто бы, письмо Герцена къ Серно-Соловьевичу, гдѣ есть, будто бы, такая приписка: „Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены съ Чернышевскимъ издавать Современникъ“. На основаніи этой приписки и арестовали Чернышевскаго. А между тѣмъ Герценъ въ номерѣ 193 „Колокола“ утверждалъ, что онъ ни слова не говорилъ въ письмахъ о своихъ планахъ литературной дѣятельности вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. „Я никогда не находился въ перепискѣ съ Чернышевскимъ. Я не могъ писать, что мы намѣрены издавать „Современникъ“ съ нимъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, хочетъ онъ или нѣтъ издавать „Современникъ“ внѣ Россіи... Запрещеніе „Современника“ было объявлено въ газетахъ, мы тотчасъ предложили громко и открыто издателямъ „Современника“ печатать его на нашъ счетъ за-границей. На наше предложеніе никогда не было ни малѣйшаго отзыва. Какъ же я могъ писать объ этомъ положительно и къ тому же въ Россію? Ужъ не служу ли послѣ этого и я въ тайной полиціи?“ — Но когда же останавливались передъ ложью и фальсификаціями усердные слуги русскаго правительства? При обыскѣ у Чернышевскаго нашли нѣсколько ничего не доказывающихъ бумагъ и писемъ, привлекли къ дѣлу такихъ, уже всѣмъ извѣстныхъ тогда, доносчиковъ, какъ Всеволодъ Костомаровъ, раскопали даже дневникъ обвиняема-

го, въ которомъ онъ, еще до своей женитьбы, писалъ, между прочимъ, что „его каждый день могутъ взять“, — и дѣльце было обдѣлано. Чернышевскаго предали суду сената, обвиняя его: 1) въ сношеніяхъ съ Герценомъ; 2) въ сочиненіи возмутительнаго воззванія „къ барскимъ крестьянамъ“, переданнаго будто бы доносчику В. Костомарову для напечатанія, и 3) въ приготовленіи къ возмущенію. Интересно, что единственнымъ доказательствомъ „приготовленія къ возмущенію“ было доставленное Костомаровымъ же письмо къ какому-то Алексѣю Николаевичу, въ которомъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорится, что времени терять нечего, что „теперь или никогда“, и что у неизвѣстнаго Алексѣя Николаевича нѣтъ энергіи. Чернышевскій настойчиво отрицалъ принадлежность ему этого письма, но еслибы оно ему даже и принадлежало, то на основаніи его можно было бы доказать лишь участіе его въ заведеніи тайной типографіи: „Вы вотъ уже около года водите насъ своимъ станкомъ, и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы наше дѣло было выиграно.“ О какомъ дѣлѣ говорится въ письмѣ, — это совершенно неизвѣстно. Упоминается въ немъ, правда, о печатаніи какого то манифеста, но вѣдь не всякій манифестъ есть „приготовленіе къ возмущенію“. Казалось бы, даже третье-отдѣленскіе юристы должны были понимать, что отъ заведенія тайной типографіи и печатанія манифестовъ еще далеко до приготовленія къ возмущенію. Они, конечно, и понимали это. Но еще лучше понимали они, что Чернышевскій представляетъ собою огромную, незамѣнимую революціонную силу.

Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ предположеніи, что Чернышевскій принадлежалъ къ какому нибудь революціонному обществу. Напротивъ, такое предположеніе даже вполнѣ вѣроятно. Но гдѣ же въ цивилизованномъ мірѣ *вѣроятность* считается *юридической уликой*? Нигдѣ, кромѣ Россіи, да и въ Россіи только въ политическихъ процессахъ.

Неразборчивость прокурорскаго надзора по отношенію къ уликамъ въ дѣлѣ Чернышевскаго показываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Обвинительный актъ цитируетъ письмо подсудимаго къ женѣ, писанное имъ уже изъ крѣпости. „Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи, говорится въ немъ, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ тѣхъ, кто жилъ съ нами“. Кромѣ этихъ словъ ясно указывающихъ на „приготовленіе къ возмущенію“, обвинительный актъ цитируетъ еще слѣдующія строки изъ того же письма. Говоря женѣ о своемъ намѣреніи составлять „Энциклопедію знанія и жизни“, Чернышевскій пишетъ: „Со времени Аристотеля не было еще дѣлано никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.“ Что доказываютъ эти строки? Зачѣмъ ссылался на нихъ составитель обвинительнаго акта? Ясное дѣло! человекъ готовый къ изданію энциклопедіи совершенно готовъ и къ „возмущенію“!

Около 2 лѣтъ тянулось слѣдствіе по дѣлу Чернышевскаго. Онъ упорно отрицалъ возводимыя на него обвиненія и надѣялся, пови-

димому, что ему скоро удастся вырваться изъ когтей русскаго орла. На эту надежду указываетъ самое намѣреніе издавать „Энциклопедію“. Полонъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и романъ „Что дѣлать?“, написанный имъ уже въ заключеніи. Впрочемъ, въ романѣ этомъ надежды приурочиваются не къ юридическимъ соображеніямъ о невозможности осудить его по недостатку уликъ, а къ скорому торжеству освободительнаго движенія въ Россіи. Намеки на близость этого торжества часто встрѣчаются въ романѣ. Въ эпилогѣ есть даже какія-то неясныя указанія на 1866 г. (романъ оконченъ въ апрѣлѣ 1864 г.), въ которомъ должно произойти въ Россіи что-то особенное. Одна дама, являвшаяся въ послѣднихъ сценахъ романа и носившая трауръ по близкомъ человѣкѣ, очевидно находившемся въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, въ 1866 г. ѣдетъ по улицамъ Петербурга уже веселая и радостная, въ сопровожденіи своего освобожденнаго друга. Мы, разумѣется, можемъ только догадываться, что хотѣлъ сказать этимъ авторъ.

XII

Содержанія „Что дѣлать?“ мы излагать не будемъ. Кто не читалъ и не перечитывалъ этого знаменитаго произведенія? Кто не увлекался имъ, кто не становился подъ его благотворнымъ вліяніемъ чище, лучше, бодрѣе и смѣлѣе? Кого не поражала нравственная чистота главныхъ дѣйствующихъ лицъ? Кто послѣ чтенія этого романа не задумывался надъ собственной жизнью, не подвергалъ строгой провѣркѣ своихъ собственныхъ стремленій и склонностей? Всѣ мы черпали изъ него и нравственную силу, и вѣру въ лучшее будущее,

И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду...

Наши обскуранты не разъ указывали на отсутствіе въ романѣ художественныхъ достоинствъ, на его очевидную тенденціозность. Съ внѣшней стороны упреки эти справедливы: романъ дѣйствительно очень тенденціозенъ, художественныхъ достоинствъ въ немъ очень мало. Но пусть укажутъ намъ хоть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, истинно художественныхъ произведеній русской литературы, которое по своему вліянію на нравственное и умственное развитіе страны могло бы поспорить съ романомъ „Что дѣлать?“ Никто не укажетъ такого произведенія, потому что его не было, нѣтъ и, навѣрное, не будетъ. Съ тѣхъ поръ какъ завелись типографскіе станки въ Россіи и вплоть до нашего времени ни одно печатное произведеніе не имѣло въ Россіи такого успѣха, какъ „Что дѣлать?“ Извольте послѣ этого указывать на тенденціозность автора, извольте повторять, что онъ не художникъ! Читающая публика очень основательно затѣтитъ вамъ, что ей до этого нѣтъ дѣла, что всякая беллетристика хороша, кромѣ скучной, романъ же Чернышевскаго вызывалъ въ ней восторгъ, а не скуку;

этого съ нея совершенно достаточно. Наконецъ, господа обскуранты, вѣдь вы также не чуждаетесь тенденціозности въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Вы также не прочь написать тенденціозный романъ или повѣсть. Вся бѣда въ томъ, что *вашихъ* тенденціозныхъ произведеній никто не читаетъ, что ими никто не увлекается. Какъ вы думаете, откуда происходитъ это различіе? Не показываетъ ли оно, что тенденція тенденціи рознь, и что бываютъ такія тенденціи, которыя нисколько не мѣшаютъ успѣху окрашенныхъ ими произведеній?

Въ чемъ заключалась тайна колоссальнаго, неслыханнаго успѣха „Что дѣлать?“ Именно въ характерѣ его тенденціи, въ полной своевременности распространенія у насъ высказанныхъ авторомъ мыслей. Сами по себѣ мысли эти были не новы, Чернышевскій цѣликомъ взялъ ихъ изъ западно-европейской литературы. Проповѣдью свободныхъ и, главное, *искреннихъ, честныхъ* отношеній въ любви мужчины къ женщинѣ гораздо раньше его занималась Жоржъ Сандъ во Франціи*). Лукреція Флоріани по нравственнымъ требованіямъ, предъявляемымъ ею къ любви, ничѣмъ не отличается отъ Вѣры Павловны. Идеи Жоржъ Сандъ еще въ сороковыхъ годахъ встрѣчали у насъ (самое горячее сочувствіе. Бѣлинскій былъ страстнымъ поклонникомъ этой писательницы. Въ своихъ статьяхъ онъ не разъ проводилъ ея взгляды на свободу и искренность въ любовныхъ отношеніяхъ. Извѣстно, какъ упрекалъ онъ пушкинскую Татьяну въ томъ, что, любя Онѣгина, но въ то же время будучи „другому отдана“, она не послѣдовала влеченію своего сердца и продолжала жить съ нелюбимымъ старикомъ-мужемъ. Лучшіе изъ „людей сороковыхъ годовъ“ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ держались тѣхъ же принциповъ, какимъ слѣдовали Лопуховъ и Кирсановъ. Но до появленія романа „Что дѣлать?“ эти принципы раздѣлялись только небольшою кучкой „избранныхъ“, масса читающей публики совсѣмъ не понимала ихъ. Даже Герценъ не рѣшился высказать ихъ во всей полнотѣ и ясности въ своемъ романѣ „Кто виноватъ?“ Съ выходомъ „Что дѣлать?“ — вопросъ былъ поставленъ до послѣдней степени ясно и рѣзко. Никакія сомнѣнія не могли болѣе имѣть мѣста. Мыслящимъ людямъ оставалось: или руководствоваться въ любви принципами Лопухова и Кирсанова, или, склоняясь передъ святостью брака, прибѣгать, въ случаѣ появленія у нихъ новаго чувства, къ старому испытанному средству тайныхъ амурныхъ похиженій, или, наконецъ, совершенно подавлять въ себѣ всякое любовное чувство, въ виду *принадлежности* своей другому, уже нелюбимому человѣку. И выборъ приходилось дѣлать совершенно сознательно. Чернышевскій такъ разъяснилъ этотъ вопросъ, что естественная прежде необдуманность и непосредственность любовныхъ отношеній сдѣлались совер-

*) Замѣтимъ кстати, что „wahlverwandschaften“ Гете и нѣкоторыя изъ его драмъ также представляютъ собою слово въ защиту свободной любви. Это хорошо понимаютъ многіе нѣмецкіе историки нѣмецкой литературы, которые, не дерзая хулить такого авторитетнаго писателя, и въ то же время не смѣя согласиться съ нимъ по своему филистерскому благонравію, лепечутъ обыкновенно нѣчто совершенно непонятное на счетъ странныхъ будто бы парадоксовъ великаго нѣмца.

шенно невозможными. На любовь распространился контроль сознания, сознательный взгляд на отношенія мужчины къ женщинамъ слѣдился достояніемъ широкой публики. И это было особенно важно у насъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Пережитыя Россіей реформы перевернули вверхъ дномъ не только ея общественныя, но и семейныя отношенія. Лучи свѣта проникли въ такіе закоулки, которые до того времени оставались совершенно темными. Русскіе люди вынуждены были оглянуться на себя, посмотрѣть трезвыми глазами на свои отношенія къ ближнимъ, къ обществу и семьѣ. Въ семейныхъ отношеніяхъ, въ любви и дружбѣ сталъ играть большую роль новый элементъ: *убѣжденія*, которыя имѣлись прежде лишь у самой маленькой кучки „идеалистовъ“. Различіе въ убѣжденіяхъ служило поводомъ къ неожиданнымъ разрывамъ. Женщина, „отданная“ извѣстному человѣку, нерѣдко съ ужасомъ открывала, что ея законный „обладатель“ есть обскуравтъ, взяточникъ, низкопоклонный льстецъ передъ начальствомъ. Мужчина, съ наслажденіемъ „обладавшій“ прежде красавицей женою и неожиданно для него самого затронутый потокомъ новыхъ идей, часто съ отчаяніемъ видѣлъ, что его прелестная игрушка интересуется вовсе не „новыми людьми“ и не „новыми взглядами“, а новыми нарядами да танцами, да еще чинами и жалованьемъ мужа. Всѣ объясненія и увѣщанія оказываются напрасными, красавица превращается въ настоящую мегеру, какъ только мужъ попробуетъ заикнуться, что онъ „служить бы радъ“, но что „прислуживаться тошно“. Какъ быть? Что дѣлать? Знаменитый романъ показывалъ, какъ быть и что дѣлать. Подъ его вліяніемъ люди, считавшіе себя прежде законной собственностью другихъ, начинали повторять вмѣстѣ съ его авторомъ: о грязь, о грязь, кто смѣетъ обладать человѣкомъ! — и въ нихъ просыпалось сознаніе человѣческаго достоинства, и они, часто послѣ жесточайшихъ душевныхъ и семейныхъ бурь, становились на собственные ноги, устраивали свою жизнь сообразно со своими убѣжденіями и сознательно шли къ разумной человѣческой цѣли. Уже въ виду одного этого можно сказать, что имя Чернышевскаго принадлежитъ исторіи, и будетъ оно мило людямъ, и будутъ вспоминать его съ благодарностью, когда уже не будетъ въ живыхъ никого изъ лично знавшихъ *великаго русскаго просвѣтителя*.

Обскуранты обвиняли Чернышевскаго въ томъ, что онъ проповѣдывалъ будто бы въ своемъ романѣ „*эмансипацію плоти*“. Нѣтъ ничего нелѣпѣе и лицемѣрнѣе этого обвиненія! Возьмите любой романъ изъ великосвѣтской жизни, припомните любовныя похождения дворянства и буржуазіи во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ — и вы увидите, что Чернышевскому не было никакой надобности проповѣдовать давно уже совершившуюся эмансипацію плоти. Его романъ проповѣдуетъ, наоборотъ, *эмансипацію человѣческаго духа, человѣческаго разума*. Никто изъ людей, проникшихся направлениемъ этого романа, не будетъ имѣть склонности къ будуарнымъ похождениямъ, безъ которыхъ жизнь не въ жизнь „свѣтскимъ“ людямъ, проникнутымъ лицемѣрнымъ уваженіемъ къ ходячей морали. Гг. обскуранты прекрасно понимаютъ строго-нравственный характеръ произведенія Чернышевскаго и сердятся на него именно за его нравственную строгость. Они чувству-

ютъ, что люди, подобные героямъ „Что дѣлать?“, должны считать ихъ величайшими развратниками и испытывать къ нимъ глубочайшее презрѣніе.

Нѣкоторые замѣчаютъ также, что хорошо было Лопухову и Вѣрѣ Павловнѣ проявлять свои возвышенныя чувства, когда у нихъ не было дѣтей: будь у нихъ дѣти, имъ пришлось бы идти по избитой дорогѣ въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ. Чернышевскій и самъ говоритъ, что если бы у Вѣры Павловны были дѣти, то она, можетъ быть, поступила бы иначе. Онъ прекрасно понималъ, что вопросъ объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о семьѣ, безъ которой люди не могутъ жить въ существующемъ теперь обществѣ. Онъ зналъ, что для того чтобы любовь была вполнѣ свободна, нужно перестроить всѣ семейныя, а слѣдовательно и всѣ общественныя отношенія. Но онъ не остановился передъ этой мыслью, потому что иное дѣло тѣ любовныя отношенія, въ которыя люди будутъ вступать впоследствии, иное дѣло та человѣчность и разумность, которыя уже въ настоящее время возможны въ бракѣ между развитыми людьми. Если бы потомство Вѣры Павловны и Лопухова умножилось какъ песокъ морской, то и тогда они остались бы людьми разумными и гуманными, а слѣдовательно и не отравляли бы другъ другу жизни за невольныя, независявшія отъ ихъ воли уклоненія чувства. Чернышевскій, можетъ быть, даже нарочно изобразилъ въ своемъ романѣ простѣйшій случай: возникновеніе новаго чувства у замужней бездѣтной женщины. Уяснивъ на этомъ случаѣ взаимныя обязанности порядочныхъ людей, онъ затѣмъ могъ уже ожидать, что понявшіе его читатели сами рѣшатъ, какъ должны вести себя въ подобныхъ случаяхъ имѣющія дѣтей брачныя пары: подъ вліяніемъ различныхъ частныхъ соображеній они могутъ поступать различно; но разъ они поняли взглядъ Чернышевскаго, они никогда уже не поведутъ себя подобно людямъ стараго зачала.

XIII

Мы знаемъ, — распространеніе въ Россіи великихъ идей правды, науки, искусства составляло главную, можно сказать единственную цѣль въ жизни нашего автора. Въ интересахъ такого распространенія написалъ онъ и романъ „Что дѣлать?“. Ошибочно было бы разсматривать этотъ романъ исключительно только какъ проповѣдь разумныхъ отношеній въ любви. Любовь Вѣры Павловны къ Лопухову и Кирсанову — это только канва, по которой располагаются другія, болѣе важныя мысли автора. Мы уже говорили объ ассоціаціяхъ, заведенныхъ Вѣрой Павловной. Заставляя ее братья за эту дѣятельность, авторъ хотѣлъ указать своимъ послѣдователямъ на практическія задачи социалистовъ въ Россіи. Въ снахъ Вѣры Павловны яркими красками рисуются социалистическіе идеалы автора. Картина социалистическаго общежитія нарисована имъ цѣликомъ по Фурье. Чернышевскій не предлагаетъ читателямъ ничего новаго. Онъ толь-

ко знакомить ихъ съ тѣми выводами, къ которымъ давно уже пришла западно-европейская мысль. Здѣсь опять приходится замѣтить, что взгляды Фурье уже въ сороковыхъ годахъ извѣстны были въ Россіи. За фурьеризмъ судились и были осуждены „Петрашевцы“. Но Чернышевскій придалъ идеямъ Фурье небывалое до тѣхъ поръ у насъ распространеніе. Онъ ознакомилъ съ ними широкую публику. Впослѣдствіи у насъ даже поклонники Чернышевскаго пожимали плечами, говоря о снахъ Вѣры Павловны. Сбившіеся ей фаланстеры казались потомъ нѣкоторымъ довольно наивной мечтою. Говорили, что знаменитый писатель могъ бы побесѣдовать съ читателемъ о чемъ нибудь болѣе къ намъ близкомъ и болѣе практичномъ. Такъ разсуждали даже люди, называвшіе себя социалистами. Признаемся, мы совсѣмъ не такъ смотримъ на это дѣло. Въ снахъ Вѣры Павловны мы видимъ такую черту социалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго, на которую къ сожалѣнію, не обращали до сихъ поръ достаточнаго вниманія русскіе социалисты. Въ этихъ снахъ насъ привлекаетъ вполне усвоенное Чернышевскимъ сознаніе того, что социалистическій строй можетъ основываться только на широкомъ примѣненіи къ производству техническихъ силъ, развитыхъ буржуазнымъ періодомъ. Въ снахъ Вѣры Павловны огромныя арміи труда занимаются производствомъ собоша, переходя изъ Средней Азіи въ Россію, изъ странъ жаркаго климата въ холодныя страны. Все это, конечно, можно было узнать и изъ Фурье, но что этого не знала русская читающая публика видно изъ даже послѣдующей исторіи такъ называемаго русскаго социализма. Въ своихъ представленіяхъ о социалистическомъ обществѣ наши революціонеры не рѣдко доходили до того, что воображали его въ видѣ федераціи крестьянскихъ общинъ, обрабатывающихъ свои поля тою же допотопною сохою, съ помощію которой они ковыряли землю еще при Василіѣ Темномъ. Но само собою разумѣется, что такой „социализмъ“ вовсе ни можетъ быть признанъ социализмомъ. Освобожденіе труда можетъ совершиться только въ силу освобожденія человѣка отъ „власти земли“ и вообще природы. А для этого послѣдняго освобожденія безусловно необходимы тѣ арміи труда и то широкое примѣненіе къ производству современныхъ производительныхъ силъ, о которыхъ говорилъ въ снахъ Вѣры Павловны Чернышевскій и о которыхъ мы, въ своемъ стремленіи къ „практичности“, совершенно позабыли.

Что социалистическіе взгляды Чернышевскаго не были поняты очень многими изъ его читателей, — видно изъ прекрасной въ литературномъ отношеніи статьи Д. И. Писарева: „Мыслящій пролетаріатъ“, представляющей собою разборъ „Что дѣлать?“. Писаревъ въ восторгѣ отъ Вѣры Павловны, Лопухова и Кирсанова. Для него они являются истинными представителями „базаровскаго типа“, поставленными въ наиболѣе подходящую для нихъ обстановку*). Это — новые люди въ полномъ смыслѣ слова. Но какъ представляетъ онъ

*) Впрочемъ, самъ Чернышевскій едва ли смотрѣлъ на своихъ героевъ, какъ на представителей „базаровскаго типа“. „Современникъ“ видѣлъ въ Базаровѣ карикатуру на „молодое поколѣніе“. (См. извѣстную статью М. А. Антоновича: „Асмодей нашего времени“ въ мартовской книжкѣ „Современника“ 1862 г.)

себѣ характеръ и дѣятельность новыхъ людей? Онъ схватывается прежде всего за то, что всѣ они занимаются естественными науками. Естественныя науки были, какъ извѣстно, для Писарева альфой и омегой знанія. Занимайся одной изъ этихъ *настоящихъ* наукъ, трудись, устрой разумно свои отношенія къ женѣ и друзьямъ — и я ты тѣмъ самымъ станешь „мыслящимъ пролетаріемъ“, будешь работать на пользу другихъ, пока еще не мыслящихъ пролетаріевъ, будешь вполнѣ „содарень“ съ ними. О томъ, что у „мыслящаго“ пролетарія могутъ быть иныя, болѣе широкія задачи по отношенію къ остальнымъ пролетаріямъ—въ статьѣ нѣтъ ни слова. Конечно, хорошо завести, подобно Вѣрѣ Павловнѣ, ту или другую ассоціацію, но главное не въ этомъ, а въ разумномъ устройствѣ личной жизни и въ занятіи естественными науками. Рахметова Писаревъ даже вовсе не понимаетъ. Онъ, пожалуй, и не прочь и похвалить Рахметова (нельзя не похвалить его, его хвалитъ самъ Чернышевскій), но, не понимая этого типа, онъ невольно обнаруживаетъ свою антипатію къ нему. Настоящими, идеальными „новыми людьми“ для Писарева все таки остаются Вѣра Павловна, Лопуховъ и Кирсановъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Чернышевскаго, Рахметовъ также относится къ Лопухову и его ближайшимъ друзьямъ, какъ огромный дворецъ относится къ обыкновенному дому. Рахметовъ и выведенъ для того, чтобы показать относительную заурядность людей, подобныхъ Лопухову. Лопуховъ — человекъ личныхъ отношеній. Онъ очень сочувствуетъ социализму, но занимается общественными дѣлами лишь мимоходомъ, лишь когда случится. Рахметовъ посвящаетъ общественному дѣлу все свое время и всѣ свои помышленія. Онъ совсѣмъ не знаетъ личныхъ печалей и радостей. Онъ даже рѣшился никогда не сходить съ женщиной. Поэтому онъ совершенно застрахованъ отъ исторій, подобныхъ той, въ которой обрисовался характеръ Лопухова и Кирсанова. Это — человекъ идеи. Только на служеніи идеѣ и могутъ обнаружиться богатая сила этого желѣзнаго характера. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ тяжелъ, если хотите просто невыносимъ, какъ это безъ церемоніи говоритъ ему Вѣра Павловна. Да онъ и самъ сознаетъ это и ни мало не огорчается подобнымъ сознаниемъ. Большому кораблю — большое плаваніе.

Чернышевскій присутствовалъ при зарожденіи у насъ поваго типа „новыхъ людей“ — революціонера. Онъ радостно привѣтствовалъ появленіе этого типа и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи нарисовать хотя бы неясный его профиль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ грустью предвидѣлъ, какъ много мукъ и страданій придется пережить русскому революціонеру, жизнь котораго должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелаго самоотверженія. И вотъ Чернышевскій выставляетъ передъ нами въ Рахметовѣ настоящаго аскета. Рахметовъ положительно мучаетъ себя. Онъ совсѣмъ „безжалостный до себя“, по выраженію его квартирной хозяйки. Онъ рѣшается даже попробовать, сможетъ-ли вынести пытку и съ этой цѣлью лежитъ всю ночь на войлокѣ, утыканномъ гвоздями. Многие, и въ томъ числѣ Писаревъ, видѣли въ этомъ простое чудачество. Мы согласны, что нѣкоторыя частности въ характерѣ Рахметова могли быть изображены

иначе. Но вся совокупность его характера все таки остается вполне верной действительности. Въ каждомъ изъ выдающихся русскихъ революціонеровъ была огромная доля рахметовщины.

Теперь революціонеръ изъ „интеллигентной“ среды почти совершенно сыгралъ свою роль. Въ немъ уже нѣтъ оригинальности, онъ повторяется, мельчаетъ. На смѣну ему должны придти и, конечно, придутъ революціонеры изъ рабочей среды, эти истинныя „дѣти народа“. Но онъ имѣлъ свою, полную славы, исторію и потому нельзя не подивиться чуткости Чернышевскаго, который сумѣлъ такъ хорошо подмѣтить и такъ вѣрно изобразить по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты только что нарождавшагося тогда типа.

XV

Сенатъ постановилъ лишить Чернышевскаго правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибирь навсегда. Въ окончательномъ приговорѣ срокъ каторжной работы былъ сокращенъ до 7 лѣтъ. 13 іюня 1864 года на Мыстинской Площади на Пескахъ происходило чтеніе приговора надъ великимъ русскимъ социалистомъ. Блѣдный, исхудалый, измученный, онъ былъ выставленъ къ „позорному“ столбу и стоялъ молча, отвернувшись спиной къ чиновнику, читавшему приговоръ. Надъ осужденнымъ продѣланъ былъ обрядъ преломленія шпаги и затѣмъ руки его были продѣты палачемъ въ кольца, прикованныя къ эшафотному столбу. Въ эту минуту на эшафотъ упалъ букетъ, и въ толпѣ, переполнявшей Мыстинскую Площадь, раздались крики сочувствія къ осужденному... Чернышевскаго отправили въ Сибирь.

Извѣстный Муравьевъ-Вѣпатель хотѣлъ было притянуть его къ Каракозовскому дѣлу, но Александръ II почему то воспротивился этому, и Чернышевскій остался въ Сибири. Тамъ онъ пробылъ 20 лѣтъ, при чемъ, по настоянію шефа жандармовъ, графа Шувалова, его миновали всѣ законы смягченія. По окончаніи 7-ми лѣтней каторжной работы онъ былъ поселенъ въ Вилюйскѣ, Якутской области, гдѣ единственными его собесѣдниками могли быть только сторожившіе его казаки и жандармы. Въ этомъ новомъ заключеніи въ отдаленномъ и до крайности нездоровомъ сибирскомъ заолустьѣ Чернышевскій прожилъ до самаго 1884 года, когда ему позволили переѣхать на житье въ Астрахань. Нужно удивляться, какъ вынесъ всю массу обрушившихся на него преслѣдованій этотъ физически безсильный, слабогрудый человекъ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о довольно многочисленныхъ попыткахъ освобожденія Чернышевскаго, такъ какъ онѣ достаточно извѣстны публикѣ.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Сибири Чернышевскій снова дѣятельно принялся за литературную работу. Онъ прилежно переводилъ

„Всемирную Исторію“ Вебера и написалъ нѣсколько статей для періодическихъ изданій. Замѣчательно, что одной изъ послѣднихъ статей, написанныхъ нашимъ авторомъ до ссылки, были „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, и одной изъ первыхъ большихъ статей, написанныхъ имъ по возвращеніи изъ ссылки, было продолженіе тѣхъ же „Матеріаловъ“. Очевидно, что воспоминаніе о безвременно умершемъ, даровитомъ и любимомъ товарищѣ никогда не покидало Чернышевскаго.

О статьяхъ, написанныхъ имъ послѣ ссылки, мы поговоримъ во второй статьѣ. Теперь скажемъ только, что хотя по языку и манерѣ легко было узнать въ этихъ статьяхъ Чернышевскаго, но въ нихъ уже нѣтъ прежняго блеска и прежней глубины его мысли. Его статья о Дарвинѣ положительно слаба, слаба до крайности, до того, что производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Читая ее чувствуешь, что имѣешь дѣло съ писателемъ, уже окончательно разбитымъ и надломленнымъ. Небольшая доля свободы, предоставленная ему передъ смертью, не могла уже воскресить прежняго Чернышевскаго. Преній Чернышевскій былъ убитъ приговоромъ сената, и никогда русское правительство не совершало большаго преступленія по отношенію къ умственному развитію Россіи. Вотъ почему, заканчивая эту первую статью, мы съ величайшимъ сочувствіемъ повторимъ слова Герцена, написаннаго имъ какъ только ему сталъ извѣстенъ приговоръ по дѣлу Чернышевскаго: „Да падетъ проклятіемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая навлекла это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она приучила правительство къ убійствамъ военноплѣнныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи къ утвержденію сентенцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди—трава, люди—слизняки говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами!“

Г. Плехановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
